ISSN 0131-2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2001

Россия, Китай и Индия:
перед вызовами XXI века

●

АТР и морской потенциал России

●

Китайцы на российском
Дальнем Востоке

●

Внешнеэкономическая стратегия
стран Восточной Азии

●

XII Международная
научная конференция в ИДВ РАН

1 экз

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2001

Ноябрь - Декабрь

СЛАВЯНСКОЕ ... СССР

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

С.Лузянин, Т.Шаумян. Россия-Китай-Индия: новые вызовы и угрозы XXI века (К итогам трехсторонней российско-китайско-индийской международной научной конференции) 6

М.Титаренко. Российско-китайско-индийское сотрудничество перед лицом вызовов глобализации 26

Г.Агафонов. Азиатско-Тихоокеанский регион и морской потенциал России 31

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Китайско-российское региональное сотрудничество (по материалам конференции в Харбине) 45

Е.Мотрич. Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке 55

ЭКОНОМИКА

Лю Гогуан (КНР). Проблемы урегулирования экономической структуры Китая 64

П.Каменнов. Космическая программа Китая 71

З.Муромцева. Развитие новых и высоких технологий в КНР в условиях глобализации 78

Н.Коледенкова. Черная металлургия Китая: возможности и реальность 82

М.Потапов. Внешнеэкономическая стратегия стран Восточной Азии после финансового кризиса 91

ИСТОРИЯ

В.Крюков. Сунь Ятсен и "Третья революция": шаньдунский вариант 108

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

К.Фендлер. Австро-венгерские архивные источники и свидетельство современника о КВЖД и строительстве железных дорог в Корее 122

РУССКИЕ В КИТАЕ

Л.Черникова, Бэй Вэньли (КНР). Ван Чжичэн — исследователь истории русской эмиграции 132
Г.Стародубцев. По страницам харбинского журнала "Известия юридического факультета" (1925-1938) 137

КУЛЬТУРА

У Ликунь (КНР) К истории составления в Китае русско-китайских словарей 143
Н.Демидо. Город Ухань и его обитатели (по произведениям Чи Ли) 152

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.Почагина. XII Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы" 162
В.Барышников. Выступление китайских ученых Лю Гогуана и Ли Цзинцзе в Отделении международных отношений РАН 169
Н.Демидо. Заседание Правления Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК) 171

РЕЦЕНЗИИ

З.Муромцева. Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996-2020 гг. и проблемы ее реализации 174
Я.Певзнер. Китайский вариант "третьего пути" (Еще раз о книге Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа") 177

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2001 год 184

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (*зам. главного редактора*), Я.М. Бергер (*зам. главного редактора*), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (*первый зам. главного редактора*), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (*ответственный секретарь*), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН, 2001 г.

Статьи этого номера

С.Лузянин, Т.Шаумян. Россия-Китай-Индия: новые вызовы и угрозы XXI века

В сентябре 2001 г. в Москве состоялась международная научная конференция "Россия-Китай-Индия и вызовы глобализации. Перспективы трехстороннего сотрудничества". В этом номере ПДВ публикуются обзор докладов и выступлений ее российских, китайских и индийских участников и полный текст выступления председателя Оргкомитета конференции, члена-корреспондента РАН, директора ИДВ РАН М.Л.Титаренко.

Г.Агафонов. Азиатско-Тихоокеанский регион и морской потенциал России

В статье кратко оценен морской потенциал государств Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего граничащих с Россией на Востоке, отмечены усилия стран района по его наращиванию, особенно в области развития военно-морских сил. На этом фоне рассмотрены последствия экономического кризиса в России, приведшие к значительному снижению ее морского потенциала.

Основываясь на все больше проявляющей себя тенденции концентрации усилий человечества на освоении запасов Мирового океана, как пути преодоления ресурсного голода из-за их истощения на континентах, прогнозируется нарастание конкуренции и даже межгосударственного противоборства в этой сфере.

В этой связи отмечена определенная озабоченность российского руководства состоянием дел в данной области, что подтверждается принятием в последнее время ряда концептуальных государственных документов в сфере безопасности. Автор подчеркивает, что промедление с их реализацией может повлечь утрату Россией важных преимуществ и благоприятных факторов.

Китайско-российское региональное сотрудничество

В статье об итогах научной конференции китайских и российских ученых охарактеризованы инициативы Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (Новосибирск) и Академии Общественных наук провинции Хэйлунцзян (КНР) по развитию научно-технического и торгово-экономического сотрудничества между российским Дальним Востоком и смежной с ним провинцией Китая. Уже намечены реальные планы и разработана организационная структура взаимодействия конкретных научных центров, опирающихся на конкретных производителей.

Е.Мотрич. Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке

По обоим названным аспектам темы пока почти нет научных исследований, что связано с давно назревшей необходимостью проведения переписи населения в РФ. Достоинство статьи заключается в том, что ее автор сумела

скрупулезно собрать и проанализировать статистическую информацию по региону.

Лю Гогуан (КНР). Проблемы урегулирования экономической структуры Китая

В статье дается характеристика нового этапа в экономическом развитии КНР, анализируются специфические особенности современного урегулирования ее экономической структуры, выделены наиболее острые структурные противоречия, сдерживающие дальнейшее развитие страны.

П.Каменнов. Космическая программа Китая

Автор рассматривает состояние и перспективы развития деятельности КНР в космосе. Отмечены достижения Китая в создании космической промышленности, освоении передовых космических технологий и использовании космоса в интересах экономики, образования, национальной обороны. Статья знакомит с основными положениями стратегии Китая в освоении космического пространства в XXI веке; показано значение для страны международного сотрудничества в данной области.

З.Муромцева. Развитие новых и высоких технологий в КНР в условиях глобализации

Статья обращает внимание на тот факт, что уже в 2000 г. удельный вес производства продукции новых и высоких технологий (авиация, космонавтика, компьютеры и программное обеспечение, электроника и средства связи, лекарственные препараты и др.) составил 3% ВВП (в США — 3,1, в Германии — 4, Великобритании — 3,4%), а к 2005 г. планируется повысить его до 10%. В 2000 г. стоимость экспорта этой продукции достигла 37 млрд. долл.

Н.Коледенкова. Черная металлургия КНР: возможности и реальность

С 1996 г. Китай стал ведущей страной в мире по производству черных металлов. Во многом это результат стратегии "догоняющего развития": примерно 10% всех капиталовложений после 1949 г. вкладывалось в эту отрасль. Вместе с тем в ней накопилось много проблем, главная из которых — отставание от современного уровня в техническом отношении. Автор рассматривает возможные пути преодоления этого отставания в 10-й пятилетке (2001-2005).

М.Потапов. Восточноазиатская внешнеэкономическая стратегия после финансового кризиса

Автор анализирует эволюцию внешнеэкономической стратегии развития стран Восточной Азии на этапе преодоления последствий валютно-финансового кризиса в регионе во второй половине 90-х годов. Рассматривается китайский опыт обеспечения стабильности национальной экономики и финансов. В частности, подчеркивается особая важность таких сторон внешнеэкономической стратегии, как постепенное, с учетом специфики экономики восточноазиатских стран, открытие валютно-финансового рынка для иностранного капитала, переоценка сложившейся модели развития в сторону акцента на интенсивные факторы роста.

В.Крюков. Сунь Ятсен и "Третья революция": шаньдунский вариант

Никогда не публиковавшиеся ранее документы, которые хранятся ныне в Архиве комиссии по изучению истории Гоминьдана в Тайбэе, проливают свет на обстоятельства "Третьей революции" 1915-1916 гг., загодя готовившейся Сунь Ятсеном с целью свержения правительства Юань Шикая. Автор вы-

ясняет масштабы тех жертв, на которые Сунь Ятсен готов был пойти ради достижения этой цели. Раскрываются также истоки более поздней идеи Сунь Ятсена — его "Северо-Западного плана", согласно которому войти в Пекин революционеры Юга должны были при поддержке иностранных вооруженных сил.

Л.Черникова, Бэй Вэньли (КНР). Ван Чжичэн - исследователь истории русской эмиграции

Среди китайских ученых, изучающих китайско-российские отношения в XX в., видное место занимает профессор Ван Чжичэн. Публикуемая статья посвящена его вкладу в изучение истории культурных связей между нашими странами и, в частности, истории русской эмиграции в Китае.

Г.Стародубцев. По страницам харбинского журнала "Известия юридического факультета" (1925-1938)

Автор обозревает малодоступное издание "Известия юридического факультета" — журнал, выходивший в Харбине в 1925-1928 гг. На его страницах были опубликованы многие работы видных русских ученых, живших в Харбине и долгое время остававшихся незаслуженно забытыми на родине.

У Ликунь (КНР). К истории составления в Китае русско-китайских словарей

Изучение русского языка в Китае насчитывает не одну сотню лет. Однако издание русско-китайских словарей, отвечающих современному научному уровню, началось в Китае не столь давно. Статья китайского лингвиста рассказывает о немалых достижениях китайских ученых в этой области в разные периоды минувшего века.

Н.Демидо. Город Ухань и его обитатели

Автор анализирует прозаические произведения и литературные эссе с "ярко выраженным уханьским колоритом" современной китайской писательницы Чи Ли. Она играет заметную роль на литературной сцене страны, считается одной из ярких представительниц течения "китайского неореализма" ("синь сеши сяошо"). Основной объект ее изображения — жизнь современного города, особенности городской культуры и психологии горожан, сочетающие в себе черты как новой, урбанистической, так и традиционной, патриархальной культуры.

Политика

Россия — Китай — Индия: новые вызовы и угрозы XXI века

К итогам трехсторонней российско — китайско — индийской международной научной конференции

5–6 сентября 2001 г. в Москве в Президентском зале Президиума РАН состоялась международная научная конференция "Россия — Китай — Индия и вызовы глобализации. Перспективы трехстороннего сотрудничества". Конференция была организована Институтом Дальнего Востока РАН, Китайским Институтом международных проблем и Индийским Институтом китаеведения. На открытии конференции выступил вице-президент РАН академик В.Н.Кудрявцев, огласивший приветствие президента РАН Ю.С.Осипова. К участникам обратился заместитель министра иностранных дел РФ А.П.Лосюков, который, в частности, отметил уникальный характер конференции, впервые в современном китаеведении и индологии собравшей ученых-международников трех крупнейших по численности населения и территории стран Азии и мира. Оратор обратил внимание на совпадение оценок со стороны представителей трех государств многих вызовов мировой политики и выразил уверенность в том, что Индия, Китай и Россия способны оказывать значительное влияние на происходящие в мире процессы. Далее он огласил приветственное послание конференции министра иностранных дел Российской Федерации И.С.Иванова, который особо отметил, что отношения трех стран оказывают большое влияние на общемировые процессы.

В конференции приняли участие российская делегация в составе ученых Института Дальнего Востока, Института востоковедения и ИМЭМО РАН, делегации Китайского института международных проблем и Индийского института китаеведения. Подготовка конференции велась в тесном контакте с внешнеполитическими ведомствами трех стран.

Председательствующий, член-корреспондент РАН, директор ИДВ РАН М.Л.Титаренко, огласил приветственное послание в адрес конференции заместителя министра иностранных дел КНР Ван И. В послании подчеркивалось значение открывшегося в Москве форума ученых трех стран. Этот диалог, говорилось в послании, "будет способствовать развитию взаимопонимания, сотрудничества и изучения возможностей взаимодействия трех стран в области международных отношений, экономики, торговли и культуры, а также внесет свой вклад в дело мира и развития собственного региона и всего мира".

М.Л.Титаренко огласил также приветственные послания депутата Госдумы РФ академика Е.М.Примакова и председателя Комитета по международным делам Д.О.Рогозина. На открытии конференции выступили с приветствиями директор Китайского института международных проблем, профессор, посол Ян Чэнсюй, директор Индийского института китаеведения профессор Г.П.Дешпанде, директор Института востоковедения РАН профессор Р.Б.Рыбаков. С развернутым вступительным словом (полный текст которого публикуется ниже) обратился председатель оргкомитета конференции М.Л.Титаренко.

Аналитическую часть, широко представленную на конференции выступлениями ведущих российских, китайских и индийских ученых, можно условно разделить на три взаимосвязанных блока: 1) Глобализация и интеграция. Место России, Китая, Индии в мировых процессах; 2) Трехстороннее сотрудничество России, Индии, Китая: поиск внутренних резервов и возможностей; 3) Проблемы двусторонних отношений в системе Россия — Индия — Китай и будущее китайско-российско-индийских отношений.

1. Глобализация и интеграция. Место России, Индии, Китая в мировых процессах

Актуальность данной проблематики связана сегодня с новыми вызовами и угрозами, представшими перед мировым сообществом. Рост терроризма, исламского фундаментализма и других негативных явлений требуют от России, Китая и Индии адекватных ответов. Глобализация представляется сегодня и как объективная тенденция мирового экономического развития, и как цель, выдвигаемая политическим руководством ряда ведущих государств мира, и как определенная методология анализа экономического развития стран и международных отношений. Однако, к сожалению, глобализация в настоящее время не рассматривается в качестве средства отражения террористических и иных вызовов.

На конференции была детально рассмотрена проблема соотношения экономической и политической глобализаций. В своем докладе "Глобализация и азиатский регионализм. Совпадения и различия в подходах к процессу глобализации в Индии, России и Китае" д.э.н., заместитель директора ИДВ РАН В.В.Михеев отметил, что политические события (конфликты, политическая борьба, выборы и т.п.) в той или иной стране, которые согласно господствующим сегодня представлениям о недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств являются исключительно внутренним делом последних, могут обретать глобальное значение и затрагивать политические интересы других стран. Политическая глобализация, следовательно, требует какого-либо приемлемого для разных стран варианта преодоления принципа невмешательства во внутренние дела и должна сопровождаться введением в мировую практику новых механизмов обеспечения мира, таких как миротворческие операции или международные санкции против "плохих" режимов. По мнению докладчика, проблема, однако, в том, на основе каких правовых действий, кто именно и как именно определяет, на сколько "плох" тот или иной режим, который подпадает под международные санкции.

События в Косово и Чечне, а также разворачивающиеся события в самом Афганистане и вокруг него показывают, что Устав ООН не всегда может служить правовой основой политической глобализации. По всей вероятности, мировое сообщество нуждается в формировании единого экономического правопорядка и принятии своего рода ***Единого кодекса региональной и мировой безопасности.***

В.В.Михеев также обратил внимание на то, что проблемы глобализации как в экономическом, так и в политическом аспектах китайскими, индийскими и российскими учеными рассматриваются в сходных параметрах и в близких методологических схемах.

Китайская политология основывается на известном принципе разделения политики и экономики. В политической глобализации Китай усматривает угрозу вмешательства Запада в его внутренние дела по таким вопросам, как независимость Тибета и Тайваня, права человека, реформирование политической системы, обеспечивающей власть компартии Китая. В таком контексте Китай трактует глобализацию не иначе как опасный и неприемлемый для Китая новый вариант гегемонизма, или, говоря словами председателя КНР Цзян Цэминя, как "нео-интервенционизм".

В подходах китайского руководства к экономической глобализации прослеживается определенная двойственность. С одной стороны, Китай стремится использовать экономическую глобализацию для решения внутренних народнохозяйственных и финансовых задач, вытекающих из курса реформ. Прежде всего, — получить выход на товарные рынки развитых стран, доступ к их капиталам и современным технологиям. Практической целью номер один в политике Пекина в отношении экономической глобализации на рубеже веков является скорейшее вступление в ВТО. Серьезным стимулом, подтолкнувшим Китай к позитивному восприятию экономической глобализации и к более активному участию в ней, стал азиатский финансовый кризис. Пекин увидел в событиях 1997-1998 гг. угрозу распространения финансового кризиса на китайскую экономику и опасность его повторения в будущем. Увидел и поспешил объявить о своей готовности к международному сотрудничеству, направленному на предотвращение подобных явлений.

С другой стороны, Китай, как и многие менее развитые страны, втягиваемые сегодня в экономическую глобализацию, рассматривает глобализацию прежде всего как возможность получить от развитых стран дополнительные резервы для национального развития, возможность "справедливо" перераспределить финансовые и интеллектуальные ресурсы развитых стран в пользу развивающихся. При этом вопрос об обратной стороне глобализации — необходимости "делиться" суверенитетом, остается без адекватного решения. Китай пока далек от обсуждения внутри китайского общества и с участием международных оппонентов тех пределов, тех рамок, в которых он был бы готов делегировать международным экономическим институтам часть национальных полномочий, чего объективно требуют процессы глобализации. В этом, пожалуй, состоит главный вызов экономической глобализации, на который Китай должен будет дать ответ уже в ближайшее время.

Анализируя индийскую позицию в вопросах глобализации, В.В.Михеев обратил внимание на то, что индийскими учеными делается акцент на исследование практических последствий глобализации для национальных экономик и обществ. Отличительными чертами таких исследований является анализ негативных аспектов глобализации. Во-вторых, присутствие выраженной антиимпериалистической риторики, базирующейся на трактовке глобализации как новой формы неоколониализма. В-третьих, обвинение Запада в нежелании "справедливо" делиться плодами глобализации.

В заключение В.В.Михеев отметил, что глобализация несет в себе не только вызовы экономикам России, Индии, Китая, но и открывает новые перспективы сотрудничества. Китай, имея общие границы и с Россией, и с Индией, выступает в роли естественного географического моста между российской и индийской экономиками. В стратегической перспективе у наших стран имеются большие возможности для сотрудничества.

Основными направлениями сотрудничества, добавил он, могут стать громадные трансконтинентальные проекты строительства железных и шоссейных дорог, нефте- и газопроводов, соединяющие Центральную, Северо-восточную и Южную Азию. Россия и Индия уже имеют опыт сотрудничества в освоении месторождений нефти на Сахалине. Россия и Китай приступают к осуществлению проектов по сооружению газо- и нефтепроводов. Большой потенциал сотрудничества содержится в научно-технической сфере: у каждой из трех стран есть что предложить в этой области, а также в использовании китайской и индийской рабочей силы для освоения российского Дальнего Востока. Сотрудничество по этим двум направлениям может начаться уже сейчас. Для реализации же масштабных проектов в Центральной и Южной Азии у сторон нет пока главного — финансовых ресурсов.

Проблему соотношения глобализации и интересов России, Индии и Китая затронул в своем докладе "Глобализация, регионализм и национализм" директор Индийского института китаеведения Г.Дешпанде. Он, в частности, обратил внимание на проблему соотношения глобализации, регионализации и национализма, отметив, что понятие глобализации можно трактовать в двух смыслах. Во-первых, глобализация подразумевает интеграцию мировой экономики. Это — экономический интернационализм. Такая интеграция включает как отношения с государствами, так и отношения с межгосударственными и межрегиональными отношениями. (ВТО, например, — не организация стран, а, скорее, организация независимых тарифных зон). В подобной ситуации экономический регионализм получит новый импульс своего развития. Межгосударственный и внутрирегиональный экономический обмен станет характерной чертой в новой ситуации.

С другой стороны, как отмечал Г.Дешпанде, понятие "региональный" должно получить более широкую трактовку. Возможно создание ассоциаций, деятельность которых была бы сконцентрирована вокруг определенного продукта или группы продуктов. Уже функционируют ассоциации подобные той, которая строит свою деятельность на производстве нефти. Возможно, необходимо принять продуманную стратегию развития подобных ассоциаций. Будет неуклонно расти потребность в коллективной интеллектуальной работе по международным экономическим проблемам. Возможно, что следует все в большей мере заменять понятие "национальный" на понятие "региональный". Необходимо выработать компромисс между "национальным" благом и благом "региональным". Сложность вопросов, связанных с установлением цен на сельскохозяйственные продукты в южноевропейских странах уже сейчас может реально привести к созданию кризисной ситуации для европейского интеллектуального обмена. Подобным же образом так называемый китайский демпинг на индийском рынке способен породить трения в китайско-индийских отношениях. Национальные экономические интересы парадоксальным образом приобрели первостепенное значение для наших "глобализирующихся" экономик.

Кроме того, понятие "глобализация", подчеркивал Г.Дешпанде, следует трактовать и в политическом смысле. Глобализация вызвала также и становление нового мирового порядка. Сложившееся после "холодной войны" устройство мира заменило собой биполярный порядок международных отношений времен холодной войны. Мир после холодной войны стал более ориентированным на Европу и Америку. Ценности демократии и прав человека стали более "западными", нежели это было ранее. Во времена "холодной войны" существовало два представления о демократии: это — либеральная демократия и народная демократия. Все это стало достоянием истории. Сейчас демократия — это больше политическая форма, задаваемая Западом. Представления о правах человека все больше и больше подвергаются стандартизации согласно

формулировкам пост-времен европейского просвещения. "Гуманитарная интервенция", подобная интервенции НАТО в Косово, представляется функцией, производной от западного понимания "гуманитарности".

По мнению индийского ученого, мир времен холодной войны был понятен и даже легко управляем. Однополярный мир, сформировавшийся после распада Советского Союза, гораздо менее понятен и управляем. Ясно, что господствующее положение в мире принадлежит США. Многие государства по всей планете предпочли бы иной мировой порядок. Одни государства такие, как, например, Китай, хотели бы видеть мир "многополюсным", а другие — (Индия, например) — желали бы, чтобы мир по их терминологии назывался "полицентричным". Число стран, которые стремятся и которые способны (пусть медленно и постепенно) изменить мировой порядок, в действительности весьма невелико. Однако проблемы национального характера имеют настолько важное, приоритетное значение, что потребность в развитии коллективной философии нового мирового порядка и стратегии его изменения до сих пор не получила должной оценки. При современном, политически глобализированном мировом порядке, контролируемом США, логично предположить, что страны мира должны будут придерживаться все больше "регионального" и "глобального" взгляда на политические реалии.

Г.Дешпанде считает, что Индия не в состоянии вести переговоры с США так, как это может делать Китай. Ее подход к отношениям с США является сугубо практическим. Необходимо также помнить, отметил он, что последние примерно пять лет индо-американские отношения прошли под знаком тесных взаимосвязей с США. Существуют возможность того, что они разовьются в еще более тесное взаимодействие. В любом случае, ни Китай, ни Россия не рассматривают Индию в качестве равного партнера с позиций мирового порядка. Индия не входит в пятерку ядерных государств и не является постоянным членом Совета безопасности. Неясно, изменилась ли уже позиция Китая и России относительно ядерного статуса Индии или же она находится в процессе изменения.

Странным образом это обстоятельство, — подчеркнул Г.Дешпанде — ставит Индию в положение младшего партнера в трехсторонних отношениях. Китай и Россия должны будут предпринять особые усилия для включения Индии в качестве равного партнера в процессы политических консультаций и стратегического диалога. Политической глобализации невозможно придать желаемые очертания иным способом, нежели, дождавшись того времени, когда различия, о которых мы говорили выше, приобретут рельефный характер. Все три государства будут приветствовать и уже приветствуют экономическую глобализацию. В то же время будет происходить взаимное расхождение позиций трех стран по вопросу глобализации политической.

Важной частью "глобализационного блока" конференции стал доклад директора Китайского института международных проблем, Чрезвычайного и Полномочного Посла Ян Чэнсюя "Возможности и перспективы развития отношений России, Индии и Китая".

Ян Чэнсюй полагает, что по экономическому потенциалу Россия, Индия и Китай существенно уступают развитым странам, однако имеют различные преимущества в геополитическом и военном плане, в области рынка материальных и человеческих ресурсов.

Анализируя проблему взаимодействия трех стран в условиях глобализации, Ян Чэнсюй выделил три ключевых, по его мнению, момента, определяющих целесообразность и необходимость сближения России, Индии, Китая в условиях новых вызовов и угроз:

1. После окончания "холодной войны", особенно в последние годы, дальнейшее развитие получили отношения между Россией и Индией, между Китаем и Россией, между Китаем и Индией. Укрепление сотрудничества, поиски

взаимопонимания, развитие отношений, благоприятных для укрепления собственного положения, соответствуют интересам всех стран.

2. Отношения России, Индии и Китая не направлены против третьих стран, практически все три страны сравнительно близки и они непроизвольно выступают с совместными действиями. Россия и Китай открыто выступают против развертывания НПРО США и против выхода США из договора 1972 г.; Индия считает, что США должны решить эту проблему путем консультаций с заинтересованными странами. Россия, Индия и Китай уделяют большое внимание отношениям с США, но отмечают, что развитие отношений с США не направлено против других стран.

3. В настоящее время в "треугольнике" успешно развиваются отношения России с Китаем и Индией, они являются связующей основой. В китайско-индийских отношениях также отмечается существенное развитие. Россия выступает против расширения НАТО на восток, Китай стоит перед угрозой усиления американо-японского военного союза, они глубоко чувствуют на себе идеологию "холодной войны" некоторых западных стран, проявляющуюся в усилении военных союзов. Положение Индии в этом плане лучше, чем у Китая или России. В двусторонних отношениях Россия, Индия и Китай выступают за усиление взаимного доверия, за разрешение споров и противоречий путем мирного диалога, консультаций и переговоров, за поддержание мира и безопасности во всем мире.

"Если эти принципы, — подчеркнул в заключение Ян Чэнсюй, — касающиеся безопасности в Азии, получат дальнейшее развитие и уважение в большом количестве стран, то это обстоятельство сыграет активную роль в деле безопасности в Азии".

По итогам выступлений В.В.Михеева, Г.Дешпанде и Ян Чэнсюя состоялась общая дискуссия, в которой приняли участие представители всех трех сторон.

Китайские коллеги (Чэнь Цзумин и Жун Ин), в частности, отметили, что Китай видит в процессе глобализации и вызовы и выгоды, одновременно. Китай видит проблему в том, что сейчас доминируют только развитые страны, которые думают прежде всего о своих интересах. Экономическая глобализация должна служить интересам всех стран, в том числе и развивающимся странам, и интересы последних также должны учитываться при координации процесса. В политическом же плане Китай строго придерживается 5 принципов мирного сосуществования. А успехи в развитии отношений между Россией и Китаем должны служить и интересам Индии.

С российской стороны выступил М.Л.Титаренко, который отметил реализм анализа, прагматизм и доброжелательность оценок, содержащихся в докладе посла Ян Чэнсюя относительно потенциала взаимодействия трех стран, и вместе с тем отметил, что его тезис о прекращении "холодной войны" между Востоком и Западом несколько идеализирует реальное положение вещей. "Противостояние еще есть: продвижение НАТО на Восток. Это угроза не только России, но и всему Востоку. НАТО поддерживает пантюркизм и другие негативные явления".

В рамках данного блока была рассмотрена и проблема соотношения глобализации и геополитики на региональном уровне в контексте уже наработанного Китаем и Россией опыта создания систем региональной безопасности, прежде всего в рамках деятельности Шанхайской Организации сотрудничества (ШОС).

В докладах д.и.н., заместителя руководителя Центра "Россия–Китай" ИДВ РАН С.Г.Лузянина "Шанхайская Организация сотрудничества как опыт регионального сотрудничества" и в.н.с. Китайского института международных проблем Ся Ишаня "Шанхайская организация сотрудничества" содержалась общая позитивная оценка процессов подобной регионализации и сотрудничест-

ва в Центральной Азии, направленных против "трех зол" — терроризма, экстремизма и сепаратизма.

С.Г.Лузянин проанализировал особенности эволюции ШОС с 1991 по 2001 гг. Он отметил, что, когда в 1991 г. СССР ушел из Центральной Азии (ушел политически, идеологически и, отчасти, экономически), возникшая "ниша" стала быстро заполняться амбициозными проектами новых независимых азиатских государств. Процесс новой регионализации был достаточно противоречив и развивался стихийно. С одной стороны, Москва пыталась сохранить (восстановить) контроль в рамках созданного Договора коллективной безопасности стран СНГ (ДКБ), а затем и в рамках Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС). С другой, — в регионе возникали альтернативные российским интересам проекты, типа организации ГУУАМ (Грузия — Украина — Узбекистан — Азербайджан — Молдавия), "Шелковый путь" и другие. Налицо была и особая позиция Узбекистана, бойкотировавшего все инициативы России по укреплению ДКБ и всячески дистанцировавшегося от России.

Параллельно этому процессу в регионе в 90-е гг. получил "второе дыхание" исламский экстремизм в ваххабистском идеологическом обрамлении. Внутриафганский конфликт подогревал гражданскую войну в Таджикистане, стимулировал исламских боевиков от Синьцзяна до Чечни. Именно на этот период приходятся две российско-чеченские кампании, и именно в эти годы исламский терроризм приобрел системный (комплексный) характер, охватывая все страны региона. Транзит наркотиков из Афганистана через Центральную Азию, Россию на Запад стал неиссякаемой финансовой базой агрессивной и жесткой исламизации в регионе.

Одновременно афганский конфликт, особенно после вытеснения талибами в 1999 г. из Афганистана сил "Северного альянса", стимулировал поиск светскими правительствами Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и других государств адекватного ответа на вызов фундаменталистов, тем более, что существовавший тогда ДКБ СНГ такового ответа не давал.

По мнению С.Г.Лузянина, центральным периодом институционализации стал 1996 г., когда и была создана "Шанхайская пятерка", действовавшая в режиме приграничного сотрудничества и безопасности в 100-километровой зоне пяти соседних государств: России, Киргизии, Казахстана, Таджикистана, Китая. Возможно, что организаторы "пятерки" в 1996 г. не вкладывали в концепцию ее деятельности тезиса о долговременной полномасштабной стратегической безопасности, ограничиваясь решением локальных задач — демилитаризацией в приграничных районах, поимкой контрабандистов и пр. Однако растущие исламские вызовы России на Северном Кавказе, в Центральной Азии и Китаю (Синьцзян-Уйгурский автономный район) подталкивали организаторов "пятерки" к взаимному сближению и формированию новой региональной системы безопасности, блока государств, объединенных задачей борьбы против терроризма и национального сепаратизма.

14 июня 2001 г. на встрече руководителей уже шести государств — Китая, России, Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана в Шанхае такая система была создана под новым названием — Шанхайская Организация сотрудничества (ШОС). После подписания документов о создании в Бишкеке (Киргизия) Единого антитеррористического центра (ЕАЦ ШОС), о безъядерной зоне в Центральной Евразии и о включении Узбекистана в организацию в качестве ее полноправного участника можно констатировать, что в регионе появилась новая межгосударственная структура безопасности, претендующая на геополитическое значение.

С.Г.Лузяниным было подчеркнуто, что в настоящее время опыт ШОС является полезным для многих азиатских стран как опыт плавного перевода отношений из одного качественного уровня (двусторонних отношений) на более

высокий (многостороннего сотрудничества). Фактически за 10 лет из двустороннего формата российско-китайских, российско-казахских, китайско-киргизских и других отношений родилась "пятерка", которая в 2001 г. превратилась в полноценную региональную систему безопасности в Центральной Азии в составе шести государств. Постепенность, плавность и конструктивность — главные элементы позитивного опыта для других стран.

Опыт ШОС имеет большое значение для Индии, Пакистана, Афганистана как опыт межгосударственного, конструктивного сотрудничества в регионе по общим проблемам безопасности, разрешение которых имеет объединяющее значение. Опыт ШОС полезен в поиске и создании восточно-азиатской региональной системы безопасности в АТР. Одновременно ШОС — это опыт отношений между большими (Россия, Китай) и малыми странами (страны Центральной Азии), без ущемления интересов последних, решение спорных пограничных вопросов, что также актуально для стран Востока, где соседствуют большие, средние и малые государства.

Вместе с тем, на сегодняшний день нет разработанного Устава и критериев принятия новых членов в организацию. Не до конца ясна стратегия ШОС в центрально-азиатском регионе. Все эти задачи стоят в ближайшей повестке дня стран-участниц.

Продолжая тему ШОС, Ся Ишань отметил, что для дальнейшего развития названной организации имеется множество благоприятных факторов, к числу которых он отнес:

1. Единство интересов стран-участниц. Интересы шести стран в области региональной безопасности и экономического развития обширны и едины; позиции по важнейшим международным проблемам близки; нет проблем, оставленных в наследство историей; пограничные проблемы Китая с Россией, Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном полностью или в принципе разрешены; все страны — участницы стали хорошими соседями, хорошими друзьями.

2. Взаимное доверие между странами-участницами. Китай решил проблемы укрепления доверия в военной сфере и разоружения в пограничных районах с Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. Страны ШОС начали эффективное сотрудничество в сфере безопасности и других областях; накоплен богатый опыт разрешения разногласий и развития сотрудничества.

3. "Шанхайская пятерка" оставила Шанхайской организации сотрудничества ценнейшее духовное наследие — "Шанхайский дух". Его необходимо и дальше соблюдать как принцип решения межгосударственных отношений.

4. Создание ШОС не только соответствует коренным интересам поддержания региональной безопасности и экономического развития, но и находится в историческом русле требований человечества мира и развития, обладает богатыми потенциальными возможностями.

По докладам С.Г.Лузянина и Ся Ишаня состоялась дискуссия, в ходе которой докладчикам был задан ряд вопросов индийскими коллегами. Так, Г.Дешпанде и М.Бхаттачарджи высказали ряд сомнений по поводу дальнейшей судьбы ШОС, отметив, что ШОС пока не имеет четко обозначенной стратегии в отношении панисламских, фундаменталистских государств. Были также поставлены вопросы: будет ли ШОС развиваться как военная организация и каково ее отношение к внутриафганскому конфликту?

В совместном ответе российских и китайских коллег (Ся Ишаня и С.Г.Лузянина) было отмечено, что внутриафганский конфликт — это проявление сложного геополитического узла противоречий и что ШОС выступала и выступает за его разрешение на основе резолюций ООН, но в настоящее время разрешение этого конфликта не является ее главной задачей. Что касается идеологии организации, то ШОС не "новое азиатское НАТО", хотя в ней и

присутствует военный фактор (консультации министров обороны шести государств и пр.). Компоненты идеологии — баланс интересов шести больших и малых стран, безопасность в Средней Азии, пять принципов мирного сосуществования и борьба с сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом. Причем, ШОС находится только в начале своего пути. Естественно, что при возникновении новых более серьезных вызовов ее тактика и стратегия будут обновляться и дополняться.

По итогам первого блока была проведена общая дискуссия, в которой приняли участие академик В.С.Мясников, С.И.Лунев, В.В.Михеев, Г.Дешпанде, Фэн Шаолэй, Ма Цзяли и посол Чэн Жуйшэн.

2. Трехстороннее сотрудничество России, Индии, Китая: поиск внутренних резервов и возможностей

Данный тематический блок был открыт докладом "Российско-китайское стратегическое партнерство — основа налаживания трехстороннего сотрудничества", с которым выступил академик РАН, заместитель директора ИДВ РАН В.С.Мясников. Излагая свое мнение по вопросу, что же такое стратегическое взаимодействие между Россией и КНР, В.С. Мясников подчеркнул, что к этой проблеме следует подойти с точки зрения динамики развития отношений России с Китаем. Для соответствующего анализа необходимо, по мнению докладчика, взять три основные типа отношений, которые присущи всем мировым державам: отношения на глобальном уровне, отношения на региональном уровне и двусторонние отношения. Соответственно, стратегическое партнерство может касаться всех трех уровней. Если обратиться к самому высокому, то есть глобальному уровню, то здесь, как свидетельствует практика, имеет место совпадение или близость позиций РФ и КНР по многим ключевым вопросам современности.

Ключевыми проблемами современности, по мнению В.С. Мясникова, являются:

1. Проблема мироустройства в XXI веке.

Здесь и Россия, и КНР согласны с тем, что развитие системы международных отношений движется к многополярному миру, а точнее, к полицентричному, то есть многоцентровому миру. Теорию полицентричного мира разделяет и индийская сторона.

Вопрос, каким будет мир в XXI веке, подчеркнул докладчик, — отнюдь не теоретический, не схоластический, это острейшая проблема, по которой идет борьба, выливающаяся иногда в жестокое противостояние. Балканский кризис — это проявление такого рода противостояния.

2. Проблема реорганизации ООН, которая распадается на две части: а) восстановление авторитета ООН, придание ООН ее изначальной функции — универсального международного органа по сохранению и поддержанию мира на мировой арене, б) обновление Совета безопасности ООН путем его расширения.

3. Комплексная проблема глобализации мировой экономики.

Россия и Китай стремятся взаимодействовать в решении и этой проблемы. Здесь В.С.Мясников упомянул проект XXI века, который называется "Трансконтинентальный экономический мост" и суть которого заключается в развитии центральных, наименее развитых районов Евразии (Западный Китай, Монголия, центральноазиатские страны СНГ, Афганистан). Создание подобного моста решило бы проблему совместного развития упомянутых районов, вложения туда больших капиталов. Для России этот проект предполагает развитие всей коммуникационной сети страны, что отвечает жизненно важным политико-экономическим интересам РФ.

4. К глобальным проблемам докладчик отнес и ликвидацию последствий кризиса на Балканах, который сблизил позиции РФ и КНР по стратегическим вопросам.

Подход двух стран и в ООН, и на мировой арене к сущности Балканского кризиса был или очень близок, или совпадал полностью. Этот подход разделялся и Республикой Индия. Все три страны полагают, что Балканский кризис — это очередное проявление борьбы США за свою лидирующую роль в мире, за право отстаивать свои притязания на это с помощью силы, военной в том числе.

Далее В.С. Мясниковым был подчеркнут вывод о том, что стратегическое взаимодействие — это сотрудничество в урегулировании острых кризисных ситуаций на международной арене.

Докладчик затронул вопрос о значении ШОС для развития отношений стратегического партнерства РФ и КНР и подчеркнул, что масштабы двух стран и их роль в мире таковы, что двусторонние добрососедские отношения тоже являются формой стратегического взаимодействия.

В заключение В.С. Мясников отметил, что российско-китайско-индийские научные встречи целесообразно сделать регулярными. Им необходимо также уделить серьезное внимание этнокультурным аспектам взаимоотношений трех государств, принадлежащих к разным цивилизационным комплексам. И, наконец, докладчиком была подчеркнута мысль о том, что опыт стратегического взаимодействия между Россией и Китаем может стать основой для обсуждения широкого спектра проблем трехстороннего сотрудничества в самых различных областях. Целями такого сотрудничества являются сохранение мира, укрепление безопасности и экономическое, научно-техническое, культурное развитие народов России, Индии и Китая на благо всех народов Евразии и остального мира.

Далее с докладом "На пути к пониманию основ сотрудничества между Индией, Россией и Китаем" выступил посол К.В.Ранганатхан.

Докладчик подчеркнул, что пришло время, когда сотрудничество трех стран стало необходимостью. Все они относятся к странам с самой большой территорией в мире. Это — государства-цивилизации, влияние которых во многих сферах веками выходило за рамки их границ. Это многонациональные государства, стоящие перед общими проблемами согласованного объединения различных этнических общин. Эти страны вступили в период перестройки экономического уклада и перехода на рельсы рыночного, либерального хозяйства. Три страны имеют общее желание расширять взаимное сотрудничество. Они с уважением относятся к Пяти принципам мирного сосуществования, к Уставу и принципам ООН. Все они имеют жизненно важные интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Целью всех трех государств является международный порядок без гегемонии, плюралистичный, многополярный (или полицентричный) международный порядок.

Далее докладчик отметил, что текущая международная ситуация характеризуется фактической однополярностью, при которой одно государство находится в положении превосходства на мировой арене во всех областях. И общим желанием трех стран должно стать содействие улучшению подобной ситуации не путем конфронтации или союзов, но максимально допустимыми коллективными усилиями. Полицентричный же мир, по словам индийского исследователя, был бы основан на плюралистичном подходе, поддерживаемом общей сетью организаций, правительств и гражданских обществ, упроченных демократией, открытостью и прозрачностью.

По мнению выступавшего, для эффективности международных отношений необходимо, чтобы международные политические, экономические и финансовые организации работали в соответствии с совместно принятыми и признанными правилами. ООН и ее СБ должны быть реформированы, а управлению международными организациями следует обрести большую степень коллегиальности.

Касаясь проблем безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), докладчик подчеркнул свой вывод о том, что здесь необходим сдвиг от устаревших концепций конкурентной безопасности к коллективной безопасности (КБ), и изложил свой взгляд на содержание мер по достижению такого рода КБ (учет интересов стран-соседей, отказ от применения и угрозы применения силы, неприкосновенность границ, взаимные консультации и невоенное сотрудничество в ряде стратегически важных отраслей).

В заключение К.В.Ранганатхан поддержал идею о строительстве коммуникационного моста между азиатскими регионами и субрегионами.

Далее с содержательным докладом "Некоторые соображения относительно современного состояния отношений между Китаем, Индией и Россией" выступил профессор Фэн Шаолей.

Он отметил, что с середины 90-х гг. наблюдается рост общности интересов трех стран и расширение взаимопонимания между ними. Происходит постепенное формирование такой международной среды, которая способна дать новый импульс трехстороннему сотрудничеству Китая, России и Индии.

По мнению профессора Фэн Шаолея, все три страны являются великими державами в современном мире и способны играть важную роль в международных делах. Но они не могут отказаться и от своей исторически сложившейся специфики.

Докладчик отметил базу для успешного сотрудничества трех стран: Китай, Россия и Индия придерживаются независимого курса во внутренней и внешней политике, все три страны противостоят гегемонии. Они выступают против вмешательства западных держав в решение кашмирского, чеченского и тайваньского вопросов; они придают большое значение роли ООН в международных делах, наблюдается общность позиций Китая, Индии и России по вопросу о характере их отношений: эти отношения не должны вылиться в союз, направленный против какой-либо третьей стороны.

Сейчас щекотливым вопросом в трехсторонних отношениях является некоторое различие в подходах сторон к планам США по НПРО, но в долгосрочной перспективе это различие не может воспрепятствовать Индии, России и Китаю расширять взаимное доверие.

Внутренние реалии и внешняя политика всех трех стран тесно связаны с событиями, происходящими в мусульманском мире, поэтому, по словам докладчика, правильность выбора стратегии по исламскому вопросу становится важной предпосылкой развития трехсторонних отношений и поддержания региональной стабильности.

В заключение выступавший подчеркнул, что Китай, Индия и Россия предпринимают попытки принять участие в процессах глобализации с учетом своих исторически сложившихся особенностей. Эта задача не может быть реализована одной страной в одиночку. Вероятно, именно этим обстоятельством и можно объяснить важность углубления сотрудничества между Китаем, Индией и Россией.

Далее конференция заслушала доклад профессора А.Г. Яковлева "Глобальные факторы: "за" и "против" стратегического треугольника". В докладе подчеркивалось, что "объективный процесс глобализации фактически превращается в ... инструмент реколонизации Западом остального мира".

В 90-е гг. вызрела идея "стратегического треугольника Россия-Китай-Индия", т.е. "идея международной структуры, единственно способной стать ядром сплочения антигегемонистских сил в незападной части мирового сообщества". Благоприятными предпосылками становления "треугольника" докладчик назвал "международно-политические макротенденции развития мировой обстановки", которые "жестко продиктовали трем странам необходимость

нового взгляда на идею стратегического треугольника. ... эта задача воспринимается руководством трех держав как вполне решаемая. Во-первых, нынешняя совокупная мощь треугольника, состоящего из ядерных держав, не так уж мала. Во-вторых, Китай и Индия продолжают быстро развиваться в экономическом и научно-техническом плане, а Россия начинает выходить из кризиса. В-третьих, большинство стран периферии... созрело для политического и организационного сплочения вокруг "большой тройки"".

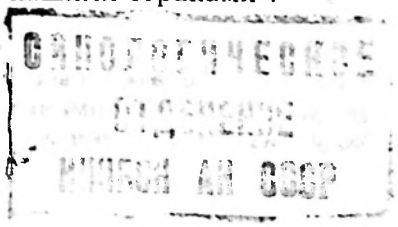
Факторы, действующие против становления "стратегического треугольника", по мнению А.Г.Яковлева, таковы: определенные шансы для развития, которые пока дает Китаю и Индии процесс глобализации; важные для трех держав экономические и иные связи с Западом; целенаправленная политика Запада в духе "разделяй и властвуй" и ряд других.

Но в принципе, полагает докладчик, тенденция к углублению и укреплению трехстороннего стратегического партнерства будет устойчивой прежде всего потому, что Запад не может остановить наступление на мировую "периферию", на позиции ее трех великих держав в особенности.

С докладом "Внешнеполитические резервы и возможности трехстороннего сотрудничества между Россией, Китаем и Индией" выступил Чрезвычайный и Полномочный Посол, профессор Б.Т.Кулик, подчеркнувший, что для возобновления трехстороннего сотрудничества с целью поднятия его до стадии подлинного расцвета необходима новая, современная база, новая идея. Эта база, по его мнению, состоит в наличии общих, идентичных возрожденческих задач и целей, вставших перед каждой из трех стран на нынешнем историческом этапе их развития. Эти задачи и цели не просто присущи трем странам, а, как полагает докладчик, составляют "первооснову грядущего развития каждой из них". И это образует богатую своими возможностями предпосылку для осуществления плодотворного российско-китайско-индийского сотрудничества. В развитии последнего, по мнению Б.Т.Кулика, Москве, Пекину и Дели не только не следует поддаваться синдрому "союзофобии" и бояться формирования трехстороннего стратегического альянса, но, напротив, необходимо "смелее идти по пути сплочения наших стран".

Отметив общность позиций РФ, КНР и Республики Индии по ряду важных мировых проблем, докладчик особо отметил, что трем странам "предстоит противодействовать целому ряду вызовов, с которыми сталкивается формирование справедливого и рационального нового международного порядка".

По итогам второго блока состоялась общая дискуссия, в которой приняли участие посол Чэн Жуйшэн, Алка Ачарья, Т.Л.Шаумян, С.И.Лунев, М.Л.Титаренко. В ходе обсуждения некоторые индийские коллеги (Алка Ачарья) пессимистически оценили перспективы трехстороннего взаимодействия, подчеркнув, что в индийско-китайских отношениях есть еще ряд серьезных проблем, мешающих развитию взаимодействия. С китайской стороны послом Чэн Жуйшэном было отмечено, что их оценки наоборот, более оптимистичны. В частности, Чэн Жуйшэн подчеркнул, что "Китай стремится к устранению препятствий для развития отношений между Индией и Китаем (в том числе и по пограничной проблеме). Китай с пониманием относится ко многим проблемам Индии, в том числе и в отношении постоянного членства в СБ ООН". "Поднятие престижа Индии в ООН, — отметил он, — в свою очередь поможет нам преодолеть некоторые препятствия в отношениях между нашими странами".



3. Проблемы двусторонних отношений в системе Россия — Индия — Китай. Глобализация и будущее китайско-российско-индийских отношений

В ходе состоявшейся дискуссии по данному проблемному блоку специальное внимание было уделено роли каждой из трех стран в развитии трехстороннего сотрудничества и становлении гипотетического треугольника Россия-Индия-Китай. Была высказана точка зрения, что установление особых отношений между тремя странами может стать реальностью при условии, что все стороны предполагаемого треугольника будут равнозначными, т.е. треугольник будет равнобедренным. Речь может идти о формировании такой системы отношений, при которой все три стороны чувствовали бы себя равноправными субъектами сотрудничества, и отношения между ними находились бы на достаточно высоком уровне.

Дискуссия на эту тему приобрела неожиданный оборот, когда профессор Г.Дешпанде (Индия) в своем выступлении заявил, что Индия "не обладает ни мощью, ни влиянием достаточными для того, чтобы говорить о своих внешнеполитических проблемах как о более важных, нежели их следует принимать в действительности". Он утверждал также, что "ни Китай, ни Россия не рассматривают Индию в качестве равноправного партнера в контексте мирового порядка". Поэтому, как считает профессор Г.Дешпанде, "это обстоятельство ставит Индию в положение младшего партнера в процессе политических консультаций и стратегического диалога". Он объясняет это тем, что Индия не входит в пятерку ядерных государств и не является постоянным членом Совета Безопасности ООН, а Россия и Китай до сих пор не сформулировали свою позицию относительно ядерного статуса Индии. Профессор Дешпанде призвал Китай и Россию "предпринять особые усилия для включения Индии в качестве равного партнера в процессы политических консультаций и стратегического диалога".

Следует отдать должное китайским и в особенности российским участникам конференции, которые сделали все возможное, чтобы показать несостоятельность подобных утверждений индийских коллег. Они подчеркнули ту огромную роль, которую Индия сегодня реально играет в мировых делах, являясь если не формально, то фактически великой державой.

Когда же во время дискуссии возник вопрос о месте индийско-китайских отношений в формирующемся треугольнике, то, как российские (Т.Л.Шаумян), так и китайские (профессор Ма Цзян) и индийские эксперты (профессор Г. Дешпанде, профессор Мира Синха Бхаттачарджа, профессор Алка Ачария) не могли не признать, что на самом благоприятном фоне развития российско-китайских и российско-индийских отношений между Индией и Китаем сохраняются нерешенные спорные проблемы, что дает основание, по крайней мере пока, не считать проектируемый треугольник "равнобедренным": именно его индийско-китайская сторона остается самой "слабой" и уязвимой.

Участники дискуссии констатировали, что важным этапом в отношениях между Индией и Китаем стало подписание в 1954 г. Соглашения о торговле и связях с Тибетским районом Китая, провозгласившего исторические пять принципов мирного сосуществования. В самом названии Соглашения содержался факт признания Индией Тибета как части Китая, а этот вопрос до сих пор остается очень важным и принципиальным как для Индии, так и для Китая. Что касается пяти принципов мирного сосуществования, то они не только не устарели, но, по мнению участников конференции, повсеместно приняты в качестве "желательных" форм взаимодействия между государствами, не говоря уже о том, что именно эти принципы должны стать основой отношений между Китаем, Россией и Индией.

Участники встречи высказали единодушное мнение, что в течение последних двух десятилетий в ходе целой серии переговоров и встреч на самом высоком уровне, в процессе нормализации двусторонних отношений были достигнуты явные позитивные сдвиги. По ряду острых современных проблем взгляды Индии и Китая близки или совпадают. Это касается таких важнейших международных вопросов, как необходимость демократизации международных отношений, формирование многополярного мира, противодействие гегемонизму и экстремизму, борьба с международным терроризмом и незаконным оборотом наркотиков. Проблема противостояния международному терроризму приобретает особое звучание после чудовищных преступлений, совершенных исламскими экстремистами 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне.

В международных организациях Индия и Китай демонстрируют одинаковое или солидарное голосование, стремясь не нанести ущерб другой стороне. Между Индией и Китаем, как утверждал посол С.В.Ранганатхан, существуют общие позиции по важнейшим принципам взаимоотношений, которые могут быть определены как три "не": неприсоединение, неконфронтационность и ненаправленность против интересов третьих стран.

Какие же факторы рассматривались в качестве осложняющих двусторонние индийско-китайские отношения?

Прежде всего, это пограничко-территориальная проблема, которая все еще ждет своего разрешения, и именно к решению этой проблемы, как признали участники дискуссии, Индия и Китай в течение последних десятилетий сумели найти подходы, которые дают им возможность обеспечить спокойствие в пограничных районах.

Важным этапом на пути нормализации отношений был признан визит премьер-министра Индии Раджива Ганди в Китай, состоявшийся 19-23 декабря 1988г., в ходе которого индийская сторона согласилась оставить в стороне споры по пограничко-территориальному вопросу и развивать отношения в других взаимовыгодных областях, укрепляя взаимное доверие и создавая таким образом благоприятные условия и для разрешения основного — пограничко-территориального вопроса.

В начале 1990 г. было осуществлено значительное взаимное сокращение численности войск по обе стороны индийско-китайской границы, в особенности на восточном ее участке.

В ходе встречи на высшем уровне в Пекине 7 сентября 1993 г. было подписано "Соглашение о поддержании мира и спокойствия вдоль Линии фактического контроля", по существу соглашение о мерах доверия, которое расценивалось участниками конференции как первое важное соглашение по контролю над вооружениями, подписанное двумя азиатскими странами без участия "третьих сил".

В Соглашении отмечалось согласие сторон на решение пограничного вопроса "путем мирных и дружеских консультаций", содержалось обязательство уважать линию фактического контроля, воздерживаться от применения или угрозы применения силы и совместными усилиями осуществлять контроль над ситуацией в зоне границы; предусматривалось сокращение военного присутствия сторон в пограничном районе "до минимального уровня, необходимого для поддержания дружеских и добрососедских отношений" и в соответствии с требованиями "взаимной и равной безопасности". Было провозглашено установление мер доверия.

В 1996 г. Индия и Китай подписали Соглашение о мерах доверия в военной области вдоль линии фактического контроля, которое явилось дальнейшим развитием документа 1993 г. В нем говорится, что "ни одна из сторон не будет использовать свои вооруженные силы против другой стороны". Стороны подтверждают свою приверженность линии фактического контроля, хотя и отмечают, что сохраняются различия в интерпретации отдельных ее участков.

В соглашении предусматривалось, что в соответствии с принципом "взаимной и равной безопасности" в будущем "потолок" в уровне военного присутствия будет определяться с учетом природных условий, системы коммуникаций и прочей инфраструктуры и времени, которое потребуется для ввода и вывода войск и вооружений. Стороны договорились "избегать проведения широкомасштабных военных маневров с вовлечением более одной дивизии (15 тыс. военнослужащих) в непосредственной близости от линии фактического контроля" и информировать другую сторону "о типе, уровне, запланированной продолжительности и районе маневров" в случае, если в них участвует более чем 1 бригада (5 тыс. военнослужащих). Наконец, предусматривалось создание китайско-индийской Совместной рабочей группы по пограничному вопросу для "взаимных консультаций" и принятия конкретных мер для разрешения проблемы.

По мнению экспертов, именно создание Совместной рабочей группы стало наиболее важным событием за последние годы, так как она стала эффективным и продуктивным органом для осуществления мер доверия. Была создана также "горячая линия" для консультаций в случае непредвиденных обстоятельств. Недавно стороны обменялись картами со своими версиями прохождения границы на участках линии фактического контроля, что было оценено индийскими экспертами как "значительный успех" в процессе урегулирования территориальной проблемы.

Благодаря осуществлению договоренности о мерах доверия, в течение последнего десятилетия обстановка на индийско-китайской границе оставалась "почти мирной". Это дает основание предполагать, что в конечном счете решение проблемы может быть найдено. Участники дискуссии согласились, что решение многих спорных проблем, прежде всего территориальных, тесно связано с уровнем взаимного доверия сторон, что именно отсутствие этого доверия, сохранение подозрительности и недопонимания в двусторонних отношениях, отношение друг к другу как к "соперникам", препятствуют окончательному урегулированию этих проблем. В то же время, как считают индийские ученые, урегулирование пограничнo-территориальной проблемы является необходимым условием для дальнейшего развития индийско-китайских отношений, и замедление этого процесса может иметь неблагоприятные последствия как для Индии, так и для Китая.

Предметом серьезного беспокойства Индии остается нежелание китайской стороны признать Сикким (бывшее княжество, находившееся под протекторатом Индии и присоединенное к ней в 1975 г.) и Аруначал Прадеш (штат Индии, на территорию которого заявляет претензии китайская сторона), входящими в состав Индии. Индийские эксперты считают, что такая позиция "создает серьезные политические проблемы", а "сотрудничество между Индией и Китаем на северо-востоке Индии сможет осуществляться лишь при условии, если Китай согласится с интерпретацией Индией своих северо-восточных границ" (профессор Алка Ачария).

Для решения спорной пограничной проблемы необходима политическая воля и взаимное доверие. До достижения окончательного разрешения проблемы, как считают китайские ученые, необходимо строгое соблюдение линии фактического контроля, сохранение минимального уровня вооруженных сил в пограничном районе и осуществление мер по укреплению доверия. В настоящее время уточняется прохождение линии фактического контроля с целью поддержания стабильности на границе. Китайские эксперты высказались за проявление обеими сторонами политической воли и соблюдение принципа взаимных уступок (профессор Ян Чэнсюй).

Еще одним фактором, осложняющим индийско-китайские отношения, продолжает оставаться проблема Тибета, где, как считают китайские ученые, силы сепаратистов пытаются оказать давление на Индию с целью изменения ее позиции признания Тибета неотъемлемой частью Китая. В Китае серьезное

беспокойство вызывает отношение Индии к тибетским беженцам и религиозному лидеру Далай-ламе, который получил убежище на индийской территории. Китайские ученые отмечали, что такая позиция носит "негативный" характер с точки зрения китайских интересов.

Практически все индийские участники дискуссии заверили китайскую сторону в том, что Индия не намерена изменять свою позицию в вопросе статуса Тибета как части Китая. Еще во время визита в Китай Раджива Ганди китайская сторона с большим удовлетворением восприняла подтверждение премьер-министром Индии признание Тибета частью Китая и готовность препятствовать деятельности тех политических сил, которые могут нанести ущерб внутренней ситуации в Китае. Далай-лама рассматривается в официальной Индии лишь как религиозный лидер тибетского народа. Эта точка зрения была подтверждена и в ходе визита в КНР тогдашнего премьер-министра Индии Нарасимха Рао в сентябре 1993 г.

При обсуждении тибетской проблемы, как считают участники конференции, речь может идти о проблеме соблюдения прав человека и сохранения экологии Тибета. Достижению взаимопонимания по тибетской проблеме препятствуют все те же сохраняющиеся в отношениях между Индией и Китаем элементы взаимного недоверия.

Еще одной серьезной проблемой индийско-китайских отношений, которую ряд экспертов рассматривают в настоящее время как основную, остается продолжающееся сотрудничество между Китаем и Пакистаном, в том числе, в военной области, что расценивается Индией как наносящее ущерб ее национальным интересам. Беспокойство Индии определяется сохранением высокого уровня конфронтационности в ее отношениях с Пакистаном, продолжением террористических действий боевиков на территории штата Джамму и Кашмир, которые, как утверждает Индия, поддерживаются морально и материально с территории Пакистана, получающего военную помощь из Китая. Для индийской стороны имеет принципиальное значение оценка напряженной ситуации в Кашмире как результата террористической деятельности боевиков, поддерживаемых с территории соседнего государства, а не борьбы народа Кашмира за самоопределение.

Как считает профессор Г.Дешпанде, проблемы индийско-пакистанских отношений в настоящее время уже не могут расцениваться как чисто двусторонние: "в любом случае они включают в себя такие аспекты, которые выходят за рамки двусторонних отношений". По его мнению, к таким аспектам относятся проблемы терроризма и фундаментализма, и Китаю следовало бы рассматривать действия поддерживаемых Пакистаном боевиков на территории Кашмира как "терроризм и фундаментализм".

Китайской стороной, в том числе послом Чэн Жуйшэном, была высказана точка зрения, что Китай не заинтересован в сохранении конфронтации между Индией и Пакистаном. Китайско-пакистанское военное сотрудничество не может расцениваться как направленное против интересов Индии. Подтвердив, что в прошлом, в период индийско-китайского пограничного конфликта "индийский фактор" действительно сыграл важную роль в становлении и укреплении пакистано-китайских отношений, Чэн Жуйшэн, однако, подчеркнул, что после начала процесса нормализации индийско-китайских отношений "индийский фактор был исключен из отношений Китая с Пакистаном", и в последние годы "Китай развивает свои отношения с Индией и Пакистаном независимо друг от друга".

В связи с этим следует напомнить, что еще в марте 1990 г. состоялся официальный визит в Индию министра иностранных дел Китая Цянь Цичэня, в ходе которого китайский министр подтвердил изменение позиции Китая в кашмирском вопросе и отход от безоговорочной поддержки Пакистана, заявив о необходимости его разрешения на основе Симлских соглашений (а не резо-

люции Совета Безопасности ООН с требованием проведения в Кашмире плебисцита под международным контролем). Таким образом, Китай поддержал идею двустороннего подхода к проблеме Кашмира и высказался против ее "интернационализации". Отмечались также общие опасения Индии и Китая в связи с угрозой распространения исламского фундаментализма.

В начале 1994 г. китайские представители подтвердили, что Китай выступает за решение кашмирской проблемы в ходе двусторонних переговоров и вряд ли может позитивно отнестись к какой-либо форме независимости Джамму и Кашмира из-за опасений, что исламский, политически неустойчивый независимый Кашмир может быть использован внешними силами, в том числе США, для дестабилизации обстановки в Тибете и Синьцзяне. Китайские лидеры пообещали впредь не использовать осложнения в отношениях Индии со своими соседями в Южной Азии в своих интересах и не создавать условий, при которых эти страны смогут разыгрывать "китайскую карту" в противостоянии Индии. Было заявлено также, что военная помощь Китая Пакистану не будет впредь наносить ущерб интересам Индии. Китай же, как было заявлено китайским послом в Дели 2 января 1994 г., действительно осуществляет продажу оружия, а относительно незначительное место поставок китайского оружия на мировых рынках, как считают китайские эксперты, не нарушит мир и стабильность в различных частях мира. Индия, если пожелает, также может стать его покупателем.

Посол Чэн Жуйшен специально акцентировал внимание на том, что отношения Китая как с Индией, так и с Пакистаном, не будут наносить ущерба интересам третьих стран и отметил заинтересованность Китая в улучшении индо-пакистанских отношений, потому что "как Индия, так и Пакистан являются соседями и друзьями Китая, и Китай искренне надеется, что Индия и Пакистан сумеют найти приемлемое решение спорных проблем путем мирных переговоров".

Дальнейшая судьба двусторонних индийско-китайских отношений, как представляется, зависит от того, сохранится ли курс на их улучшение одним из приоритетных направлений внешней политики двух стран. Во всяком случае, как считают индийские эксперты, взаимное стремление сторон к урегулированию конфликта дало возможность предотвратить осложнение двусторонних отношений после осуществления Индией серии испытаний ядерного оружия в мае 1998 г.

Как представляется, на данном этапе речь может идти о сохранении статус-кво вдоль границы, и принятые сторонами договоренности о мерах доверия вдоль линии фактического контроля создают для этого необходимые условия.

Китайская сторона расценивает стремление Индии стать постоянным членом Совета Безопасности "деликатной" проблемой, которая официально еще не обсуждалась. Что касается ядерной проблемы, то Китай сейчас не выступает с критикой решения Индии перейти "ядерный порог". Как считает китайский эксперт Фэн Шаолэй, специальные двусторонние индийско-китайские соглашения по этой проблеме "преждевременны". Достаточно было бы подписания соглашения о взаимном отказе от применения силы.

Представители китайской стороны в качестве сферы индийско-китайских разногласий также определили тибетскую проблему, вопрос членства Индии на постоянной основе в Совете безопасности ООН, характер пакистано-китайских отношений в контексте изменения ядерной ситуации в Южной Азии и заявили о необходимости их детального обсуждения.

По мнению китайских ученых, которое было в целом поддержано и другими участниками конференции, развитие отношений в треугольнике будет способствовать улучшению двусторонних отношений между Индией и Китаем.

При рассмотрении индийско-российской стороны предполагаемого треугольника участники конференции были единодушны в ее оценке как самой "благополучной". Российские, индийские и китайские участники конференции

напомнили, что дружественные, "уравновешенные, устойчивые и тесные" отношения (профессор Алка Ачария) между Индией и СССР/Россией сформировались еще в период "холодной войны" и конфронтации Китая как с СССР, так и с Индией. Об этом свидетельствовало подписание Советско-индийского договора в 1971 г. в момент острого кризиса на Индостане, когда США и Китай прямо или косвенно поддерживали позиции противостоящего Индии Пакистана.

Участники конференции констатировали, что Индия является "естественным и надежным партнером РФ в Азии по объективным причинам". Национальные интересы двух стран совпадают, или, по крайней мере, не противоречат друг другу. Подходы России и Индии к фундаментальным проблемам развития близки или идентичны. Обе страны являются многонациональными и поликонфессиональными, обе они сталкиваются с проявлениями сепаратизма и являются жертвами терроризма, что предопределяет общность подходов к проблемам самоопределения, сепаратизма и терроризма. Много общего и в геополитическом положении России в рамках СНГ и Индии в Южной Азии: обе страны являются экономическими, политическими и военно-стратегическими региональными центрами. Как считает С.И.Лунев, "Россия по формальным социально-экономическим показателям и стадиальности развития явно оказалась в той же категории, что Индия". Индия, в отличие от развитых стран, "продолжает считать Россию державой мирового уровня", а опросы общественного мнения в Индии ставят Россию по-прежнему в разряд одной из самых популярных стран.

После попытки переворота в августе 1991 г., а затем и дезинтеграции СССР и выхода на мировую арену новой России произошел заметный спад в российско-индийских отношениях, в большей степени по вине России, которая в первой половине 1990-х гг. следовала политике ориентации на страны Запада. К концу прошлого века была предпринята попытка реанимировать существовавшие в 1970-80-е годы российско-индийские отношения, и во второй половине 90-х гг. они практически вернулись к прежнему состоянию, особенно в сфере военного сотрудничества. Были восстановлены политические консультации, укреплялись двусторонние отношения, что наглядно продемонстрировал визит в Дели В.В.Путина в октябре 2000 г. Основные политические силы России (кроме, может быть, радикал-демократов) активно поддерживают расширение связей с Индией.

Россию и Индию объединяют общие позиции по проблемам обеспечения стратегической стабильности, они поддерживают многополярную структуру мировой системы, их объединяет общая стратегия в отношении Афганистана и движения Талибан, негативное отношение к проявлениям религиозного экстремизма. Как известно, и Россия, и Индия выступили в поддержку акций антитеррористической коалиции после событий 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне и выразили готовность предоставить имеющиеся технические возможности для действий вооруженных сил США в Афганистане.

Индийские участники дискуссии (например, профессор М.С.Бхаттачарджа) с удовлетворением отмечали поддержку со стороны России индийской позиции по Кашмиру и кандидатуры Индии в состав Совета Безопасности ООН. Для России важное значение имеет понимание индийской стороной ее действий в отношении чеченских экстремистов и террористов и стремления сохранить Чеченскую республику как часть Российской Федерации. В то же время, профессор Бхаттачарджа отметила, что Россия как один из спонсоров Договора о нераспространении ядерного оружия, как постоянный член СБ ООН и одна из пяти ядерных держав, критиковала Индию за проведение ядерных испытаний и ее стремление официально вступить в "ядерный клуб". Вот что сказал по этому вопросу основной докладчик по проблемам российско-индийских отношений с российской стороны профессор С.И.Лунев. По его мнению, ядерная программа Индии является "главной проблемой двусторонних

отношений". Основным фактором, повлекшим за собой испытание Индией ядерного оружия, как считает С.И.Лунев, стало представление Индии о том, что постоянное членство в СБ ООН связано с обладанием ядерным оружием, а также опасения Дели по поводу ядерной политики Китая и ядерной программы Пакистана. Как полагает С.И.Лунев, и с ним согласились другие российские эксперты, в России к аргументации индийской стороны относятся с пониманием "и в глубине души признают справедливость многих тезисов". Ядерная позиция Индии может вступить в противоречие с интересами России, хотя, конечно, не может быть и речи о возможности угрозы того, что ядерное оружие Индии будет направлено против России. Однако "подстегиваются" ядерные амбиции других "пороговых стран", в первую очередь Пакистана, что ведет к подрыву системы безопасности в мире и может угрожать интересам России.

По мнению С.И.Лунева, определенные круги в Индии нагнетают страсти вокруг переговоров российских и пакистанских военных и представителей разведывательных служб, на которых речь идет о ситуации в Афганистане и Центральной Азии. Российская сторона просто не информирует индийскую, которая может предположить, что происходит развитие военных связей между Россией и Пакистаном.

Участники дискуссии неоднократно подчеркивали, что возможность установления однополярного мира неприемлема как для России, так и для Индии (как и для Китая). В декабре 1998 г. индийское руководство (как и китайское) осторожно реагировало на предложение Е.М.Примакова о развитии отношений в треугольнике Россия-Китай-Индия. Однако после начала бомбардировок странами НАТО Югославии в марте 1999 г. премьер-министр Индии А.Б.Ваджпаи призвал вернуться к обсуждению этого предложения, осознавая, по-видимому, необходимость создания противовеса гегемонии США. При этом, как отметила профессор Алка Ачария, "ранее действовавший стимул индийско-советского сотрудничества — "сдерживание Китая и ослабление западного влияния в регионе" — больше не действует: российско-китайские отношения успешно развиваются, и Индия активно стремится вовлечь США в регион".

В октябре 2000 г. в Дели руководителями Индии и России была подписана Декларация о стратегическом партнерстве, с которой, по мнению профессора Алка Ачария, "наметилось возрождение российско-индийских отношений". Россия обеспечивает две трети оборонных потребностей Индии, которая платит полностью и в твердой валюте. Индия рассматривает Россию как основной источник передовых технологий, особенно в ядерной и космической областях.

В настоящее время, как отметили практически все участники обсуждения этой проблемы, на первый план выходит общность задач России и Индии по выстраиванию их отношений со странами исламского мира. При этом речь идет как о нормализации отношений с этими государствами, так и о самом решительном противодействии проявлениям исламского экстремизма. В последнее десятилетие именно Россия и Индия стали превращаться в основную арену борьбы с исламским терроризмом и экстремизмом. Не случайно, что между двумя странами ведутся регулярные консультации на уровне заместителей министров иностранных дел по проблеме Афганистана и действий движения Талибан.

Можно согласиться с высказанными С.И.Луневым опасениями, что как в России, так и в Индии, существуют политические силы, которые воспринимают стратегическое партнерство как нечто данное раз и навсегда. Необходима реальная повседневная работа, без которой "стратегическое партнерство" двух стран, провозглашенное в октябре 2000 г., останется просто декларацией, мало чем отличающейся от объявленного "стратегического диалога" между Индией и США.

* * *

Подводя итоги прошедшей конференции, можно констатировать несомненный ее успех, ибо несмотря на определенные различия в позициях, представители трех стран сумели найти общее в подходах к самым актуальным мировым и региональным проблемам и вопросам двусторонних отношений в рамках "треугольника". Участники конференции были едины во мнении о необходимости дальнейшего развития контактов трех стран, которые не станут носить военно-стратегического характера и не будут направлены против интересов других стран.

Участники конференции высоко оценили значение Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 г., в котором, по словам профессора Ян Чэнсюя, "нашли дальнейшее выражение три принципа стратегических партнерских отношений: неприсоединение, непротивостояние, ненаправленность против третьих стран".

На конференции назывался целый ряд конкретных направлений трехстороннего сотрудничества. В первую очередь среди них указывалось на борьбу против международного терроризма, сепаратизма, организованной преступности, незаконного оборота наркотиков. В частности, в этой связи был положительно оценен потенциал Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Касаясь проблем глобализации, участники конференции провели глубокий анализ этого явления, отметив как позитивные, так и негативные стороны этого объективно развивающегося феномена.

Наряду с признанием все большей зрелости идеи трехстороннего сотрудничества, на конференции немало говорилось о трудностях практической реализации этой идеи. Больше всего по этому поводу высказывались индийские ученые, для которых главным камнем преткновения является проблема китайско-пакистанских отношений.

Участники конференции единодушно высказывались за создание многополярного мира, хотя индийские участники отмечали, что предпочитают использовать термин "полицентричный" вместо "многополярный", поскольку последний термин напоминает элемент устаревшей игры "баланса сил".

Было выражено единодушное мнение о целесообразности дальнейших контактов между представителями научных кругов России, Индии и Китая, что должно содействовать улучшению климата доверия для дальнейшего укрепления взаимопонимания и сотрудничества.

В завершение конференция приняла коллективно выработанное сообщение для печати, в котором дается положительная оценка результатов состоявшегося обмена мнениями.

По предложению главы китайской делегации намечено провести следующую конференцию в 2002 г. в Пекине. Принятие этого решения служит показателем того факта, что идея формирования российско-китайско-индийского трехстороннего сотрудничества находит положительный отклик в Москве, Пекине и Дели и приобретает все более реальный характер.

© 2001

С. Лузянин,
доктор исторических наук,
зам. руководителя Центра "Россия — Китай" ИДВ РАН;
Т. Шаумян,
кандидат исторических наук,
и.о. руководителя Центра индийских исследований ИВ РАН

Российско-китайско-индийское сотрудничество перед лицом вызовов глобализации*

Основной принцип, которым мы руководствовались, готовя эту встречу, был принцип Гиппократа по поддержанию здоровья и преодолению человеческих недугов "Не навреди!". Это означает, что установление взаимовыгодного, равноправного, не направленного против третьих стран сотрудничества и взаимодействия Китая, Индии и России в полной мере отвечает коренным интересам каждой из этих стран.

Наше сотрудничество, как минимум, может основываться на общности совпадений главных государственных интересов и общности вызовов времени, прежде всего, вызовов углубляющегося ныне процесса экономической и политической глобализации. Главные государственные интересы и России, и Индии, и Китая совпадают или близки, на наш взгляд, в следующем:

1. Обеспечение экономического развития и процветания, повышение благосостояния народа, искоренение бедности и отсталости.

2. Обеспечение суверенитета, территориальной целостности и единства страны. Совместное или скоординированное противодействие международному терроризму и наркобизнесу.

3. Создание благоприятных международных условий для экономического, политического и культурного процветания каждой из наших стран, включение иностранных инвестиций и активное использование передового зарубежного опыта.

4. Обеспечение достойного места в международном сообществе, отвечающего историческому опыту и вкладу цивилизаций каждой из стран в мировую культуру и поддержание общего мира и развития.

5. Сохранение самобытности национальных культур в условиях углубляющегося сотрудничества, взаимодействия и диалога цивилизаций.

6. Создание многополярного мира, укрепление международных институтов сотрудничества, прежде всего ООН.

7. Содействие строительству нового справедливого демократического международного порядка, обеспечивающего уважение интересов всех стран и народов и исключающего гегемонизм и диктат в международных отношениях.

Нашему сотрудничеству благоприятствует то, что оно может опираться на богатейшие духовные завоевания и миролюбивые традиции двух древнейших великих цивилизаций современности — китайской и индийской и более молодой, но богатой духовными достижениями русской, российско-евразийской цивилизации, которая впитала в себя немало лучших духовных достижений китайской, индийской, тюркской и евразийско-византийской традиций.

Наши цивилизации выработали огромный опыт гуманизации и одухотворения окружающего мира. Представители наших культур выступают за равноправный диалог, сотрудничество, взаимообогащение лучшими достижениями каждой

---

* Выступление директора ИДВ, члена-корреспондента РАН М.Л. Титаренко на российско-китайско-индийской конференции в Москве 5 сентября 2001 г.

из мировых больших и малых цивилизаций, а вместе с тем за сохранение самобытности и уникальности своих культур. Трудно переоценить в этом плане тот факт, что и индийская, и китайская, и российская цивилизации отдают приоритет духовным нравственным ценностям, подчеркивают стремление человека поддерживать гармоничные отношения с природой, воспитывать у него умение преодолевать жизненные невзгоды, быть духовно счастливым и физически здоровым, ограничиваясь необходимым для жизни и духовного развития.

Углубление взаимодействия деятелей культуры и науки наших стран, опирающееся на вышеизложенные замечательные традиции наших культур и цивилизаций, имеет огромное значение для обеспечения нормального диалога цивилизаций и сохранения многообразия цивилизаций в условиях глобализации. Распад двуполярного мира после дезинтеграции Советского Союза, прекращение "холодной войны" между капиталистическим и социалистическим мирами стимулировали процесс экономической глобализации, изменили политическую структуру на международной арене.

Глобализация и регионализация в экономике и политике — это объективная тенденция развития современного мира, начало которой положил процесс становления мирового рынка. Конечно, нельзя не видеть, что наиболее развитые в экономическом и более сильные в военном отношении страны располагают большими возможностями для того, чтобы, опираясь на высокую конкурентоспособность своих экономик, процесс глобализации, достигать своих национальных, нередко весьма эгоистических целей в ущерб другим странам, прежде всего развивающимся и слаборазвитым. В этих условиях каждая из наших стран стремится использовать преимущества, которые дает широкое развитие международного сотрудничества в области экономики, науки, техники, информатики. Мы сможет добиться своих целей тем успешнее, чем более эффективно каждая из наших стран может адаптироваться к условиях глобализации и одновременно эффективно ответить на вызовы, которые она несет, отстоять свои национальные интересы перед лицом мощного давления высокоразвитых стран, обладающих односторонними стратегическими преимуществами.

В условиях глобализации фактом является то, что огромное влияние на развитие мировой экономики, политики и науки оказывает страна, обладающая самой мощной экономикой и самой мощной военной машиной и самым большим научно-техническим потенциалом, то есть Соединенные Штаты Америки. В условиях глобализации каждая из наших трех стран заинтересована в развитии отношений сотрудничества с США, заинтересована в американском рынке, в возможности получения иностранных кредитов и научно-технических "ноу-хау".

Таким образом, жизнь диктует необходимость выработки новых принципов поддержания всеобщего мира, новой структуры международных отношений.

Наши три страны традиционно являются приверженцами принципов мирного сосуществования, в ходе национально-освободительных движений и Китай, и Индия пользовались горячей поддержкой со стороны России и бывшего Советского Союза. После провозглашения независимости Республики Индия и образования Китайской Народной Республики ваши страны внесли огромный вклад в развитие мирных международных отношений, выработав пять принципов мирного сосуществования — "панча шила". В современных условиях Россия, Китай и Индия придали принципам мирного сосуществования новые грани, обогатили новым содержанием, выдвинув концепции конструктивного и стратегического партнерства. Эти концепции объединяет общая основа (три "не"): неприсоединение, неконфронтационность, ненаправленность сотрудничества против третьих стран. Очевидно, что модель конструктивного и стратегического партнерства и сотрудничества обобщает исторический опыт отношений между нашими странами, учитывает тяжелые уроки "холодной

войны" и конструктивное значение политики неприсоединения, которую проводила Индия в условиях "холодной войны".

Именно принципы мирного сосуществования и сотрудничества три страны рассматривают как основу строительства нового международного справедливого демократического порядка, укрепления всеобщего мира, повышения роли Организации Объединенных Наций и обеспечения достойного места в мировом сообществе каждой из наших стран.

Таким образом, укрепление сотрудничества между тремя нашими странами в области строительства нового международного порядка на принципах мирного сосуществования является одной из важных форм взаимодействия России, Китая и Индии на международной арене, укрепления дружбы между ними в интересах соразвития каждой из наших стран. Эта дружба порывает с тенденциями "холодной войны", когда страны "дружили" обязательно "против" какой-либо третьей страны или группы стран. Еще раз подчеркиваю, что *наше сотрудничество имеет самоценностное значение.* Оно ставит идею содействия развитию на первый план. И именно такое сотрудничество является важнейшим ответом на геополитические вызовы, бросаемые нашим странам процессом глобализации. Такой подход к развитию международных отношений, строительству нового международного порядка преодолевает господство логики, политики силы, которая была доминирующей в период "холодной войны". На первый план выступает логика поиска компромисса на основе баланса сил и логика достижения безопасности на основе сотрудничества, партнерства и соразвития. Такой подход имеет то преимущество, что позволяет адаптироваться к процессу глобализации и эффективно использовать его в интересах решения задач экономического и социально-культурного развития каждой из наших стран. Такая логика международных отношений отвечает общечеловеческим интересам, ибо принципы соразвития, сопроцветания ставятся выше унаследованных от прошлого межгосударственных споров и порой непростых проблем территориального разграничения.

Подходы к строительству нового международного порядка на основе мирного сосуществования позволяют нашим странам эффективно выступать за создание многополярного мира, укрепляют морально-политический авторитет политики Индии, Китая и России на мировой арене и таким образом позволяют в значительной мере компенсировать временно более слабую, чем в высокоразвитых странах, экономическую составляющую комплексной мощи каждой из наших стран.

Вышеизложенный подход открывает широкие горизонты для сотрудничества наших стран в отражении глобальных и региональных угроз их безопасности. Здесь возможности трехстороннего взаимодействия определяются характером той или иной проблемы. Если речь идет о реформировании ООН в целях создания более действенных механизмов по отведению глобальных угроз и преодолению социально-экономического и технологического разрывов между Севером и Югом, то здесь просматривается широкое поле для сотрудничества. Россия и Китай могли бы при этом способствовать повышению роли Индии в ООН в ответ на встречные шаги Индии.

В отношении к наиболее актуальной сегодня теме стратегической стабильности — проблеме создания НПРО — возможности собственно трехстороннего взаимодействия пока ограничены вследствие расхождений в позициях наших стран.

Наибольшие возможности для трехстороннего сотрудничества открываются в сфере противодействия исламскому экстремизму, терроризму, торговле наркотиками на стыке регионов Центральной и Южной Азии.

В практическом плане трехсторонний обмен мнениями по проблемам региональной безопасности в Азии может вестись в рамках Регионального фо-

рума АСЕАН (АРФ), участниками которого все три страны являются. Одновременно такой подход создает определенные положительные предпосылки для углубления экономической интеграции трех стран.

Что касается экономической интеграции трех стран, то для стратегической перспективы здесь открываются большие возможности. Основными направлениями сотрудничества могут стать громадные трансконтинентальные проекты строительства железных и шоссейных дорог, нефте- и газопроводов, соединяющих Центральную, Северо-Восточную и Южную Азию. Россия и Индия уже имеют опыт сотрудничества в освоении месторождений нефти на Сахалине. Россия и Китай приступают к осуществлению проектов по сооружению газо- и нефтепроводов. Большой потенциал сотрудничества содержится в научно-технической сфере: у каждой из трех стран есть что предложить в этой области, а также в использовании китайской и индийской рабочей силы для освоения российского Дальнего Востока. Сотрудничество по этим двум направлениям может начаться уже сейчас. Для реализации же масштабных проектов в Центральной и Южной Азии у сторон нет пока главного — финансовых ресурсов.

Россия и Китай — члены АТЭС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Россия — член СНГ и Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС), Китай — участник диалога "АСЕАН плюс три" (Китай, Япония, Южная Корея). Индия — член Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии. (SAARC — South Asia Association for regional cooperation). Это означает, что трехстороннее сотрудничество Индии, Китая и России будет затрагивать интересы и территории если не всех стран-членов данных организаций, то по крайней мере тех из них, которые расположены в Центральной и Южной Азии. И, следовательно, требуются особые механизмы обеспечения нашего взаимодействия. Напрашивается идея о создании постоянно действующего диалога САРК и АТЭС, или САРК и ШОС, САРК и ЕАЭС.

Решение проблемы финансирования создания инфраструктурных основ трехсторонней интеграции невозможно усилиями лишь трех наших государств. Здесь недостаточно будет привлечь средства уже существующих международных организаций. Необходимо создание, наподобие обсуждаемой идеи о Банке развития СВА, Банка развития Южной и Центральной Азии. Так же, как и Банк развития СВА, этот банк будет дополнять работу Азиатского банка развития и аккумулировать мировые финансовые ресурсы для их использования на конкретном субрегиональном направлении. Учредителями такого банка могли бы стать правительства России, Китая и Индии, а также США, Японии и стран ЕС, участие которых повысит рейтинг кредитных обязательств Банка и которые объективно, в силу логики глобализации, стратегически заинтересованы в расширении мирового рыночного пространства на данный многонаселенный регион.

Пока же наиболее реальными представляются двусторонние схемы сотрудничества между странами-участницами треугольника Россия - Индия - Китай.

* * *

Разумеется, реалистически оценивая ситуацию вокруг перспектив развития трехстороннего сотрудничества, мы не можем не видеть определенного скепсиса, недоверия, подозрительности в оценках политических обозревателей и политиков разных стран, в том числе и стран, академические представители которых участвуют в нынешней конференции. Я думаю, что этот аспект в той или иной мере будет предметом обсуждения на нашей конференции. Хотелось бы надеяться, что возобладает реалистический, прагматический подход относительно необходимости поэтапного развития трехстороннего сотрудничества на принципах мирного сосуществования, неприсоединения, неконфронтационности и ненаправленности нашего сотрудничества против третьих стран, со-

трудничества ради соразвития, ради создания благоприятной обстановки для соразвития наших стран и укрепления всеобщего мира.

В заключение хотелось бы сделать следующие выводы:

1. По нашему мнению, реальная основа для развития взаимодействия и диалога между Индией, Китаем и Россией сегодня имеется во всех трех странах, и это дает надежду на успех наших начинаний. Об этом свидетельствуют, в частности, заявления высших руководителей трех стран относительно перспектив позитивного развития отношений между Индией и Китаем, Китаем и Россией, Россией и Индией.

С самого начала процесса нормализации российско-китайских отношений, когда индийские друзья высказывали опасения, что этот процесс может негативно повлиять на индийско-китайские отношения, мы неизменно заверяли их в том, что успешное развитие российско-китайских отношений сотрудничества, а затем стратегического партнерства непременно окажет самое благоприятное влияние на перспективы нормализации и сотрудничества между Китаем и Индией. Мы испытываем глубокое удовлетворение в связи с тем, что этот прогноз полностью оправдался.

Во время визита Президента В.В.Путина в Индию в октябре 2000 г. он заявил: "Российско-индийское взаимодействие на международной арене должно продолжать служить важным фактором стабильности и мира на Азиатском континенте, а также на всей планете. Российско-индийские отношения всегда характеризовались общностью интересов. Мы стремимся к тому, чтобы такие же отношения были построены между Дели и Пекином".

2. Трехстороннее сотрудничество Индии, Китая, России имеет свою самоценность и заслуживает того, чтобы его развивать, несмотря на существующие объективные и субъективные ограничители этого процесса. Вышеизложенная формула трехстороннего сотрудничества представляется приемлемой для наших стран и может быть основой диалога с другими странами как высокоразвитыми, прежде всего, США, Японией, странами-членами ЕС, АСЕАН, так и развивающимися государствами.

Развивая сотрудничество трех наших стран, нам не надо спешить с его институционализацией, но не надо и медлить с созданием механизмов трехстороннего обмена мнениями по глобальным, региональным и субрегиональным проблемам. В качестве первых шагов важно снять исторические наслоения недоверия, найти точки взаимодействия и обменяться взаимными сомнениями, озабоченностями и видением угроз.

4. Важно создать атмосферу доверительного и уважительного обсуждения того, что нам нравится и не нравится в действиях друг друга. В практическом плане здесь можно использовать уже апробированную мировой практикой схему: начать с диалога между учеными (по схеме Трэк-3). Затем расширить состав участников до варианта Трэк-2 (с привлечением экспертов из МИДов и Министерств обороны наших стран) и завершить процесс в формате Трэк-1, когда участниками трехсторонних встреч будут уже и официальные лица.

5. С самого начала трехстороннего диалога важно сделать его открытым для наблюдателей третьих стран, чтобы избежать появления ложных опасений и домыслов.

В ходе предстоящих дискуссий нам хотелось бы сверить свое понимание того, какие у нашего сотрудничества есть возможности, помехи, шансы на будущее, как к нему относятся в наших странах и как наше сотрудничество повлияет на региональную и глобальную стабильность, с тем, что по поводу этих проблем думают наши гости из Индии и Китая.

Азиатско-Тихоокеанский регион и морской потенциал России

© 2001

Г. Агафонов

Азиатско-Тихоокеанский регион, даже если ограничить его по смыслу названия только азиатскими государствами, имеющими непосредственный выход в Тихий океан или его моря*, обладает некоторыми характерными чертами, которые присущи ему в большей степени, чем иным регионам планеты. Прежде всего, это один из наиболее густонаселенных районов Земли. Действительно, государства АТР, учитывая лишь азиатскую часть России, занимают менее одной пятой земной суши (около 19 %), а проживающее в них население составляет почти треть человечества (более 32 %). К тому же, здесь продолжается выраженный демографический рост.

Другой особенностью АТР, проявившейся в последнее время, стало быстрое экономическое развитие большинства государств региона, в результате чего валовой внутренний продукт расположенных там стран суммарно достиг 29 % мирового ВВП. При этом даже финансовый кризис, потрясший недавно государства Восточной Азии, не смог оказать долгосрочного сдерживающего влияния на тенденцию роста их экономики, так как на долю стран этого региона сейчас приходится почти 36 % суммарной величины всех инвестиций в мире[1].

Такое финансово-экономическое состояние позволяет практически всем государствам АТР с той или иной степенью интенсивности наращивать свою военную мощь. Вследствие этого суммарные военные расходы стран Азиатско-Тихоокеанского региона приближаются к аналогичным затратам во всех странах Европейского союза (соответственно 18% и 22% расходов на эти цели в мире), а потому сегодня почти четверть всего экспорта вооружений и военной техники (23 %) приходится именно на данный регион[2].

Между тем во взаимоотношениях между государствами АТР сохраняется немало противоречий. Достаточно сказать, что в последние десятилетия в регионе имел место ряд пограничных вооруженных конфликтов, и ныне здесь насчитывается, как минимум, 19 очагов напряженности. Они обусловлены несовпадениями позиций почти 40 стран, занимаемых ими по территориальным, политико-экономическим и религиозно-этническим проблемам двусторонних и многосторонних отношений.

Все это, несмотря на нынешнюю относительно спокойную обстановку в АТР, создает потенциальную угрозу миру и стабильности в регионе, нередко

Агафонов Геннадий Данилович, контр-адмирал запаса, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

* К ним в направлении Север-Юг будем относить Россию, Японию, Северную и Южную Корею, Китай, Тайвань, Филиппины, Вьетнам, Камбоджу, Таиланд, Малайзию, Сингапур, Индонезию и Бруней, а также Лаос.

затрагивая и национальные интересы России. Более того, и для нашей страны тоже существуют неурегулированные спорные вопросы с Японией и США по поводу принадлежности отдельных островов и разграничения морских экономических зон, не полностью сняты проблемы новой демаркации границ с Китаем, что при определенных условиях может стать причиной обострения отношений с ними.

В плане рассматриваемой темы следует отметить еще одну особенность Азиатско-Тихоокеанского региона, которая определяется присутствием в его названии океанской составляющей. Она вызвана особо тесной связью жизни населяющих регион народов с морской деятельностью, которую обуславливает, прежде всего, островное положение целого ряда стран региона. К ним относятся Япония, Филиппины, Индонезия, Тайвань, Сингапур и Бруней, а также Малайзия, объединяющая часть территорий острова Калимантан и юга полуострова Малакка. Кроме того, на полуостровах расположены Северная и Южная Корея, Вьетнам, Таиланд и Камбоджа. Наконец, морскими побережьями огромной протяженности с прилегающими к ним островами обладают Китай и Россия на ее Дальнем Востоке.

Все это, с одной стороны, обуславливает необходимость достаточного уровня развития морской инфраструктуры в государствах АТР, занимающей весьма важное место в их экономике, а с другой, — потребность защиты национальных интересов в прилегающих районах морей и океана. Действительно, сегодня десятку крупнейших портов на Тихом океане с грузооборотом свыше 50 млн. тонн в год возглавляют японские терминалы и Сингапур, в то время как крупнейшие североамериканские порты на Тихом океане — Сан-Франциско и Ванкувер — лишь замыкают ее. Торговый флот Японии является самым крупным национальным флотом в мире*. Он насчитывает почти 11 тыс. судов общим водоизмещением более 40 млн. тонн и существенно превосходит по последнему параметру коммерческий флот Соединенных Штатов Америки. Значительно превысили миллионные показатели по грузовой вместимости торговые флоты Китая, Сингапура, Южной Кореи, Тайваня, Филиппин, Индонезии и Малайзии.

Количественный состав военно-морских сил государств региона по основным классам составляющих их кораблей приведен в таблице 1. При этом, говоря о военно-морском потенциале, накопленном в АТР, следует учитывать и силы Тихоокеанского флота США. Это обусловлено как тесными американо-японскими и американо-южнокорейскими союзническими отношениями, так и политикой «проецирования силы», которую США проводят в важных регионах планеты, включая АТР, что находит выражение в постоянном присутствии там их войск, сил авиации и флота.

Как видно из таблицы, военные флоты наших ближайших соседей в Северо-Восточной Азии (Япония, Китай, Южная Корея) сегодня существенно превосходят Тихоокеанский флот России по общему числу боевых кораблей, в том числе и в первую очередь по количеству эскадренных миноносцев и фрегатов. При этом продолжающееся сокращение сил нашего Тихоокеанского флота при увеличении числа боевых кораблей в других странах АТР влечет дальнейшее изменение соотношения военно-морских сил в регионе не в нашу пользу.

---

* Общее количество судов и их суммарный тоннаж, плавающих под «удобными» флагами некоторых государств, например Либерии, самые большие в мире, но они не являются национальными флотами таких стран.

Таблица 1

Корабельный состав ВМС государств АТР*

Корабельный состав ВМС / Государства	Корабли основных классов (океанская зона)						Десантные корабли	Корабли ближней морской зоны			
	Подводные лодки (атомные** + дизельные)	Авианосцы	Крейсера	Эсминцы и большие противолодочные корабли	Фрегаты (сторожевые корабли)	Итого надводных кораблей океанской зоны		Корветы, МРК, МПК	Боевые катера (ракетные, торпедные, артиллерийские)	Минно-тральные корабли	Итого надводных кораблей ближней морской зоны
Россия (ТОФ)	10 + 5	–	1	7	2	10	4	14	20	8	42
Китай	5 + 58	–	–	20	40	60	59	–	364	39	403
Япония	0 + 16	–	–	42	13	55	9	–	3	31	44
Республика Корея	0 + 19	–	–	6	9	15	14	28	80	30	138
КНДР	0 + 26	–	–	–	3	3	10	6	304	23	333
Тайвань	0 + 4	–	–	12	21	33	18	–	59	12	71
Вьетнам	0 + 2	–	–	–	6	6	6	2	41	10	53
Таиланд	–	1	–	–	14	15	9	5	83	7	95
Малайзия	–***	–	–	–	4	4	2	6	35	4	45
Филиппины	–	–	–	–	1	1	9	–	60	–	60
Индонезия	0 + 2	–	–	–	17	17	26	6	20	12	38
Сингапур	0 + 1	–	–	–	–	–	6	16	18	4	38
Бруней	–	–	–	–	–	–	–	–	11	–	11
Камбоджа	–	–	–	–	–	–	–	–	4	–	4
США (ТОФ)	30 + 0	5	13	24	16	58	81	–	–	–	–

Примечания:

* по данным, приводящимся в ежегодном справочнике «The Military Balance 2000/2001»;

** без ракетоносцев морских стратегических ядерных сил;

*** планируется приобретение двух ПЛ, для чего малазийские моряки проходят обучение в подводных силах Англии, Франции и Голландии.

При таком количественном составе кораблей, по данным указанных выше ежегодников, за последние пять лет (1996 — 2000 гг.) ТОФ России получил лишь одну многоцелевую атомную подводную лодку, которая была заложена еще в начале 90-х годов. В то же время за указанный период ВМС государств АТР пополнились значительным числом новых кораблей различных классов, количество которых приведено в таблице 2, отражающей протекание этого процесса во всех странах региона.

Приведенные данные свидетельствуют о значительном внимании в государствах АТР к проблеме наращивания собственного военно-морского потенциала, что дает им возможность расширять круг задач, которые их ВМС смогут решать при защите на море национальных интересов своих государств.

Таблица 2

Пополнение ВМС стран АТР новыми кораблями (сданные флоту + находящиеся в постройке)

Государства	Атомные ПЛ	Дизельные ПЛ	Авианосцы	Эсминцы	Фрегаты	Корветы	Тральщики	Десантные корабли	Боевые катера
Китай[1]	0 + 5	4 + 8		4 + 0	9 + 2				
Япония[2]		5 + 3		7 + 6			2 + 0	1 + 2	
Ю. Корея[3]		8 + 1		3 + 0					
Тайвань[4]				0 + 4	14 + 1			0 + 2	13+11
Сингапур[5]		1 + 3			0 + 6			4 + 0	12+ 0
Таиланд[6]			1 + 0		3 + 0	2 + 1	4 + 0	1 + 0	
Малайзия[7]					2 + 0	4 + 0			0 + 6
Филиппины[8]						0 + 3			3 + 0
Вьетнам[9]						2 + 0			
Бруней[10]						1 + 2			

Примечания:

1) 1 АПЛ спущена на воду в 2000 г. (ввод в строй 2002 г.), 4 — в постройке (завершение программы 2008 г.);. 4 ДПЛ закуплены в России и поставлены до 2000 г., 8 — в постройке у себя (выполнение программы 2003 г.); 2 ЭМ закуплены и поставлены Россией в 1999 и 2000 гг., 2 построены в Китае; 3 ФР введены в строй до 1996 г., 8 других планировалось построить к 1999 г., но сдано пока 6 ед.
2) 5 ПЛ из серии в 8 ед. вступили в строй до 2000 г.;
   7 ЭМ из серии в 9 ед. вступили в строй до 2000 г., 2, как и 4 ЭМ усовершенствованного проекта, — в постройке; 2 ТЩ вступили в строй в 2000 г.; 1 ТДК (танкодесантный корабль) из серии в 3 ед. вступил в строй к 2000 г.
3) Из закупленных в Германии 9-и ПЛ к 2000 г. поставлено 8; сдача серии из 3-х ЭМ завершена в 1999 г.
4) Ожидается поставка 4-х американских ЭМ типа «Aegis» в рамках развертывания ПРО Тихоокеанского ТВД; 8 ФР, закупленных в США, и 6, — во Франции, поступили к 1998 г., строится 1ФР собственного проекта;
   ведутся переговоры об аренде в США 2-х ТДК; ракетные катера из серии в 13 ед. поступали на флот в 1994 −2000 гг., после чего должно начаться строительство 11-и патрульных катеров;
   завершается разработка скоростного ракетного катера с использованием технологии «Стелс» (ожидается заказ 50-и таких катеров для ВМС Тайваня).
5) Из закупленных в Швеции 4-х ПЛ поставлена 1 ед.; срок поставки Францией серии из 6-и ФР — 2009 г.; передача флоту 4-х танкодесантных кораблей и 12-и патрульных катеров завершена к 2000 г.
6) Авианосец построен в Испании по проекту АВ «Принц Астурийский» в 1997 г.;
   2 ФР закуплены в Китае в 1997 г., 1 — в США в 1998 −1999 гг. 1 ТДК поступил из США в 1999 г.
7) 2 ФР построены в Англии и поставлены в 1999 г., 4 корвета — в Италии и поставлены в 1997 — 1999 гг.;
   6 патрульных катеров сторoятся в Германии со сроком поставки — 2002 г.
8) Корветы заказаны Англии. 3 патрульных катера закуплены на Тайване в 1998 г.
9) Оба являются российскими МПК типа «Тарантул».
10) Первый из 3-х закупленных в Англии корветов доставлен в Бруней в конце 2000 г., остальные будут поставлены в ближайшее время.

При этом наши ближайшие соседи по региону — Япония и Республика Корея — опираются также на военный, в том числе военно-морской, потенциал Тихоокеанского флота Соединенных Штатов Америки, которые, как отмечалось, имеют в отношении них союзнические обязательства. При этом в характере их двусторонних отношений в военной области в последние годы появились тревожные для России и других стран региона акценты.

Так, при сравнении уточненных в 1997 г. «Руководящих принципов японо-американского оборонного сотрудничества» и прежнего текста аналогичного документа (от 1978 г.) бросается в глаза следующее. Если раньше подчеркивалось, что совместные действия вооруженных сил обеих стран предусматриваются только в случае военного нападения на Японию, то новый документ прямо связывает оба государства обязательством сотрудничать в военной сфере также в случае возникновения неких «чрезвычайных обстоятельств» в «прилегающих к Японии районах». При этом ни то, ни другое понятие никак не поясняются. Подобная же неконкретность позволяет довольно широко трактовать как суть таких «чрезвычайных обстоятельств», так и географические рамки «прилегающих к Японии районов». Эта ситуация вынудила союзников использовать успокоительную дипломатическую риторику для разъяснений своего понимания указанных терминов в ответ на вполне обоснованные запросы Китая и России по существу данного вопроса.

Обращает на себя внимание также настойчивость, с которой в последние годы японский кабинет министров побуждает законодательный орган страны упростить довольно сложную и конституционно закрепленную юридическую процедуру для применения сил самообороны Японии в случае возникновения различных «чрезвычайных обстоятельств». К тому же найдены способы обхода конституционного запрета на использование японских воинских контингентов вне национальной территории. Правда, пока это относится к готовности Японии участвовать в миротворческих операциях ООН в различных районах мира при ограничении круга задач своим подразделениям в их ходе только выполнением вспомогательных и обеспечивающих функций.

В то же время возросшая военная мощь позволила Японии в значительно большей степени, чем ранее, опираться на собственные силы в деле обеспечения безопасности страны. Это нашло отражение в «Основных направлениях программы национальной обороны Японии», где говорится, что предотвращение агрессии против их страны наряду с японо-американскими мероприятиями по безопасности достигается путем обладания национальным оборонительным потенциалом соответствующих масштабов, который обеспечивал бы выполнение функций по обороне страны, учитывая географические особенности Японского архипелага, а также принимал во внимание военные потенциалы соседних с Японией государств. В соответствии с указанным тезисом японское правительство с 1996 г. отказалось от политики снижения ассигнований на оборону, проводившейся в первой половине 90-х годов, хотя и сохранило их ограничение одним процентом от ВВП страны. Тем не менее это вывело объем военных расходов Японии на 2-е место в мире, а ее доля в совокупных затратах всех стран Восточной Азии на данные цели достигла 45%[3]. Такая политика в сфере обороны в официальных японских документах объясняется возрастанием опасности для их страны, которая теперь, после снятия с повестки дня советской угрозы, связывается с военным усилением Китая, наметившимися перспективами сближения КНР и РФ, а также сохранением напряженности на Корейском полуострове.

В результате выполнения планов военного строительств в 90-е годы сухопутные силы Японии, как показывает анализ справочных данных "The Milltary Balanse" за последние годы, получили более 600 ед. новейшей бронетехники, 64 установки управляемых ракет SSM-1 и около 100 реактивных систем залпового огня, ВВС — около 100 новых истребителей, проведя параллельно модернизацию 86 имеющихся, ВМС — 64 корабля общим водоизмещением почти 200 тыс. т., включая 10 подводных лодок, а морская авиация — 124 боевых самолетов и вертолетов, среди которых 50 патрульных самолетов Р-3С, и 74 противолодочных вертолетов.

Но оборона — есть оборона, и каждое государство вправе, исходя из собственной оценки степени военной угрозы и имеющихся ресурсов, строить ее в необходимом объеме и качестве. Беспокойство соседей должно вызывать лишь упор в военном строительстве на наращивание наступательных средств ведения боевых действий. В этом плане в Японии начинает просматриваться тенденция к развитию подобных средств. К ней можно отнести, например, выделение в отдельное направление программы расширения «транспортных возможностей и мобильности» их вооруженных сил, предусматривающей существенное увеличение закупок для этого соответствующих авиационных и морских средств. А это вместе с идущим качественным переоснащением национальной армии и флота дает возможность использовать их с необходимой эффективностью за пределами собственной страны.

Другой союзник США в АТР — Республика Корея — сегодня содержит третью по численности группировку вооруженных сил среди стран Восточной Азии. И хотя основная ее часть, как и у северного соседа — КНДР, приходится на сухопутные силы (почти 85 %), что обусловлено многолетним противостоянием этих государств, должное внимание уделяется развитию и других видов ВС, а потому их ВМС и ВВС тоже достаточно современны и продолжают динамично развиваться. К тому же южнокорейские вооруженные силы координируют свою деятельность с расквартированным в стране в соответствии с договором между Республикой Корея и США о взаимной обороне 37-тысячным американским военным контингентом и оперирующим в западной части Тихого океана 7-м флотом США.

В настоящее время Сеул по-прежнему заинтересован в американском военном присутствии на территории своей страны и в прилегающих к ней акваториях, что, по заявлениям его официальных лиц, играет важную роль в укреплении боевой мощи республики, поддержании равновесия боевых потенциалов сторон на полуострове и предотвращении возникновения здесь крупного военного конфликта. Однако южнокорейское руководство не может при этом не учитывать два новых аспекта данной проблемы. Первый — это нарастание в корейском обществе оппозиционного отношения к нахождению в своей стране иностранных войск. Второй — возможность изменения позиции США в вопросе сохранения своего непосредственного военного присутствия на полуострове, в подходе к которому не исключена трансформация взглядов США на способы выполнения своих обязательств перед Южной Кореей.

Последнее диктуется их новой стратегической концепцией ведения современных войн, предусматривающей снижение значения сухопутных операций и даже исключение их из активной фазы боевых действий. В ней основная роль теперь отводится авиации, флоту и космическим средствам, способными разрушить высокоточными ударами экономический и военный потенциал противника и таким образом принуждать его к капитуляции. Исходя из этого, нахождение американских войск непосредственно на территории данной страны становится не только излишним, но и неоправданным с точки зрения задачи минимизации потерь личного состава в случае вооруженного конфликта. Поэтому при политических маневрах в ходе противоборства с Китаем и поддерживающими его государствами АТР американцы вполне могут сделать идею сокращения и даже вывода своего воинского контингента из Южной Кореи предметом торга для достижения собственных целей при решении иных проблем в регионе, например, тайваньской.

Таким образом, указанные факторы, общая военно-политическая обстановка в регионе и пример Японии побуждают южнокорейское руководство к дальнейшему наращиванию потенциала собственных вооруженных сил как гаранта защиты своих интересов в регионе в случае любого неблагоприятного для них развития ситуации в Восточной Азии. В результате Республика Корея в 2000 г. по объему военных расходов (15 млрд. долларов США) вошла в пер-

вую десятку государств мира, и заняла третье место в АТР, уступив только Японии (51,2 млрд. долларов) и КНР (18,4 млрд. долларов)[4].

Другой наш сосед в регионе — Китайская Народная Республика — обладает самыми крупными по численности вооруженными силами в мире, которые остаются таковыми даже после масштабных их сокращений в последние годы. Официальный Пекин объясняет это тем, что КНР не входит ни в какие военно-политические союзы, а потому проведение в жизнь твердой и независимой внешней политики требует обладания гарантированной способности противостоять внешнему, в том числе силовому, диктату.

Конечно, Китай как суверенное государство в праве иметь такую армию, какую он считает необходимой для защиты страны, однако вызывает настороженность получившая распространение в его военно-политических кругах концепция так называемых «стратегических границ и жизненного пространства»[5]. Такое «жизненное пространство», по мнению приверженцев этой концепции, должно «обеспечить безопасность и жизнедеятельность населения страны, его экономическое и научно-техническое развитие». «Стратегическими же границами» становятся «территориальные и пространственные рубежи, обозначающие пределы, в которых государство с помощью реальной силы может эффективно защищать свои интересы». При этом в случае возникновения вооруженных конфликтов с участием Китая допускается перенесение военных действий из районов своей государственной границы в зоны таких «стратегических границ» или даже за их пределы. Причинами же конфликтов, по мнению китайцев, могут стать стратегические сложности на пути «обеспечения законных прав и интересов КНР в АТР»[6].

Наличие такой концепции показывает, что, наряду с оборонительной в целом направленностью военной доктрины Китая, ряд элементов стратегии обеспечения его национальной безопасности содержит положения, носящие наступательный характер, которые по мере наращивания военно-экономического потенциала КНР могут усилиться. Косвенно это подтверждает и долговременная программа военного строительства Китая, рассчитанная на три этапа. По окончании первого (2000 г.) его вооруженные силы должны быть способны защитить государственные интересы КНР, в том числе путем успешного ведения локальных войн низкой и средней интенсивности по всему периметру госграницы, а также решать задачи обеспечения эффективного «сдерживания» и «устрашения» потенциальных противников. На втором этапе (2010 г.) Национально-освободительная армия Китая должна превратиться в силу, гарантирующую расширение «стратегических границ и жизненного пространства». В ходе третьего этапа (к 2050 г.) должны быть созданы вооруженные силы, способные одержать победу в войне любого масштаба и продолжительности с использованием всех средств и способов ведения вооруженной борьбы[7].

В соответствии с этой программой идет интенсивное оснащение современной техникой всех видов и родов вооруженных сил Китая, в том числе за счет расширения военно-технического сотрудничества с Россией. Если говорить о китайских ВМС, то основное внимание уделяется созданию кораблей новых отечественных проектов с более совершенным вооружением. Рассматривается возможность даже создания своих легких авианосцев с 30 — 40 самолетами на борту. Все это, по мнению китайских военных, призвано существенно расширить возможности флота решать поставленные перед ним задачи и увеличить его операционную зону на морских и океанских ТВД. Для этого планируется формирование ракетно-оперативных соединений, а в дальнейшем и оперативных эскадр, которые будут действовать в различных районах океана на временной или постоянной основе[8].

В целом и все другие страны АТР осуществляют переоснащение своих армий и флотов современными средствами ведения войны, целью которого является повышение их способности защитить свои национальные интересы, хо-

тя темпы военного строительства в них и взгляды руководства данных стран на роль военной силы в обеспечении национальной безопасности имеют немало отличий. При этом с начала 90-х годов в государствах региона стал отмечаться упор на первоочередное развитие ВВС и ВМС, хотя цели реализации программ модернизации этих сил не было четко определены. И только в последние годы один из аспектов военного строительства государств АТР приобрел общую для них направленность, заключающуюся в повышении их возможностей по вооруженному патрулированию акваторий прилегающих морских пространств, по которым проходят важнейшие морские коммуникации, имеющие общемировое значение.

На фоне такого достаточно динамичного развития государств АТР и их морского потенциала, несмотря на определенный экономический спад, вызванный недавним финансовым кризисом в регионе, особенно контрастно выглядят последствия чрезвычайно затянувшегося системного кризиса в России. В его результате у нас в стране произошли беспрецедентный в новейшей истории спад производства и даже разрушение отдельных элементов реального сектора экономики, при которых уже не востребуется 70 % ее производственного и 99 % интеллектуального потенциалов[9].

Валовой внутренний продукт по сравнению с 1991 г. сократился вдвое, а производство во всех отраслях промышленности, за исключением металлургии, топливного комплекса и электроэнергетики, упало более чем в 2 раза, причем в важнейшей из них — машиностроении — более чем на 65%[10]. Накопление основного капитала в стране уменьшилось в 4 раза, а внешний дог государства превысил 150 млрд. долларов, из-за чего значительную часть российского бюджета приходится направлять на его обслуживание. Причем ее доля продолжает расти и достигнет своего ближайшего максимума в 2003 г. (около 18 млрд. долларов), что составляет почти половину федерального бюджета 2001 г. Это вынуждает правительство России уже сегодня накапливать валюту для погашения задолженности перед кредиторами, которая могла бы послужить делу восстановления экономического потенциала нашей страны, включая морской.

Под морским потенциалом государства следует понимать совокупность средств, связанных с обеспечением его экономической, политической, военной, научной и других видов деятельности как на прилежащих к территории страны акваториях, прежде всего в находящихся под его юрисдикцией морских экономических зонах, так и на просторах Мирового океана. Морской потенциал государства определяют состояние судостроения и смежных отраслей промышленности, состав и качество транспортного, промыслового, военного и научного флотов, а также степень развития инфраструктуры, обеспечивающей мореплавание.

В нынешних условиях Дальний Восток становится главными морскими воротами России. Действительно, на севере страны мы располагаем одним незамерзающим портом Мурманск и замерзающим зимой Архангельском, на западе — только замерзающими зимой портами восточной части Финского залива, так как незамерзающий Калининградский порт отрезан от России территориями Литвы, Латвии и пока еще Белоруссии, на юге — Новороссийском и Туапсе, а также несколькими небольшими портами на Азовском море. Переход немалой части портового хозяйства и судового состава торгового и промыслового флотов на западе и юге страны в ведение новых суверенных государств, а также экономический кризис в России, существенно затронувший отечественное судостроение, как и иные отрасли промышленности, весьма негативно отразился на всех компонентах морского потенциала нашего государства.

Так, гражданский флот России в своем развитии оказался отброшенным на десятилетия назад. Тоннаж торгового флота России сократился более чем в 2 раза. Средний возраст судов приближается к 20 годам. В Северо-западном и Южном бассейнах мы лишились рефрежераторнных и большей части пассажирских судов, танкеров ледового класса и лихтеровозов. На Бал-

тике у нас практически нет наливного флота, на Черном море — сухогрузного. Кроме того, сегодня более половины (55 %) российских морских транспортных судов функционирует под флагами иностранных государств, а к 2010 г., по прогнозам, их доля возрастет до 90 %. Наконец, наш каботажный флот сократился в 2,25 раза[11].

Столь неблагоприятная обстановка в отрасли усугубляется дальнейшим падением рентабельности гражданского флота России из-за систематического подъема цен на горюче-смазочные материалы, роста расходов на ремонт, снабжение, бункеровку судов и т.п., увеличения потерь, вызванных снижением фрахтовых ставок, повышением величины страховки и ограничением массы перевозимых грузов. В результате наш транспортный флот оказался оттесненным от обеспечения даже российских внешнеторговых морских перевозок, из-за чего потери нашей страны, по оценкам специалистов, ежегодно достигают более 2,5 млрд. долларов[12]. В результате при нашей-то нехватке средств мы участвуем в финансировании развития иностранных флотов и создании рабочих мест для занятого в морской индустрии населения зарубежных стран.

Еще тяжелее положение сложилось в отечественном рыбопромысловом флоте, который, фактически, находится в критическом состоянии. Из 2531 судна, числящихся на 1 января 1999 г., в 2000 г. подлежали списанию 57%, к 2005 г. это коснется уже 79%, а к 2010 — 92 % судов. Таким образом, к 2015 г. Россия полностью лишится своего рыбопромыслового флота. И эта перспектива вполне реальна, ибо, даже осознав подобную угрозу и приняв несколько лет назад «Федеральную программу развития рыбного хозяйства РФ до 2000 г.», предусматривавшую строительство 239 промысловых судов, ее к 1997 г. выполнили чуть больше чем на 2%, сдав всего 6 таких судов, а затем прекратили финансирование данной программы[13]. Период глубокого упадка переживает также наш научно-исследовательский флот.

О степени ослабления Тихоокеанского флота России и его способности защищать государственные интересы на море красноречиво говорит количественное уменьшение кораблей в его составе за последние 9 лет. Этот флот ныне полностью утратил тяжелые авианесущие, а также атомные ракетные крейсера. Количество атомных подводных лодок (не учитывая стратегические ракетоносцы) уменьшилось в 4 раза (с 40 до 10 ед.), дизель-электрических ПЛ — в 5 раз (с 30 до 6 ед.), надводных кораблей океанской зоны (крейсеров, эсминцев, больших противолодочных кораблей, а также сторожевых кораблей [фрегатов]) — в 6,3 раза (с 63 до 10 ед.), кораблей прибрежного действия (малых ракетных и малых противолодочных кораблей, тральщиков, а также ракетных, торпедных и артиллерийских катеров) — в 4 раза (со 186 до 46 ед.). К тому же немалая часть числящихся в боевом составе флота кораблей не находится в боеготовом состоянии. В составе его авиации за тот же период из 240 боевых самолетов и 99 вооруженных вертолетов осталось 45 и 20 единиц соответственно, причем флот перестал располагать штурмовой авиацией. Кроме того, на ТОФе сейчас нет специальных самолетов дальней морской разведки, парк морской ракетоносной авиации уменьшился с 80 до 20 самолетов, а противолодочной авиации — с 65 до 25 [14].

При этом следует принимать во внимание такую особенность, российских военно-морских сил, как регионально-переферийная обособленность каждого из флотов. География России предопределила деление ее ВМФ на пять достаточно самостоятельных формирований — Северный, Тихоокеанский, Черноморский и Балтийский флоты, а также Каспийскую флотилию, которые оперируют в акваториях окраинных морей, весьма удаленных друг от друга и в определенной степени изолированных один от другого. Это, в отличие от наземного и воздушного компонентов ВС, очень затрудняет межтеатровый маневр силами, требуя большого времени на его выполнение, а в условиях войны, кроме того, огромного расхода ресурсов для проведения специальных бое-

вых операций по осуществлению такого маневра. Поэтому вопросы состава сил, развития инфраструктуры их базирования, боевого, специального и тылового обеспечения деятельности для каждого флота решаются с учетом конкретных условий соответствующих театров, а суммарная мощь всего ВМФ не играет такой роли, как это имеет место в отношении армии и авиации.

Конечно, в составе нашего Тихоокеанского флота на рубеже 90-х годов находилось немало и физически, и морально устаревших кораблей, но крайне недостаточное финансирование судоремонта повлекло к выводу из боевого состава флота еще большего числа кораблей и подводных лодок, которые при ином подходе могли быть сохранены и эффективно использоваться целый ряд лет. В результате наш Тихоокеанский флот, обладающий самой большой среди других флотов России зоной ответственности, ныне имеет всего 1 крейсер и 3 эсминца, 4 больших противолодочных и 3 сторожевых корабля, из которых можно сформировать одну корабельную ударную ракетную группу и одну-две корабельных поисково-ударных противолодочных групп. К тому же их использование ограничено зоной, в которой их действия может прикрывать с воздуха истребительная авиация наземного базирования, ибо, как отмечалось, этот флот не располагает авианесущими кораблями. В столь же сложном положении на Дальнем Востоке находятся также силы, призванные обеспечивать охрану морских районов и создание в них благоприятной оперативной обстановки для действий главных сил флота.

Вышесказанное со всей очевидностью свидетельствует о том, что все составляющие морского потенциала России понесли в последние годы весьма ощутимый урон. И это в полной мере относится к восточной части нашей страны, что вызывает существенное возрастание угрозы ее национальным интересам и безопасности в экономической, военной и иных сферах деятельности, особенно в свете новых тенденций в мировом развитии.

Дело в том, что истощение ресурсов на континентах естественным образом подталкивает человечество к освоению богатых запасов Мирового океана. Достаточно сказать, что уже сегодня более 20 % разведанных на планете запасов нефти и природного газа находятся на континентальном шельфе, а их разведку и добычу там ведут более 125 стран и число их возрастает. По оценкам, разведанные запасы нефти под океанами составляют более 0,5 трлн. тонн, газа — более 250 трлн. кубометров. Огромны ресурсы морей и океанов в обеспечении потребностей людей в минеральном сырье и различных видах энергии, обеспечении их продовольствием и иными биоресурсами.

Между тем до сих пор отсутствуют надлежащим образом оформленные международные соглашения о разграничении континентального шельфа и морских экономических зон*. Это порождает споры между странами о границах их юрисдикции в тех или иных районах морей и океанов. Так, 200-мильная протяженность таких зон ряда соседних стран нередко накладывается на нашу аналогичную зону, что порождается, в частности, различной системой ее отсчета. Наконец, назревает проблема разграничения морского дна за пределами национальной юрисдикции прибрежных стран, причем похоже, что этот процесс, скорее всего, постараются возглавить именно Соединенные Штаты Америки с тем, чтобы с выгодой для себя воспользоваться положением единственной оставшейся сверхдержавы современного мира.

Все это позволяет с достаточными основаниями прогнозировать нарастание межгосударственной борьбы за обладание доступом к «морским кладовым» планеты и вытекающей из этого необходимости защиты национальных интересов морских государств. Подтверждением этому служат многочисленные споры между разными странами по поводу принадлежности тех или иных за-

* В морях, омывающих нашу территорию, действует всего несколько фрагментарных по сути соглашений по этим вопросам.

частую мелких и вроде бы не представляющих из себя ценности островов или даже групп скал, так как обладание ими дает весьма существенную прибавку акваторий и морского дна, находящихся под юрисдикцией государства, обладающего такими островами (скалами).

В целом же межгосударственное противоборство, в том числе на просторах Мирового океана, включает проведение сторонами комплексов мероприятий экономического, правового и силового характера. Проявление элементов подобного противоборства мы наблюдаем уже сегодня. При этом эффективность использования экономических рычагов наиболее высока у тех стран, где особенно высок валовой национальный продукт, аккумулированы крупные валютные резервы и имеется существенное положительное сальдо во внешней торговле. Благодаря этому они обладают достаточными возможностями по реализации двуединой задачи — успешно проводить мероприятия по дестабилизации и ослаблению экономики тех государств, которые составляют или могут в перспективе составить им конкуренцию, и параллельно осуществлять поддержку и поощрение своей экономической деятельности, не только защищая собственные позиции на внутреннем и внешнем рынках, но и завоевывая для нее новые рынки и их сегменты путем вытеснения с них конкурентов.

В правовой сфере такое противоборство заключается в навязывании одной страной (группой стран) неравноправных договоров и соглашений другим государствам, в искажении в свою пользу формулировок различных международных правовых актов или их игнорирование, а также в односторонних действиях в неохваченных соглашениями областях. При этом нередко не принимается в расчет противоречие подобных действий сложившейся практике межгосударственных отношений и нанесение ими прямого ущерба другим странам. В морской области это касается известных конвенций по ряду вопросов международного морского права, разграничения морских районов и назревающей проблемы зонирования вод и дна Мирового океана.

Очевидно, что в такой обстановке проведение твердой внешней политики государства, стремящегося отстоять свои национальные интересы, требует наличия достаточных и дееспособных военно-морских сил. Поэтому тезис о возрастании роли ВМС в современных условиях, наверное, не нуждается в дополнительных обоснованиях. К тому же в настоящее время немалую угрозу для мореплавания как и в далекие времена представляет пиратство, распространенное, в частности, в морях Юго-Восточной Азии. И в этом плане на память приходит факт пресечения силами Тихоокеанского флота резко возросших в начале 90-х годов случаев вооруженных нападений на наши торговые суда в этом районе, число которых превысило тогда несколько десятков. Лишь отправка туда в 1993 г. отряда российских кораблей смогла прекратить пиратские акции в отношении наших судов.

Все это в комплексе учитывается почти во всех странах мира, имеющих выходы к морю, что видно из их усилий по наращиванию потенциала своих ВМС. По оценке морской консалтинговой фирмы «АМИ Интернешнл», в период 1999 — 2013 гг. в мире будет закуплено не менее 1443 новых кораблей и боевых катеров, причем на государства АТР приходится наибольшее их количество — 419 ед. Для США это число прогнозируется в пределах 260; для стран НАТО (без США) — 294.

При этом необходимо отметить то, что у большинства ведущих морских государств расходы на содержание и развитие флотов составляют 15 — 30 % их оборонных бюджетов. В частности, по сообщениям прессы, в 2000 г. в США они составили 32%, в Англии — 29%, во Франции — 28%, в Японии — 23%, в Китае — 15%. У нас же доля ВМФ в общем объеме финансирования Министерства обороны в 1998 г. упала ныне до рекордно низкого уровня, составив менее 10 % этих более чем скромных ассигнований, которые к тому же в значительной части так и не поступили на соответствующие счета.

В результате, на наших стапелях уже много лет стоит немало надводных кораблей и подводных лодок различных классов, в том числе заложенных еще в бытность Советского Союза, строительство которых было приостановлено из-за отсутствия финансирования. Это влечет старение корабельного состава ВМФ России, которое особенно заметно на фоне обновления кораблей в других морских государствах. В то время как в США, например, ежегодно заменяется новыми 6 — 7 % кораблей, у нас уже больше половины числящихся в строю перешагнули 15-летний возраст. Растет в нашем ВМФ и число ограниченно боеспособных кораблей, которые не обеспечены положенным ремонтом. При таком положении дел, по оценкам специалистов, к 2010 г. наш флот утратит способность решать даже ограниченный круг свойственных ему задач, а к 2015 может вообще прекратить свое существование как вид ВС РФ.

Тем не менее в морских державах, прежде всего в Соединенных Штатах Америки, внимательно следят за направленностью морской политики России. Как явствует из опубликованной журнале «Морской сборник» информации[15], в Центре повышения квалификации высших военных и гражданских руководящих кадров ВМС США (Монтерей) прошла международная конференция, носившая название «Морское будущее России», на которую были приглашены и наши эксперты. По их оценке, американцы проявляют повышенный интерес к состоянию морского потенциала нашего государства, в первую очередь к таким ее компонентам как военный, торговый, рыбопромысловый и научно-исследовательские флоты. Затрагивались на конференции вопросы конверсии нашего военного судостроения и утилизации боевых кораблей, прежде всего атомных подводных лодок. То, что этот интерес является своекорысным подтверждало название одного из докладов: "Нужен ли России ВМФ?"

Наверное, можно согласиться с заявлениями о том, что США и некоторые другие страны используют рычаги экономического, политического и международно-правового плана для вытеснения России из сферы морской деятельности. Однако представляется, что происходит не столько целенаправленное вытеснение нашей страны из этой сферы, сколько энергичное замещение нас в тех областях подобной деятельности, где мы резко снизили свою активность. Кстати, это наблюдается и на других направлениях нашего взаимодействия с внешним миром, что вполне закономерно для условий конкурентной борьбы на соответствующих рынках и в определенных зонах политического влияния. Последствием же такого положения дел становятся, с одной стороны, снижение возможностей выхода России в Мировой океан и ее способности использовать как его ресурсы, так и международные морские коммуникации, а с другой, — более свободный доступ к морским богатствам России иных стран и использование ее ресурсов в своих интересах, нередко не совпадающих с нашими.

Вероятно, стремление концептуально определить стратегически важные направления морской политики государства побудило заинтересованные ведомства страны разработать такой документ как «Основы политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2010 года», который и был утвержден 4 марта 2000 г. Указом Президента России. В нем сформулированы наши национальные интересы в Мировом океане, вытекающие из них главные цели и основные принципы деятельности в данной сфере, а также подчеркнуты роль и значение ВМФ в достижении этих целей и определены его основные задачи. Бесспорно, такой документ весьма своевременен, так как в нем изложены руководящие положения морской политики государства в целях сохранения и развития военно-морского потенциала страны, а также его применения для защиты национальных интересов России в Мировом океане.

Однако специалисты ВМФ, участвовавшие в разработке данного документа, выражают весьма осторожный оптимизм относительно реализации того, что в нем записано, ибо по-прежнему не предпринимается действенных шагов

по преодолению негативных процессов как в кораблестроении и судоремонте, так и в обеспечении повседневной деятельности флота, включая боевую подготовку его сил. Прошедшее же немалое время после принятия данного документа усилило эти опасения, ибо важнейшая задача: задержать процесс дальнейшего ослабления военно-морского потенциала России и не допустить снижения боеспособности ВМФ ниже критического порога, — не перешла в плоскость практического выполнения.

Более того, уже шесть лет правительством не реализуется рекомендация Государственной Думы о выделении расходов на ВМФ в отдельные от Министерства обороны и защищенные статьи федерального бюджета, сформулированная ею после рассмотрения состояния отечественного флота. Между тем, похоже, что руководство страны тогда прислушалось к этому мнению, так как в 1996 г. тогдашние и президент, и председатель правительства, и ряд вице-премьеров публично заявили о переводе ВМФ с 1997 г. на финансирование по отдельным от Министерства обороны статьям. Но и это конкретное обещание осталось без реализации, в результате чего доля средств, выделяемых для ВМФ даже в рамках МО, продолжала в последующие годы снижаться.

Правда, в последнее время руководство нашей страны официально признало, что уровень обеспечения безопасности нашего государства не отвечает современной обстановке. В связи с этим появился целый ряд документов, корректирующих наши доктринальные установки в этой сфере. Среди них уточнение «Концепции национальной безопасности РФ», новые «Концепция внешней политики РФ», «Концепция информационной безопасности РФ», «Военная доктрина РФ», «Основы политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности» и, наконец, «Морская доктрина России». Причем, похоже, что на этом принятие подобных документов не закончится. Однако при всей важности записанных в них положений настораживает задержка реальных шагов, направленных на их реализацию, кроме небольшого увеличения военного бюджета.

Осложнение международной обстановки вызвало осознание необходимости исправить положение дел в оборонном комплексе государства и привело властные структуры России к пониманию неизбежности увеличения ассигнований на эту сферу, что и повлекло рост доли в проекте федерального бюджета 2001 г. Однако их запланированный объем не удовлетворил Совет Федерации, который выступил за еще большее повышение расходов на оборону. В связи с этим последовало немалю комментариев со стороны видных политиков и высоких чиновников по поводу данной инициативы, заявивших, что подобное увеличение военного бюджета идет в разрез с общемировой тенденцией сокращения расходов на данные цели.

Действительно, по обобщенным данным за 1996 — 1998 гг. сумма таких расходов в мире в 1997 г. по сравнению с предыдущим годом снизилась на 3,7 % (с 843,4 до 812,5 млрд. долларов), а в 1998 г. — еще на 3,3 %, достигнув величины 785,3 млрд. долларов. Однако данный процесс не так однозначен, ибо на 90 — 95 % его определяли сокращения военных расходов России и большинства стран НАТО. В то же время, в том же 1997 г. расходы на оборону по сравнению с предыдущим годом увеличили 83 из 169 государств (почти половина). В 1998 г. из них эту тенденцию сохранили 60, а вместо 23-х, не продолживших такое увеличение, ассигнования на военные цели нарастили 35 новых, вследствие чего в 1998 г. общее число стран, в которых отмечен рост расходов на оборону, достигло 95, что составляет 56 % их числа в мире. Поэтому о мировой тенденции в данной области надо судить, опираясь на комплексные оценки, а не исходя из одного даже суммарного критерия.

Вышеприведенные данные приводятся в статистическом разделе ежегодника «The Millitary Balance 1999/2000». Анализ же динамики изменений расходов на военные цели Стокгольмского международного института исследований

проблем мира более категоричен. В своем ежегодном издании «SIPRI 2000» аналитики института отмечают, что «снижение мировых военных расходов, которое началось в 1988 г. — после окончания «холодной войны», было прервано в 1996 г.»[16]. В 1996-1998 гг. они стабилизировались и незначительно колебались, а в 1999 г. возросли на 2,1%. При этом прогноз аналитиков данного института по поводу дальнейшего развития этой ситуации выражен фразой, что «если текущие планы расходования средств на военные цели будут осуществляться, то увеличение объема военного финансирования, начавшееся в 1999 г., будет, по всей вероятности, продолжаться и в дальнейшем»[17].

Так что увеличение нашего оборонного бюджета сегодня не идет в разрез с общемировой тенденцией, хотя его объем далеко недостаточен для того, чтобы прекратить военное ослабление нашего государства и начать реальное восстановление его оборонного потенциала. В последние годы в мире отмечена тенденция значительного роста средств, выделяемых на модернизацию вооружения и военной техники (ВВТ). Так, при увеличении общих военных расходов на 1 — 2 %, на закупки новых образцов ВВТ они увеличились в среднем на 12 — 14%. Причем существенного снижения численности вооруженных сил не происходит почти нигде. Мы же в плане реформирования своих вооруженных сил объявили о новом их сокращении, включая ВМФ.

Таким образом, ход развития внутренней и международной обстановки показывает, что перед Россией встает важнейшая задача срочного преодоления экономического кризиса, прежде всего в сфере промышленного производства, иначе ею будет утрачена экономическая независимость и тесно связанная с этим обороноспособность. При этом одним из важнейших направлений в указанной сфере в современных условиях становится восстановление всех составляющих морского потенциала государства. В противном случае мы столкнемся с угрозой, если не исчезновения нашей страны как морской державы, то, по крайней мере, с утратой большинства важных преимуществ и благоприятных факторов развития, которые дает государству широкое и равноправное с другими странами владение морем.

---

1 Россия. 2015. Оптимистический сценарий: ИЭ РАН. М., 2000 С. 9-20.
2 Там же.
3 Ежегодник СИПРИ 2000. М.: Наука, 2001. С. 251, 252.
4 Там же.
5 По зарубежным странам и армиям. (Информационный сборник). № 5 (116). / ГШ ВС РФ. М., 1998.
6 Там же.
7 Там же.
8 Там же.
9 Профиль. М., 1999. № 5. С. 31-33.
10 Абалкин Л. Экономическая безопасность России // Вестник РАН. М.: Наука, 1997. С. 771-776; Россия и страны мира. М.: Госкомстат, 1998. С. 117, 249.
11 Профиль. М., 2000. № 3. С. 53-57.
12 Там же.
13 Там же.
14 The Military Balance. 1991/1992; 1999/2000.
15 Морской сборник. 2000. № 1. С. 7 — 9.
16 Ежегодник СИПРИ 2000. М.: Наука, 2001. С. 245 — 247.
17 Там же.

Российский Дальний Восток

Китайско-российское региональное сотрудничество

С 29 по 31 мая 2001 г. в г. Харбине (КНР) проходила первая конференция по научно-техническому и торгово-экономическому сотрудничеству между российским Дальним Востоком и провинцией Китая Хэйлунцзян. Инициаторами развития сотрудничества выступили Академия Общественных наук провинции Хэйлунцзян и Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. В октябре 2000 г. Новосибирск посетила китайская делегация во главе с президентом АОН провинции Хэйлунцзян Цюй Вэем, а в феврале 2001 г. делегацию ИЭОП СО РАН во главе с директором института академиком В.Кулешовым принимали в АОН провинции Хэйлунцзян, где и было достигнуто соглашение о сотрудничестве. Соглашение предусматривает проведение конференций поочередно в Китае и России. Первую конференцию было решено провести в Китае.

Выступление президента Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Цюй Вэя на открытии международной конференции "Китайско-российское региональное сотрудничество и развитие"

Открывая конференцию, Цюй Вэй отметил, что она организована учеными, официальными представителями и предпринимателями двух стран и поэтому отличается не только высоким научным уровнем, но и ярко выраженной целевой направленностью и практицизмом. Тот факт, что ученые, официальные лица и предприниматели двух стран собрались вместе для общего обсуждения проблем, способствует объединению их усилий в области теории и практики и на этой основе - выработке выводов и политических мероприятий, отвечающих реальной действительности. "Я верю, - подчеркнул Цюй Вэй, - что конференция окажет позитивное влияние и будет иметь далеко идущее значение в области содействия китайско-российскому региональному сотрудничеству, укрепления и развития китайско-российских отношений стратегического партнерства, направленных в XXI век, углубления научных обменов и сотрудничества между научно-исследовательскими организациями двух стран."

Цюй Вэй поделился своими соображениями *относительно стратегии подъема на новую ступень китайско-российских торгово-экономических отношений.*

Во-первых, Цюй Вэй отметил настоятельную необходимость развития торгово-экономических отношений.

1. Развитие китайско-российских торгово-экономических отношений — это настоятельная необходимость, диктуемая китайско-российскими отношениями стратегического партнерства в политической сфере. Достигнутый в 2000 г. уровень экспортно-импортных операций, который составил 2% от общего объема китайской внешней торговли, не только не идет ни в какое сравнение с боле чем 50% в 50-е годы, но и не достигает уровня, которого требует руководство обеих стран, — 5%. Если положение не изменится, то появится опасность возникновения "пустотелости" отношений стратегического партнерства. Автор полагает, что китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество охватывает не только торговлю, оно должно включать и другие области, дополненные научно-техническим сотрудничеством. Только так можно достичь требуемого уровня — не ниже 5% в общем объеме китайской внешней торговли. В противном случае, предупреждает автор, нельзя будет говорить об устойчивых и прочных отношениях стратегического партнерства между двумя странами в политической области, а также о дальнейшем их развитии и укреплении.

2. Развитие китайско-российских торгово-экономических отношений — это настоятельная необходимость, диктуемая в экономической области отношениями стратегического сотрудничества и партнерства, исходящими из условий взаимной выгоды и взаимной дополняемости. Географическое положение и очень значительная дополняемость в производстве стали теми естественными преимуществами, на основе которых могут строиться стратегические отношения взаимной выгоды и взаимодополняемости в экономике.

3. Развитие китайско-российских торгово-экономических отношений настоятельно необходимо для защиты экономической безопасности Китая и России. Докладчик предлагает объединить усилия двух стран для совместного освоения нефтяных и лесных ресурсов и поставить эту задачу в число важнейших для правительств обеих стран, чтобы обеспечить постоянный рост валютных поступлений России и удовлетворить неуклонно растущие потребности Китая в нефти и лесе.

4. Развитие китайско-российских торгово-экономических отношений настоятельно необходимо для защиты экономической безопасности Китая и России. Экономической безопасности России угрожают нехватка валюты и пассивный баланс экспортно-импортных операций, экономической безопасности Китая угрожает нехватка нефти, леса и природного газа. Отсюда вытекает необходимость усиления экономического и торгового сотрудничества между двумя странами. Россия может обращать в валюту свои природные богатства, а Китай обменивать на сырье свои финансовые и людские ресурсы.

5 Развитие китайско-российских торгово-экономических отношений необходимо для реорганизации отраслевой структуры в Китае и России. В стратегии развития России выдвигается мысль об ускорении освоения восточных регионов и превращении их в новую базу подъема российской экономики. Это представляет редкую возможность для отраслевой реструктуризации и широкомасштабного развития экономики и торговли двух стран. Мы полагаем, что России следует проводить льготную политику по отношению к Китаю в плане участия Китая в освоении восточных районов, поощрять китайских предпринимателей еще активнее внедряться в восточные районы, принимать участие в освоении запасов нефти, природного газа, леса и других природных богатств. Это очень важно для реорганизации отраслевой структуры, а также для ускорения темпов освоения восточных регионов России.

Во-вторых, Цюй Вэй указал на следующие стратегические направления развития широкомасштабных торгово-экономических отношений:

1. Совместные разработки в области высоких технологий, внедрение их в производство. Китай нуждается в производимом в России оборудовании и

продукции обрабатывающей промышленности в области военной, космической, авиационной и судостроительной отраслей. Радует, что Китай и Россия договорились о создании двух центров научно-технического сотрудничества в провинции Шаньдун (город Яньтай) и провинции Хэйлунцзян (город Харбин). Предлагается в ходе совместного сотрудничества на основе высоких технологий производить самолеты гражданского и военного назначения, косметические летательные аппараты и военное оборудование, газовые турбины и другое крупное оборудование гражданского назначения. Сотрудничество может быть осуществлено на таких условиях: Россия выделяет в качестве своей доли технику и технологии, а Китай предлагает денежные средства, рынок для совместного освоения и совместного производства.

2. Совместное освоение запасов нефти и газа в России. Речь идет об ускоренном освоении богатейших запасов нефти и газа в России, прокладке трубопроводов для поставки нефти и газа в Китай за счет предоставляемых Китаем капиталов и рабочей силы. При таком варианте в ближайшие 10 лет Китай смог бы получать ежегодно 50 млн. тонн сырой нефти и 10 млрд. кубометров природного газа, а Россия — более 10 млрд. ам. долл. или товаров на эту сумму.

3. Совместное освоение лесных ресурсов России. Россия обладает одной четвертой всех мировых запасов древесины, производит ежегодно древесины в 2 раза больше Китая. После принятия программы охраны природных лесонасаждений Китай сократил производство древесины, а потребность в ней растет. Предлагается, чтобы Россия увеличила свое производство и экспорт древесины в Китай с нынешних нескольких миллионов кубометров до нескольких десятков миллионов кубометров в год, увеличив тем самым свои валютные поступления до 10 млрд. ам. долл. Для удовлетворения этих потребностей Россия ежегодно будет расходовать только часть естественного прироста леса, это никак не повлияет на экологию. С другой стороны, в Китае только на Северо-Востоке имеется несколько сот тысяч свободных лесорубов.

4. Совместное освоение земельных ресурсов. Россия занимает первое в мире место по территории, а по размеру пахотной земли на душу населения превышает Китай в 10 раз. Однако вследствие влияния таких факторов, как нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве, недостатки механизма управления и использования научных достижений в производстве ощущается нехватка продукции сельского хозяйства, на ее импорт приходится тратить валюту. В Китае же, где отмечается наименьшая в мире площадь на душу населения и огромный избыток рабочей силы, наработана достаточно передовая технология сельскохозяйственного производства. Население России за последние 10 лет сократилось более чем на 6 млн. чел., одна только Сибирь испытывает острую потребность в рабочей силы — около 5 млн. человек. В этой ситуации выходом из положения могло бы быть использование качественной, дешевой и многочисленной китайской рабочей силы ля участия в освоении обширных районов восточной части России, особенно в форме подряда на обработку земли для выращивания зерновых, овощей, фруктов, а также в животноводстве. Если бы Китай экспортировал 1 млн. человек рабочей силы, то это было бы менее 1% населения России, но обеспечило бы обработку около 10% пахотных земель, с которых можно получить продукции на 10 млрд. ам. долл. Китай и Россия занимают 1/6 территории земного шара, их население составляет 1/5 населения планеты. Фактически подобное сотрудничество в настоящее время непрерывно расширяется в пограничных районах. Если бы его можно было поднять на государственный уровень, то это стало бы мощным стимулом для ускорения развития экономики обеих стран.

5. Совместное создание районов свободной торговли, торговых зон взаимных рынков и районов совместного освоения. Условия для этого развития прекрасны. Они обеспечиваются большой протяженностью наших границ, многочисленными пунктами пропуска на границе и огромными потенциальными возможностями торговли. В самое ближайшее время необходимо решить ряд вопросов: в приграничных районах, особенно там, где имеются парные пункты пропуска и удобные пути сообщения, организовать зоны свободной торговли, торговые зоны взаимных рынков, районы экономического освоения. Сюда относится и спорная территория — участок площадью в 400 кв. км на островах Б.Уссурийский и Тарабарова, которую можно было бы, отложив споры, совместно использовать для создания особой торговой зоны или свободного порта. Таким образом, Китай и Россия могли бы избежать налогообложения или сократить налогообложение при проведении экспортно-импортных операций, чтобы расширить масштабы торгово-экономической деятельности.

Чтобы поднять китайско-российскую торгово-экономическую деятельность на новую ступень, необходимо убрать три препятствия:

1. Устранить угрозу китайским гражданам в России. Россия нуждается не в десятках или сотнях тысяч, а в миллионах китайских рабочих рук в интересах развития своей экономики. Предлагается, чтобы российское правительство поставило на повестку дня вопрос о принятии политики, поощряющей приезд китайской рабочей силы в Россию, создавало соответствующее общественное мнение, благосклонное отношение к появлению китайской рабочей силы на российском рынке. Обе стороны, разумеется, должны усилить контроль за экспортом Китаем рабочей силы.

2. Ликвидировать сверхвысокие таможенные тарифы. Автор считает эту причину основным мотивом отказа от вложения капиталов в России. В России самые высокие в мире тарифы, поэтому ежегодный объем капиталовложений в России не превышает 10% от капиталовложений в Китае. Стремление Китая участвовать в разработках природных богатств России и научно-техническом освоении также упирается в высокие налоги. Предлагается уменьшить ставки налогов, ориентироваться на мировой опыт.

3. Покончить с отсутствием общественного порядка и разгулом мафии. Предлагается, чтобы правительство России предприняло решительные меры по установлению общественного порядка, нанесло удар по деятельности мафии.

С предложениями относительно **мер по укреплению китайско-российского научно-технического сотрудничества на конференции выступил Сунь Ваньху**, зам. председателя Китайского общества международного научно-технического сотрудничества, член правления Общества китайско-российских центров науки и высоких технологий. Он остановился на следующих проблемах:

1. Научно-техническое сотрудничество, накопленный опыт и формы сотрудничества.

Китайское правительство с большим вниманием относится к научно-техническому сотрудничеству с Россией, которое является важной составной частью хороших межгосударственных отношений стратегического взаимодействия и партнерства, направленных в XXI век. Оно способствует решению и такой проблемы, как ограничения странами Запада доступа Китая к новейшим технологиям. Сегодня Россия и другие страны СНГ представили Китаю редкую возможность получать новейшие технологии по достаточно низким ценам, в первую очередь военные технологии.

Главное место принадлежит межправительственному научно-техническому сотрудничеству, которое ведется на основе соглашения от 18 декабря 1992 г. На прошедших 4 заседаниях межправительственных комиссий по эко-

номическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству было утверждено 245 проектов сотрудничества в области машиностроения, электроники, новых материалов, сельского хозяйства, биотехнологий, медицины и др. В июне 1997 г. на одной из регулярных встреч глав правительств было решено создать Комиссию по научно-техническому сотрудничеству, заседания которой проходят один раз в год. До сегодняшнего дня состоялось 4 заседания, было обсуждено 113 проектов. Для еще более успешного сотрудничества на основе принципов равенства, взаимной выгоды, совместного владения результатами, защиты интеллектуальной собственности в 1999 г. стороны подписали "Соглашение между правительствами Китайской Народной Республики и Российской федерации о научно-техническом сотрудничестве". Обе стороны непрерывно расширяют сотрудничество, прилагают общие усилия для увеличения результатов сотрудничества, для внедрения современных новых технологий в производство. В 1998 г. в городе Яньтай (провинция Шаньдун) была организована "Китайско-российская показательная база внедрения в производство новых высоких технологий". В ноябре 2000 г. на очередной встрече двух премьеров был официально подписан "Меморандум" о сотрудничестве в сфере инноваций.

Кроме сотрудничества по межправительственной линии, ведется также китайско-российское сотрудничество по линии соответствующих министерств и комитетов. Здесь следует отметить сотрудничество в области ядерной энергетики, авиации и космонавтики, связи, судоходства, электроэнергии, охраны окружающей среды, биотехнологий и др. Еще одна форма — это сотрудничество между академиями наук.

В процессе научно-технического сотрудничества при содействии и поддержке правительств, опираясь на результаты исследований в рамках государственных программ, проводятся совместные разработки (робот, работающий на глубине 6000 м), идет обновление имеющегося у той или другой стороны оборудования (совершенствование установки Т-7), использование передового оборудования друг друга, например лабораторий для уменьшения расходов на проведение экспериментов. Сотрудничество помогает преодолевать блокаду западных стран по некоторым самым новым направлениям. Обе стороны используют преимущества взаимодополняемости, ведут обмен в технической области, получая таким образом новые технологии. Предприятия становятся главными проводниками сотрудничества. Сотрудничество осуществляется также на показательных базах, где находящиеся на ее территории предприятия пользуются налоговыми льготами и льготами по землепользованию.

Автор призывает к объединению управления и руководства научно-техническим сотрудничеством с СНГ, особенно с Россией, в рамках механизма встреч премьеров двух стран усилить работу по координации деятельности двух комиссий, добиться полной согласованности по важным направлениям сотрудничества с Россией, в том числе по выходящим за рамки одного ведомства проектам в области научно-технического, экономического и военного сотрудничества. Следует ускорить получение ответов на предложенные другой стороной проектам, все министерства и ведомства внутри страны должны вести сотрудничество, исходя из высочайших интересов государства.

2. Меры, которые следует предпринять, и предложения по развитию научно-технического сотрудничества

Учитывая, что научно-техническое сотрудничество Китая со странами СНГ вступает в новый этап развития, автор полагает, что необходимо добиться введения макрорегулирования и единого планирования этого сотрудничества, особенно в рамках сотрудничества с Россией. Следует в рамках существующего механизма встреч на уровне премьеров усилить координацию работы отдельных комиссий, добиться единства и взаимодействия по важнейшим пунк-

там сотрудничества: по научно-техническому, экономическому и военно-техническому сотрудничеству, расширить сферу китайско-российского сотрудничества.

Необходимо добиться объединения усилий для введения планирования из Центра изучения и анализа научно-технического сотрудничества Китая со странами СНГ. Для этого следует создать специальный консультативный орган. В настоящее время в Международном обществе научно-технического сотрудничества Китая ведется работа по созданию группы, специалисты которой будут разрабатывать политику в области научно-технического сотрудничества с Россией. В ее состав войдут авторитетные люди и специалисты в разных областях науки и техники, которые будут главным образом заниматься отслеживанием результатов научных исследований и России и других странах СНГ по важнейшим направлениям науки и техники, своевременно и точно улавливать уровень развития науки и техники, выделять на основе анализа те направления исследований, которые являются передовыми в техническом отношении, и те результаты, которые можно было бы использовать в Китае. В то же время необходимо изучать научные кадры России и других стран СНГ, их позицию, уяснять, подходят ли они для обмена и могут ли быть использованы для работы в Китае.

Автор указывает на необходимость улучшения подготовки кадров, занимающихся научно-техническим сотрудничеством со странами СНГ. В связи с этим речь идет о необходимости обратить внимание правительств, исследовательских организаций и предприятий на повышение внимания к подготовке таких кадров на разных уровнях. Эти специалисты должны хорошо знать проблему и русский язык, чтобы должным образом обеспечивать развитие сотрудничества. Докладчик выразил надежду на то, что в России на местах тоже будут готовить специалистов, способных осуществлять научно-техническое сотрудничество.

Следует полностью раскрыть потенциал обучавшихся или стажировавшихся в России в 90-е гг. китайских специалистов.

Использовать разнообразные каналы для укрепления материальной базы сотрудничества, привлекать средства по разным каналам, ибо в настоящее время одной из проблем сотрудничества со странами СНГ является именно нехватка средств. Следует использовать средства, расходование которых предусмотрено пятилетним планом на важные проекты международного сотрудничества, добиваться включения в государственный план отдельных, наиболее важных, проектов сотрудничества со странами СНГ и Россией.

Поддерживать и продвигать сотрудничество Китая с Россией в области научно-технических инноваций и внедрения высоких технологий в производстве. В настоящее время для сотрудничества отобрано 5 пар предприятий в Китае и России, работающих в области высоких технологий. В 1999 г. единовременно на финансирование проектов сотрудничества со странами СНГ и Россией было выделено 20 млн. юаней. Впоследствии после накопления достаточного опыта можно будет расширить масштабы финансирования таких проектов. С учетом нехватки финансирования у обеих сторон нужно все больше обращаться к рыночному механизму, механизму венчурного капиталовложения в науку и технику, использовать больше источников для материального обеспечения сотрудничества. Китайские и российские организации, занятые в сотрудничестве, должны вместе обращаться к международным организациям за помощью и поддержкой.

Следует усилить сотрудничества в области внедрения достижений науки и техники в производство. Автор предлагает использовать опыт и возможности китайских технико-индустриальных парков новых высоких технологий,

в которых накоплены финансовые мощности и создан благоприятный инвестиционный климат, привлекать к работе специалистов высокой квалификации из России и других стран СНГ с тем, чтобы высокие технологии из России и стран СНГ в Китае превращались в товарную продукцию и внедрялись в производство. Следует постоянно совершенствовать базу в г. Яньтай, Цзинаньский китайско-белорусский парк науки и техники, сотрудничество между Россией и Китаем в провинциях Хэйлунцзян и Чжэцзян (Цзюхуа). Впоследствии после накопления опыта эффективного управления этими объектами можно будет распространить их опыт на всю страну.

Автор считает, что необходимо принять эффективные политические меры, направленные на поощрение участия предприятий в научно-техническом сотрудничестве. Со времени начала реформы в Китае предприятия постепенно превратились в главных субъектов международного научно-технического сотрудничества, а для предприятий их участие в этой деятельности становится залогом успешного самостоятельного подъема производства. В нынешних условиях стоит рассмотреть возможность привлечения как можно большего числа предприятий, обладающих определенной мощью, чтобы укрепить сотрудничество научно-исследовательских учреждений с работой предприятий. Нередко преуспевшие в научных разработках учреждения не имеют достаточно средств для их реализации, а предприятия с финансовыми возможностями не могут найти необходимые им технологии. Для разрешения подобных проблем следует улучшить информационное обеспечение, разными путями заинтересовывать предприятия участвовать в научно-техническом сотрудничестве с государствами СНГ.

Повысить возможности Китая по поглощению и усвоению "научно-технических полуфабрикатов", укрепить такие связи, как производство — обучение — исследования и правительство — производство — исследования.

Попытаться объединить исследования в рамках государственных программ "973", "863" с сотрудничеством со странами СНГ.

Использовать стратегию "наука и техника возродят страну", "искать выходы вовне", развивать "взаимное продвижение" и "взаимное привлечение" результатов научно-исследовательской деятельности в области высоких технологий. Автор приводит статистические данные, согласно которым общий объем иностранных инвестиций в России к 2000 г. составил 32 млрд. ам. долларов, большая часть которых приходится на США и Германию (12 и 20,4% соответственно). а ближайший сосед России Китай не входит даже в первую десятку инвесторов. Автор указывает на недопустимость такого положения, на отрицательное влияние этой ситуации на китайско-российское торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество. Выдвигается предложение создавать в России китайско-российские парки науки и техники, организовать научно-технический парк с участием китайских предприятий и научно-исследовательских учреждений. Российская сторона должна обеспечить льготную политику в этом парке.

Поддерживать развитие западных районов Китая и вовлекать их в сотрудничество со странами СНГ и Россией. Следует привести в движение все преимущества китайских западных районов, использовать все благоприятные условия и возможности для включения западных районов в научно-технические контакты со странами СНГ.

Докладчик в заключение высказал несколько конкретных предложений по сотрудничеству:

1. В условиях рыночной экономики следует учитывать экономические интересы участников сотрудничества: поднять оплату труда специалистов из стран СНГ, которые едут в Китай преподавать и работать, помогать решать их

экономические проблемы, включая оплату проезда между городами, плату за оформление виз и др. Вознаграждение за работу в Китае должно быть пропорционально вкладу работающего.

2. Осуществлять плановые научные обмены между специалистами двух стран.

3. Готовить к отправке в стране СНГ группы по изучению состояния науки и техники, которые можно было бы использовать в Китае. Следует избегать дублирования.

С докладом о состоянии **торгово-экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией** и предложения по его дальнейшему развитию выступил Цзи Цинфу, начальник Управления внешнеэкономического и внешнеторгового сотрудничества провинции Хэйлунцзян.

Провинция Хэйлунцзян, отметил докладчик, традиционно имеет широкие торгово-экономические связи с Россией, которые были установлены в 1957 г. и потом на 10 лет прерваны. Возобновившиеся в 1988 г. торговля за наличную валюту, сотрудничество в виде подрядных работ на строительство и поставки рабочей силы способствовали развитию двусторонней торговли, которая достигла пика в 1993 г., после чего начался период спада. В 1993 г. объем экспортно-импортных операций между Китаем и Россией достиг 1,89 млрд. ам. долл., что составило 57,45% общего объема внешней торговли провинции, или 23,5% общего торгового оборота Китая с Россией. В 1998 г. объем экспортно-импортных операций провинции упал до 670 млн. ам. долл. После 1999 г. снова наметился подъем, и в 2000 г. объем экспорта-импорта поднялся до 1,37 млрд. ам. долл., рост по сравнению с предыдущим годом составил 49,64%, то есть 46% экспортно-импортных операций всей провинции, или 17% от общекитайского товарооборота с Россией. К 2000 г. провинция Хэйлунцзян подписала с Россией более 2000 соглашений о сотрудничестве в области подрядных работ на строительство и предоставление рабочей силы на общую сумму 2,92 млрд. ам. долл., из них выполнено работ на 2 млрд. ам. долл., реально предоставлено рабочей силы численностью 113 тыс. человеко/раз. За прошедшие 3 месяца этого года уже подписано 62 соглашения о сотрудничестве по строительству и рабочей силе, стоимость контрактов — 23,05 млн. ам. долл., реальное число предоставляемой рабочей силы — 1416 человек. По сравнению с аналогичным периодом предыдущего года рост составил 55, 42,22 и 30,75% соответственно.

Торгово-экономическое сотрудничество сталкивается с рядом проблем, главные из которых выделены ниже:

1. Небольшой объем, однообразные формы и медленный рост торгово-экономического сотрудничества.

2. Низкая эффективность системы торгово-экономического сотрудничества, узость сферы сотрудничества. Главным образом, это проявляется в небольшом числе инвестиционных проектов, их малых объемах, сокращении традиционных объектов сотрудничества — строительства и предоставления рабочей силы. Содержание сотрудничества ограничивается выращиванием зерновых, овощей и фруктов, рубкой леса, обработкой древесины и строительством жилья и др. объектов, общепитом. Недостаток серьезных объектов сотрудничества, сотрудничества в области науки и техники, хотя в этой области имеются большие потенциальные возможности и неиспользованные ресурсы.

3. Слабость субъектов торгово-экономического сотрудничества (мелкие и средние предприятия с ограниченными возможностями и слабой конкурентоспособностью), отсутствие норм ведения деловых операций (нарушение порядка ведения торговых операций, споры, несоблюдение договоренностей и др.).

4. Отсутствие надежного механизма обеспечения безопасности сотрудничества и эффективного торгового законодательства. Тремя "узкими местами" являются: банковские расчеты, экспортное трастовое страхование и арбитраж.

Докладчик дал следующие предложения по дальнейшему развитию торгово-экономического сотрудничества между Хэйлунцзяном и Россией:

1. Развивать торгово-экономическое сотрудничество, исходя из тенденции к экономической глобализации и региональной интеграции. Автор считает, что в основе глобализации лежит региональная интеграция, а основой и предпосылкой региональной интеграции служит сотрудничество в экономической и торговой областях близлежащих стран или регионов, особенно стран, имеющих общую границу. Российские Сибирь и Дальний Восток вместе с провинцией Хэйлунцзян относятся к региону Северо-Восточной Азии и на этой основе могут развивать региональную интеграцию. В последние годы многие исследователи и специалисты изучали возможности такого сотрудничества и дали рекомендации по созданию структуры регионального сотрудничества между российским Дальним Востоком и китайской провинцией Хэйлунцзян или образованию в этом районе зоны свободной торговли, на базе которой можно было бы проводить торгово-экономическое сотрудничество в более широких масштабах. В установленных обоими государствами местах должна проводиться льготная политика в области налогообложения. Позже этот район может стать интегрированной торгово-экономической зоной.

2. Необходимо отыскивать точки взаимодействия, где с наибольшей силой проявляются преимущества обеих сторон и взаимодополняемость. Приоритетными направлениями развития сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией автор считает сельское хозяйство, животноводство, лесное хозяйство, машиностроение, нефть, природный газ, разработку полезных ископаемых, транспортные перевозки, биологию, медицину, фармацевтику, новые материалы и туризм; автор призвал прилагать усилия для поисков крупных объектов сотрудничества, повышать уровень и качество сотрудничества.

3. Укреплять и расширять научно-техническое сотрудничество, повышать его уровень. Автор отметил, что в последние годы появились определенные подвижки в этом направлении. Важную роль в развитии провинции может сыграть привлечение результатов научно-технических исследований в России и внедрение их в производство в провинции. В Харбине уже создан Китайско-российский центр сотрудничества в области новых высоких технологий на базе Харбинского технологического университета, Провинциальной академии сельскохозяйственных наук, исследовательских организаций и соответствующих предприятий. В центре ведутся работы в области создания технологий новых материалов, космических технологий, глубоководных технологий, современных сельскохозяйственных технологий, биоинженерии и др.

4. Развивать взаимные инвестиции и надгосударственное управление. Мы приветствуем инвестиции российских предпринимателей и открытие ими предприятий в нашей провинции. Особенно желательно участие крупных российских предприятий в техническом переоснащении построенных при содействии СССР в 50-е годы объектов. Провинция предоставит российской стороны самые выгодные условия для инвестиций. С другой стороны, российская сторона должна обеспечить льготы китайским инвесторам, которые будут готовы вложить средства в России, в отношении налогообложения, импорта оборудования, вывоза иностранной валюты. В провинции придерживаются стратегии "искать выходы вовне": поощряют предпринимателей идти на инвестиции за рубежом, открывать за границей заводы и фабрики, вести за границей торговлю обработанной продукцией. Провинция Хэйлунцзян предлагает свое оборудование для легкой, текстильной, пищевой, электронной промышленности Рос-

сии с целью проведения переоснащения и технической реконструкции. Ряд крупных государственных предприятий, народных предприятий уже начали открывать заводы, покупать заводы в России, вместе с российской стороной вкладывать капиталы, осуществлять сотрудничество, заниматься сбытом товаров российского происхождения, расширяя таким образом рамки технико-экономического сотрудничества.

5. Усиливать стимулирующую роль правительств. Практика обоих государств с экономиками переходного типа показывает, что в таких условиях трудно заниматься торгово-экономическим сотрудничеством без руководящей и направляющей роли государства. Уже существуют регулярные встречи на уровне глав государств и правительств, образовано 7 комиссий по сотрудничеству в отдельных областях. Установлены механизмы сотрудничества провинций Хэйлунцзян, Цзилинь, автономных районов Внутренняя Монголия и Синьцзян с дальневосточными краями и областями. Благодаря регулярным встречам местных руководителей решаются многие сложные вопросы и проблемы, возникающие в ходе сотрудничества. В коне 2000 г. руководство провинции Хэйлунцзян выступило с предложением создать механизм регулярных встреч с руководством правительств областей и краев российского Дальнего Востока. С этим предложением согласились руководители Приморского и Хабаровского краев, Амурской области. В провинции Хэйлунцзян уже образована рабочая группа. Автор выразил надежду, что российская сторона в самое ближайшее время откликнется на это предложение и тоже создаст рабочий орган. Особенно важно, считает докладчик, чтобы правительства обеих стороне играли активную роль в наведении порядка в торгово-экономическом сотрудничестве, освоении новых сфер сотрудничества, решении стоящих в настоящее время проблем: расчетов, арбитража и страхования.

© 2001 *Перевод с китайского языка А.Верченко*

Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке

© 2001

Е. Мотрич

Снижение уровня жизни населения в период экономических преобразований, общая обстановка нестабильности, ощущение социальной незащищенности существенно сказались на демографической ситуации, во всей стране, особенно на Дальнем Востоке.

Дальний Восток с 1991 г. вступил в период критического демографического развития, когда численность населения уменьшается темпами, превосходящими среднероссийские показатели. В начале 2000 г. на Дальнем Востоке проживало 7,2 млн. человек. Это столько же, сколько было в регионе в 1982 г.[1] Максимальная численность населения была отмечена в 1991 г. — 8,1 млн. чел. Таким образом, Дальний Восток за 1991-1999 гг. потерял 0,9 млн. чел. В этом процессе свою роль "сыграли" естественное и миграционное движение. Начавшийся еще в 1989 г. миграционный отток населения с 1993 г. дополнился естественной убылью населения.

Таблица 1.

Компоненты изменения численности населения Дальнего Востока

Годы	Дальневосточный район		
	Фактический прирост, тыс. чел.	Естественный прирост, тыс. чел.	Миграционное сальдо, тыс. чел.
1991	-24,2	+41,2	-65,4
1992	-132,9	+1,6	-134,5
1993	-111,2	-10,2	-101,0
1994	-162,9	-15,1	-147,8
1995	-120,7	-17,9	-102,8
1996	-83,2	-18,2	-65,0
1997	-85,2	-15,4	-69,8
1998	-84,5	-11,7	-72,8
1999	-92,4	-22.4	-70,0
Итого:	-897,2	-68,1	-829,1

Источник: Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. М.: Госкомстат России, 1992; Численность населения РСФСР по городам, рабочим поселкам и районам на 01.01.1993. М.: Госкомстат России, 1993; Численность населения РСФСР по городам, рабочим поселкам и районам на 01.01.1994. М.: Госкомстат России, 1994; Численность и миграция населения Российской Федерации в 1995 г. М.: Госкомстат России, 1996; Чис-

Мотрич Екатерина Леонидовна, кандидат экономических наук, ученый секретарь Института экономических исследований ДВО РАН.

ленность и миграция населения по Дальневосточному району. Благовещенск. 1997;Социальное положение и уровень жизни населения России, 1997. М.: Госкомстат России. 1997; Численность населения по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 1999 г. М.: Госкомстат России, 1999; Регионы Дальневосточного федерального округа на рубеже 2000 г. Хабаровск, 2000; Численность населения Дальневосточного федерального округа на 1 января 2000 г. Благовещенск, 2000 г.

В течение всего периода 1991-1999 гг. на Дальнем Востоке происходило уменьшение численности населения. Если в 1991 г. доля Дальнего Востока в населении России составляла 5,4%, то в начале 2000 г. только 4,9%. И это при том, что население России в целом тоже сокращается. Плотность населения на один кв. км продолжает оставаться очень низкой в сравнении с Россией. На Дальнем Востоке этот показатель — 1,2 чел. на кв. км, а в России — 8,5 чел.[2]

Показатели рождаемости на Дальнем Востоке существенно сократились: с 13,7 человек на 1000 населения в 1991 г. до 9,0 человек в 1999 г., коэффициент рождаемости уменьшился на 33,6%. В России за это же время рождаемость в расчете на 1000 человек населения сократилась с 12,1 человек до 8,3 человек, то есть на 30,4%. Таким образом, сокращение рождаемости на Дальнем Востоке происходило более высокими темпами, нежели в России. Одновременно за это же время смертность на Дальнем Востоке увеличилась на 40,7%, в то время как по России этот показатель вырос на 28,9%.

Начиная с 1993 г. смертность устойчиво превышает рождаемость, началась естественная убыль населения. В 1993 г. впервые в регионе умерших было больше, чем родившихся на 10,2 тыс. человек. Эта тенденция продолжается до сих пор. Общие потери от превышения смертности над рождаемостью за 1993-1999 гг. составили 110,9 тыс. человек.

Произошел демографический срыв в воспроизводстве населения на Дальнем Востоке, регион вступил в стадию депопуляции, хотя на первый взгляд может показаться, что на востоке страны демографическая ситуация более спокойная, чем в России. Доказательством тому могли бы служить коэффициенты уровня естественной убыли, значение которых в России составляло в 1993 г. 5,1‰, в 1999 г. — -6,4‰, а на Дальнем Востоке, соответственно -1,3‰ и -3,1‰. Однако, если темпы роста естественной убыли за 1991-1999 гг. в России составили 25,5%, то на Дальнем Востоке они выросли в 2,4 раза. Следовательно, темпы роста естественной убыли в Дальневосточном регионе многократно превышают российские показатели и это вызывает серьезную обеспокоенность. К сожалению, нет оснований рассчитывать на изменение такой ситуации в ближайшем будущем, поскольку увеличивается смертность населения и происходит сокращение рождаемости во всех возрастных группах женщин. Сложившаяся ситуация приобрела устойчивый характер.

Исходя из темпов роста смертности и сокращения рождаемости Дальневосточный район интенсивно наращивает депопуляционные процессы. Условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся) на Дальнем Востоке составляет 1,3 (в России он достигает 1,8) при предельно критическом (принятом в мировой практике) значении 1.[3] Следствием депопуляционых процессов становится деформация возрастной структуры населения в сторону ее постарения и сокращения экономически активного населения.

Дальний Восток стремительно идет к своей старости. Принято считать, что население территории стареет, если в его структуре лиц старше 65 лет более 7%. В Дальневосточном районе на 01.01. 2000 г. этот показатель составляет 7,5%. Прогрессирующее старение население вместе с сокращением рождаемости в перспективе может создать серьезные проблемы не только в плане

социального обеспечения населения, но и в плане увеличения демографической нагрузки на экономически активное население.

Проявлением негативных последствий сегодня является показатель ожидаемой продолжительности жизни. Для дальневосточников, рожденных в 1989-1990 гг., ожидаемая продолжительность жизни была 67,6 лет, в том числе для мужчин — 62,7 года и для женщин — 72,8 года (в России, соответственно 69,4; 64,0 и 74,4). Однако рожденные на Дальнем Востоке в 1999 г. имеют шанс дожить только до 64,4 лет, в том числе мужчины — до 58,9, женщины — до 70,6 года (в России, соответственно, 65,9; 59,9 и 72,4 года). Таким образом, ожидаемая продолжительность жизни населения на Дальнем Востоке не достигает среднероссийского показателя, и это связано с экстремальными особенностями социально-экономического, демографического и климатогеографического положения Дальнего Востока в сравнении с другими регионами Российской Федерации. Следовательно, риск заболеваемости и смертности здесь выше, а потому внимание должно быть уделено и совершенствованию деятельности учреждений здравоохранения, повышению степени их доступности; достижению максимально возможного объема бесплатной медицинской помощи и бесплатного лекарственного обеспечения. Наши показатели ожидаемой продолжительности жизни ниже аналогичных и в сравнении со всеми странами Северо-Восточной Азии. Так, по состоянию за 1998 г. продолжительность жизни в Японии составляла для мужчин 76,9 года, для женщин — 83,3 года; в Республике Корея — 69,0 и 76,2 года; Северной Корее — 69,0 и 75 лет; в Китае — 68,1 и 72,3 года и в Монголии — 64,7 и 67,7 года.[4]

Анализ развития демографических процессов на Дальнем Востоке говорит о том, что воспроизводство населения региона находится в критической фазе.

Уменьшение рождаемости, увеличение смертности и в связи с этим деформация структуры населения по возрасту способны в короткий срок разрушить сами основы народонаселения региона, складывавшиеся в течение многих десятилетий с большими трудностями и издержками. Таким образом, социальный потенциал региона оказался под угрозой распада. В целях стабилизации численности населения в ближайшей перспективе и его роста в среднесрочной и долгосрочной перспективе, преодоления негативных тенденций в демографическом развитии Дальнего Востока необходимо ввести дополнительные государственные компенсирующие меры, направленные на стимулирование рождаемости, сокращения смертности по "региональным причинам" и увеличения продолжительности жизни населения.

Дальний Восток теряет население еще и за счет миграционного оттока. В общем уменьшении численности населения Дальнего Востока за 1991-1999 гг. на 897 тыс. чел. на долю миграционного оттока пришлось 828,9 тыс. человек, или 92,4%, вовлеченного в миграционные потоки. Это — потеря собственного населения, так как в расчетах не учтены прибывшие на эту территорию за названный промежуток времени. Наиболее интенсивно теряли население северные территории. Но потоки мигрантов с севера не всегда следует расценивать как негативное явление. Вопрос здесь только в том, покинули ли мигранты регион вообще или отдали предпочтение проживанию в нем, переселившись в его южную зону?

Отток населения продолжается до сих пор из всех субъектов Федерации Дальнего Востока и в сложившихся социально-экономических условиях миграция не может стать составляющей прироста населения. Скорее всего она будет продолжать функцию количественного дополнения естественной потери населения, что подтверждают отрицательные показатели интенсивности миграции. В 1999 г. коэффициент миграционного оттока составлял 8,7 чел. на каждую тысячу проживающего в регионе населения.[5] Конечно, этот показатель уже ниже, чем, скажем в 1995 г., когда его значение было 13,6 чел. на 1000 чел.

населения, но это не означает, что Дальний Восток вновь становится привлекательным для потенциальных мигрантов. На самом деле произошло явное ослабление последствий распада СССР, а в целом по России миграционный фактор исчерпал себя, и население просто не видит перспектив для реализации своих приоритетов и социальных установок в случае перемены места жительства в пользу восточных районов. В 1999 г., по сравнению с 1986 г., произошло резкое уменьшение объемов миграционных потоков по прибытию на Дальний Восток — в 5,3 раза. Число прибывших в регион в 1999 г. составляет всего 19,0% к уровню 1986 г. Но и этот объем прибывших уходит в возвратную миграцию, вовлекая в свою орбиту местное население.

Миграционный отток населения за пределы Дальневосточного региона обусловлен потерей сравнительных преимуществ этих территорий в российской экономике. В настоящее время наиболее интенсивно дальневосточное население поглощается в экономических районах России (в 1999 г. 64%). Миграционный поток, ориентированный в эту сторону, увеличился в 1999 г. относительно1996 г. на 31,4%. Ни один из районов России не дает положительного сальдо в обмене населением с восточными регионами страны. Причины выезда разные. Анализ миграционных потоков по причинам выбытия мигрантов показывает, что основными мотивами оттока являются выезд для получения образования, поиск работы и возврат к прежнему месту жительства. Так, из общего миграционного потока, ориентированного в экономические районы России, от 10% до 15% выехали в связи с поиском работы, 15% — 20% возвратились к прежнему месту жительства, до 15% причиной миграции явилось стремление продолжить обучение. 50% и более свой отъезд обусловили личными и семейными причинами, где, безусловно, имеют место и названные выше. Более того, внешняя миграция способствует оттоку социально активных мигрантов в трудоспособном возрасте (от 65 до 90% и более), что ухудшает демографическую структуру населения, разрушает трудовой потенциал, адаптированный к природным условиям региона.

Для решения вопросов сохранения местного населения, адаптированного к условиям проживания на Дальнем Востоке, важное значение имеет внутрирегиональная миграция. Во внутрирегиональном движении в связи с учебой выезжает меньше молодых людей из тех субъектов Федерации, где достаточно развита сеть высших и средних специальных заведений (наименьшая доля выехавших по этой причине в другие районы Дальнего Востока в Приморском и Хабаровском краях), где более высок уровень занятости. Из всего этого явствует, что улучшение ситуации на рынке труда, расширение сети учебных заведений может в значительной степени сократить миграционный отток населения и способствовать сохранению местного населения, а создание условий для достойной жизни, а по отдельным показателям и превосходящих по сравнению с другими экономическими районами, в определенной мере сократит возврат к прежнему месту жительства в западные районы страны.

Во внутрирегиональном движении населения отмечается преобладание миграционных потоков, ориентированных с севера на юг региона, где наибольшей притягательной силой обладает Хабаровский край, в который в 1999 г. прибыло из районов Дальнего Востока 1808 человек, в Приморский край за этот же год прибыло 703 человека и в ЕАО — 434 человека. Если направление движения населения из северных районов в южные удастся закрепить с помощью государственной поддержки (это могут быть определенные пособия, обеспечивающие переезд на новое место и обустройство там), то внутрирегиональные миграционные процессы в ближайшее время могут остаться достаточно интенсивными и будут способствовать сохранению местного демографического потенциала в регионе.

Анализ современных внутрирегиональных потоков показывает:

Республика Саха (Якутия) теряет свое население в обмене со всеми территориями Дальнего Востока, но в наибольшей степени потоки ориентированы в Амурскую область (37,4%), Хабаровский (19,8%) и Приморский (16,4%) края;

Еврейская автономная область имеет положительное сальдо в обмене населением со всеми территориями Дальнего Востока, но самая высокая доля приходится на Амурскую область (43,1%);

Чукотский автономный округ "отдает" свое население всем другим территориям (за исключением Республики Саха (Якутии), но основная масса отдавших предпочтение проживанию на Дальнем Востоке устремляется в Магаданскую область (28,1%), Приморский (27,4%) и Хабаровский (24,1%) края;

Приморье в основном притягивает к себе население, передвигающееся внутри региона. В общем положительном значении внутрирегиональной миграции для края самый большой удельный вес занимает Сахалин (61,0%), Амурская область (24,0%) и Чукотский автономный округ (22,5%), но одновременно отдает свое население Хабаровскому краю и ЕАО;

Хабаровский край имеет положительный баланс со всеми территориями Дальнего Востока (имеет место незначительный отток населения в ЕАО), но больше всего в край в 1999 г. прибыло с Сахалина (30,2%от общей величины внутрирегиональной миграции) и Приморского края (18,3%);

Амурская область во внутрирегиональной миграции теряет свое население и в основном в пользу Хабаровского и Приморского краев и ЕАО; положительный обмен идет только с Республикой Саха (Якутия) и незначительный с северными районами — Сахалинской, Магаданской, Камчатской областями и ЧАО;

Камчатская область проигрывает во внутрирегиональном движении населения, отдавая его преимущественно Хабаровскому краю и небольшое количество Приморскому краю и Магаданской области. Положительный обмен населением осуществляется только с ЧАО, и в очень скромных размерах с Сахалинской областью и Республикой Саха (Якутия);

Магаданская область в обмене населением с субъектами Федерации на Дальнем Востоке в основном теряет население в пользу южных районов и преимущественно Приморского и Хабаровского краев, но имеет положительный при этом баланс с Республикой Саха (Якутия), ЧАО и незначительное положительное сальдо отмечается с Камчатской областью;

Сахалинская область относится к территориям, теряющим свое население в миграционном обмене с районами Дальнего Востока. Несущественным по величине является положительный обмен с Республикой Саха (Якутия), ЧАО и Магаданской областью.

При усилении внутрирегиональной миграции реальностью стало резкое сокращение потока "Восток-Запад". Поэтому миграционная политика должна предусматривать достижение двух региональных целей:

во-первых, создание в южных районах Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, Амурская и Еврейская автономные области) предпочтительных для северян-дальневосточников условий закрепления на новое место жительства по сравнению с европейскими районами России;

во-вторых, создание в южных районах Дальнего Востока предпочтительных по сравнению с европейскими районами России условий для проживания и работы для мигрантов из бывших республик СССР, поскольку значительно сократился миграционный обмен со странами ближнего зарубежья. В 1999 г. он в целом имел отрицательное значение из-за высокого оттока населения на Украину и в Белоруссию. Одновременно Закавказье и бывшие республики Средней Азии за счет в основном выезда из них русскоязычного населения дают восточным районам страны миграционный прирост.

Чтобы предотвратить дальнейший отток населения за пределы региона, необходимо поддерживать уровень жизни на Дальнем Востоке в границах,

превышающих среднероссийские показатели, в целях создания конкурентноспособных в сравнении с другими районами условий жизни, необходимых для привлечения и закрепления населения на Дальнем Востоке, формирования постоянного населения, без которого нельзя преодолеть психологию "временности", невозможно ориентироваться на устойчивое развитие региона. Поэтому миграционная политика Дальневосточного региона должна не только обеспечивать эффективную поддержку реализации государственных интересов в регионе, но и способствовать обеспечению стабильности проживания населения, необходимой для устойчивого развития региона.

Резюмируя вышесказанное о демографической и миграционной ситуации в районах Дальнего Востока, можно предположить следующий сценарий развития: массовый отток местного населения из региона (в ближайшие годы трудно ожидать коренных изменений в миграционном движении населения как в прямом, так и обратном направлении), высокий миграционный оборот населения, естественная убыль (превышение рождаемости над смертностью), изменения в возрастной структуре населения в сторону его постарения и как результат дефицит рабочей силы в условиях роста ВВП. Уже в настоящее время ситуация с трудоспособной частью населения довольно сложная. Только за 1999 г. численность трудоспособного населения на Дальнем Востоке уменьшилась на 8,3 тыс. человек.

Чтобы избежать в перспективе осложнения демографической ситуации или хотя бы смягчить ее, стратегию дальнейших действий здесь необходимо направить на формирование условий, которые позволили бы не допустить дальнейшего падения рождаемости и роста смертности, то есть на формирование демографического потенциала путем позитивных изменений в области естественного и миграционного движения населения, способного решать социально-экономические задачи. Без такой стратегии трудно надеяться на то, что Дальний Восток в среднесрочной и долгосрочной перспективе сможет выйти на численность населения даже по минимальному варианту, в соответствии с которым прогнозируется снижение абсолютной численности населения региона с 7,2 млн. чел. на 01.01.2000 г. до 6,6 млн. чел. в 2015 г. В этом случае к десяти прошедшим потерянным годам для формирования населения в регионе могут прибавиться еще пятнадцать, поскольку 6,6 млн. человек — это среднегодовое население 1977 г. Таким образом, за период 2000-2015 гг. регион может потерять еще около 600 тыс. населения.

В этой ситуации настораживает все увеличивающаяся иммиграция китайского населения. На Дальнем Востоке в 1989 г. проживало 1742 китайца, к 1990 г. их численность увеличилась до 15 тыс. человек, а в 1993 г., по имеющимся оценкам, китайских граждан на территории Дальнего Востока было не менее 100 тыс. человек. Основная масса китайцев сосредоточена в Хабаровском крае, Приморье и Амурской области.[6] В настоящее время, по данным МВД, на Дальнем Востоке официально зарегистрировано 237 тысяч китайских граждан, а количество нелегалов колеблется от 400 до 700 тысяч.[7] Кроме того, по оценкам западных спецслужб, за последние два десятилетия Китай покинули легально и нелегально примерно миллион человек, половина из которых осела в США, а вторая половина рассредоточилась по другим странам и регионам. Можно допустить, что их определенная часть избрала своим местом жительства российский Дальний Восток. Но сколько их здесь?"[8]

Проживающее в регионе население об этом судит визуально и утверждает, что их много. Но что значит "много"? Понятие "много" формируется из того, как часто приходится сталкиваться с китайскими гражданами. Результаты социологического исследования, проведенного автором в г. Хабаровске в 1998-1999 гг. и 2001 г. показали, что местное население стало чаще сталкиваться с китайцами. Если в 1998-1999 гг. доля тех, кто часто сталкивался с ними на

улице составляла 31.0%, то в 2001 г. их удельный вес из числа опрошенных достиг 45,8%, встречались с китайскими гражданами иногда, когда бывали на рынке, 36,6% респондентов в 1998-1999 гг. и 46,4% в 2001 г. Отсюда напрашивается вывод, что присутствие китайцев в городе — объективная реальность и проживающее в городе население постоянно с ними сталкивается в тех или иных ситуациях, общение жителей сопредельных территорий стало массовым повседневным явлением. Но объективной количественной оценки присутствия китайцев на Дальнем Востоке, как и в России в целом, нет, поскольку существует множество проблем по контролю за их движением. Фактически на Дальнем Востоке идет активный процесс формирования китайской диаспоры. Этому способствуют неотрегулированность пограничных вопросов между двумя странами, несовершенство российского законодательства, особенно миграционного.

Местное население, отмечая положительные и отрицательные стороны появления китайцев на Дальний Восток, все же негативно относятся к увеличению их присутствия, считая, что Россия может потерять территории Дальнего Востока в результате экспансии Китая. Анкетный опрос российских граждан Приморья в 1998 г. показал, что этой точки зрения придерживается половина респондентов. При этом большинство из них (28%) считают, что территории отойдут к Китаю в результате "мирного проникновения" китайских граждан.[9] В связи с этим модель поведения российских граждан по отношению к китайцам страдает некоторой предвзятостью. Первым настораживающим фактором является демографический дисбаланс, имеющий тенденцию к росту.

Таблица 2.

Современная и перспективная численность населения

Регионы	Численность населения, млн.чел.		Изменение численности населения	
	на 01.01. 2000 г.	на конец 2015 г.	млн. чел.	%
Российский Дальний Восток	7,2	6,6	-0,6	-8,3
Северо-Восточный Китай (Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян)	105,2	120,0	14,8	11,4

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат, 2000. С. 24; Предположительная численность населения Российской Федерации до 2015 г. М.: Госкомстат, 1998. С. 7; Материалы Государственного статистического комитета КНР. 1997.

На юге Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, ЕАО и Амурская область) живет 4,9 млн. человек, а в трех сопредельных провинциях Китая — более 100 млн. человек, то есть там сконцентрировано населения в 20 раз больше со значительно превосходящей плотностью и перспективы их развития связаны с ростом их демографического потенциала в то время как Дальний Восток будет по прежнему терять свое население. А. Привалов сравнивает сложившуюся ситуацию с осмотическими процессами, когда концентрация растворов в разной насыщенности, разделенных полупроницаемой мембраной постепенно выравнивается.[10] Это сравнение вполне может быть приеменено и к процессам движения населения через государственную границу как через полупроницаемую мембрану.

Китайцы получили достаточный положительный опыт проживания в России и на Дальнем Востоке в том числе. Свое длительное проживание, целевые установки на возможность закрепления на российской территории они связывают с ходом бизнеса, продолжительностью обучения, либо с иным пред-

логом. Ориентацию китайских граждан на постоянное или продолжительное проживание на территории России подтверждает выявленный при опросе китайских граждан, проживающих в г. Хабаровске, факт сокращения доли тех, кто проживает один (с 71,1% в 1998-1999 гг. до 52,9% в 2001 г.) и увеличении доли тех, кто проживает с женой (мужем) и детьми (соответственно 16,8% и 34,6%). Почему китайцев "тянет" в Россию? Это, прежде всего, безработица в КНР. В 1999 г. она составляла 3,5% в провинции Ляонин, 3,3 — в провинции Цзилинь и 2,5% — в провинции Хэйлунцзян от экономически активного населения этих территорий.[11] А потому на вопрос "Почему предпочитаете жить в России?" 38,2% респондентов ответили, что это им выгодно (против 14,5% в 1998-1999 гг.).

Намерения китайских граждан постоянно или достаточно продолжительно проживать на территории Российской Федерации или активно ее посещать с деловыми или даже гостевыми визитами просматриваются, на наш взгляд, через резкое увеличение доли тех, кто арендует жилплощадь у российских граждан (28.9% респондентов в 1998-1999 гг. и 40. 4% в 2001 г.), кто проживает в общежитиях российских организаций (18,4% против 10,4%) и тех, кто проживает в собственной квартире (соответственно, 7,5% и 8,8%). Данные показатели говорят о значительном легальном заселении российских городов, о существовании нарастающей тенденции закрепления китайцев на российских жилых площадях, т.е. их приобретения с правом дальнейшего владения. Можно предположить, что данные действия часто носят целевой характер формирования залоговой стоимости для совершения бизнес — операций при отсутствии других источников финансирования либо гарантий. Между тем увеличивается число граждан, обеспокоенных тем, что китайцы занимают наше жилье (с 4,7 до 6,0% за последние три года) и вытесняют с рабочих мест (соответственно, 13,9% в 2001 г. против 11,7% в 1998-1999 гг.).

Кроме того, китайские фирмы стали создавать многоместные довольно комфортабельные гостиницы или арендовать российские, в которых значительная часть приезжих из Китая может остановиться с полным пансионом, а также проводить деловые встречи для усиления китайского бизнеса. В них проживает 13,2% респондентов против 6,9% три года назад. К таким гостиницам относятся, к примеру, гостиница "Экватор", "Амурский залив" (Владивосток), а также масса бывших заводских общежитий, ставших, по сути, гостиницами для китайских граждан со средними доходами.

Китайские граждане, прибывающие на Дальний Восток, либо, по их мнению, хорошо знают русский язык (так ответило 11,8% респондентов), либо могут объясняться (52,2%). Растет среди прибывающих доля тех, кто изучает русский язык (22,0% среди опрошенных в 2001 г. против 15,4% в 1998-1999 гг.). Нам представляется, что это связано не только с коммерческими, но и личными планами молодых китайских граждан (среди опрошенных 66,9% китайских граждан в возрасте до 30 лет) сохранить возможность дальнейшего проживания в Российской Федерации.

Психологический комфорт китайских граждан от пребывания на нашей территории увеличивается: "...сотрудничество между русскими и китайцами на повседневном уровне исходит от осознания обеими группами экономической необходимости и выгод взаимодействия..."[12] Если исходить из ощущения китайцев от отношения к ним местного населения и местной власти, то 30,9% респондентов (против 23,1% в 1998-1999 гг.) считают, что местное население к ним относится доброжелательно и 34,6% (против 44,5%) — нейтрально при довольно значительном сокращении доли тех, кто считает отношение местного населения к ним не очень доброжелательным (16,2% против 30,6%). По всей вероятности, экономическая заинтересованность в какой-то мере сдерживает антикитайскую активность. Видимо, поэтому оценка китайцами отношения к

себе местных властей корректируется в лучшую сторону. На вопрос "Как относятся к китайцам местные власти?" 18,4% китайских респондентов ответили, что доброжелательно (против 15,0% в 1998-1999 гг.), 20,6% — нейтрально (против 27,7%) и 29,4% (против 46,2%) — не очень доброжелательно. Вместе с тем местное население, отвечая на вопрос "Должна ли Россия предоставлять китайцам жилье, работу гражданство и т. д.", 21,1% считают, что не должна, понимая, что формирование китайской диаспоры в важном военно-стратегическом районе России однозначно должно расцениваться как негативное явление. Более того, 35,5% опрошенных хабаровчан на вопрос "Как Вы оцениваете характер отношений российско-китайских отношений?" заявили, что "Китай представляет угрозу для России" (в 1998 г. аналогично ответили 34,7%) и только 18,1% надеются, что Китай — наш надежный партнер (против 18,8% в предыдущем исследовании). Таким образом, вполне очевидно, что в общественном мнении населения присутствуют две явно противоположные тенденции: с одной стороны — понимание того, что жить и работать нам придется вместе, поскольку Россия и Китай — соседи, и от этого никуда не деться, с другой — страх перед возможным усилением присутствия китайцев на нашей территории. И все же нам представляется муссирование тезиса о "желтой опасности" в современных условиях ненужным и даже вредным для долгосрочных интересов России. Хотя объективно геополитические интересы России и Китая далеко не во всем совпадают и возможны определенные трения между двумя странами по отдельным позициям.

Резюмируя, приходим к выводу: в сложившихся условиях не вызывает сомнения, что создавшаяся демографическая ситуация на российском Дальнем Востоке, соседство с миллиардным населением требуют незамедлительного вмешательства как на государственном, так и региональном уровнях; нужна новая концепция региональной демографической и миграционной политики.

---

1. Численность, состав и движение населения в РСФСР. М.: Госкомстат России, 1990. С. 11; Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат России, 2000. С. 24.
2. Численность населения Дальневосточного федерального округа на 1 января 2000 года. Благовещенск, 2000. С. 5.
3. Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат России, 2000. С. 69,70; Новый курс России: предпосылки и ориентиры. М.: ACADEMIA, 1996. С.110.
4. Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М.: Госкомстат России, 1994. С. 84,92; Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат России, 2000. С. 106, 114, 382.
5. Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат России, 2000. С. 370.
6. Дальний Восток России: экономическое обозрение. Хабаровск. Риотип, 1995. С. 50; Рыбаковский Л.Л., Захарова О.Д., Миндагулов В.В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность и последствия. М.: ИСПИ РАН. 1994. С.15,19.
7. Авербух А. Общая беда // Известия. 2001. 16 февраля.
8. Желтое племя // Эксперт. Специальный выпуск. Китай. С.19.
9. Алексеев М. Угрожает ли России китайская миграция? // Мировая экономика и международные отношения. 2000. №12. С.48.
10. Привалов А. О восточных делах // Известия. 2000. 2 июня. С.2.
11. China Labour Statistical Yearbook. 2000: China Statistics Press. 2000. P.86.
12. Алексеев М. Угрожает ли России китайская миграция?/Мировая экономика и международные отношения. 2000. №12. С.42.

Экономика

Проблемы урегулирования экономической структуры Китая

© 2001

Лю Гогуан

1. Проблемы урегулирования структуры в начале 21 века занимают важное место в экономическом развитии Китая. Программа на 10-ю пятилетку, принятая 4-ой сессией Всекитайского Собрания Народных Представителей 9-го созыва, рассматривает урегулирование экономической структуры в качестве главного направления экономического развития в период 10-ой пятилетки.

Почему сейчас вопрос об урегулировании структуры ставится так остро?

В настоящее время выдвижение на первый план вопроса об урегулировании экономической структуры имеет глубокие международные и внутренние причины. Международная ситуация характеризуется тем, что сложился новый облик мировой экономики, а именно: 1) Усилилась тенденция к глобализации экономики, экономические отношения между государствами стали более тесными, чем когда-либо в прошлом, конкуренция никогда не была такой сильной. Любая страна, если она хочет развиваться, обязательно должна включиться в это современное течение. 2) Научно-технический прогресс, будучи важнейшей причиной глобализации экономики, развивается ускоренными темпами, научно-технический прогресс предоставил хороший шанс и создал серьезные вызовы экономическому развитию различных стран мира. 3) Научно-технический прогресс и глобализация экономики привели к масштабному урегулированию структуры мировой экономики, поэтому структурное урегулирование становится глобальной тематикой.

Развитые страны мира интенсивно развивают информатику, новые и высокие технологии, производственная структура переходит на новый, более высокий уровень. В странах, идущих впереди, наметилась тенденция продолжительного поступательного развития экономики. После финансового кризиса страны Юго-Восточной Азии и другие развивающиеся страны осознали важность урегулирования экономической структуры и ее перехода на новый, более высокий уровень. В сложившейся ситуации мы не можем не обратить особого внимания на урегулирование и повышение уровня экономической структуры.

Ситуация в Китае характеризуется тем, что экономическое развитие страны вступило в новый этап. Это выражается в следующих трех аспектах: 1) Изменился уровень развития производительных сил, произошли серьезные изменения в соотношении между спросом и предложением, экономика дефицита в основном ушла в прошлое, в экономическом развитии на смену ресурсным ограничениям пришли ограничения со стороны спроса; в то же время по

мере повышения уровня жизни населения предложение обычной продукции стало превышать спрос на нее, в то время как продукции с высокой степенью обработки, с высокой технической составляющей и высокой добавленной стоимостью явно недостаточно. 2) По мере повышения уровня развития производительных сил тип экономического роста претерпел серьезные изменения, постепенно начался переход от экстенсивного развития, которое характеризовалось увеличением вложений факторов производства и стремлением к количественному росту, к интенсивному типу роста, уделяющему особое внимание повышению эффективности вложений и качества выпускаемой продукции. 3) После более чем двух десятилетий политики реформ и открытости во внешнеэкономических связях также произошли крупные изменения, уже в основном сложилась многосторонняя и многоуровневая структура открытости, после предстоящего вступления в ВТО экономика Китая будет все более глубоко участвовать в процессе глобализации, это приведет к тому, что мы, активно используя мировой рынок и ресурсы, будем все более непосредственно вовлекаться в развитие мировой экономики, науки и техники и в процесс урегулирования производственной структуры, давление на нас будет возрастать. Поэтому международная и внутренняя ситуация в новом веке определяют необходимость урегулирования экономической структуры нашей страны. Таков исторический фон выдвижения на первый план задачи урегулирования экономической структуры Китая.

2. В прошлом в Китае несколько раз проводились урегулирования экономической структуры. Однако современное урегулирование структуры имеет по сравнению с предыдущими некоторые новые черты.

Прежде всего, это урегулирование является стратегическим урегулированием, а не временным приспособлением к ситуации. Прежние урегулирования проводились в условиях дефицитной экономики, структурные проблемы проявлялись главным образом в дефиците той или иной продукции. Поэтому структурное урегулирование сводилось главным образом к сокращению производства избыточной продукции и увеличению производства дефицитной, определялась очередность решения проблем дефицита того или иного вида продукции в зависимости от степени важности этой продукции. Такое урегулирование было по сути пассивным приспособлением. Сейчас урегулирование проводится в условиях сравнительного изобилия, при направляющей роли новой технической революции, в тесной взаимосвязи с развитием мировой экономики, это — активное стратегическое урегулирование.

Во-вторых, это — урегулирование в процессе развития, а не урегулирование в условиях остановки. Раньше структурные урегулирования в большинстве случаев проводились в условиях экстенсивного развития, когда в результате одностороннего стремления к высоким темпам роста и к количественному увеличению продукции возникал перегрев экономики или серьезные диспропорции, а перегрев и диспропорции были вызваны главным образом чрезмерными масштабами инвестиций. Поэтому для сокращения объема инвестиций надо было уменьшить темпы, другими словами, остановиться, чтобы провести урегулирование. Современное урегулирование структуры должно проводиться с помощью технического прогресса и системных инноваций, оно должно дать стимул дальнейшему развитию, это — урегулирование, проводимое в целях лучшего и более быстрого развития. Поэтому необходимо как следует наладить отношения между развитием и урегулированием, проводить структурное урегулирование в процессе развития, с помощью структурного урегулирования способствовать реформе.

Кроме того, современное урегулирование является в то же время и повышением уровня, а не просто расширением в горизонтальной плоскости. Раньше урегулирование проводилось в условиях дефицита, главным противо-

речием был недостаток предложения, поэтому главной задачей урегулирования считалось увеличение предложения, это было расширением в горизонтальной плоскости и повторением на низком уровне, отсутствовал механизм отбора наиболее сильных предприятий и отсева слабых. Центральным звеном современного урегулирования является акцент на экономическую эффективность, его цель - повышение уровня производственной структуры, технического уровня и конкурентоспособности. Поэтому не только нельзя и далее продолжать повторное строительство на низком уровне, но необходимо также вытеснять отсталые производительные мощности, создавать новые точки роста, формировать механизм отбора сильных и отсева слабых, повышать качественный уровень всей экономики.

Наконец, институциональная среда, в которой проходит современное урегулирование, а также применяемые методы и соблюдаемые нормы отличаются от использовавшихся в прошлом. Раньше урегулирования проводились в условиях господства плановой экономики, в среде, где отсутствовали ограничения, налагаемые правилами ВТО, урегулирования проводились главным образом с помощью административных методов или усилий со стороны правительства. Сейчас урегулирование проводится в условиях социалистической рыночной экономики и предстоящего вступления в ВТО, структурное урегулирование должно использовать главным образом рыночные методы, соблюдать признанные во всем мире рыночные правила игры. В этом также состоит отличие современного урегулирования от прошлых.

3. Со времени перехода к политике реформ и открытости непрерывно проводились мероприятия, направленные на урегулирование экономической структуры нашей страны и ее оптимизацию. За период 1980-2000 годов соотношение между тремя подразделениями производства в ВВП изменилось: в 1980 г. оно составляло 30:49:21, в 2000 г. — 16:51:33. Узкие места в снабжении были смягчены, уровень технической вооруженности значительно повысился, производство на базе новых и высоких технологий быстро развивалось, сфера обслуживания непрерывно расширялась, уровень развития городов и поселков повысился. В то же время в нашей стране по-прежнему сохраняется проблема нерациональной экономической структуры, она становится важным фактором, препятствующим дальнейшему экономическому развитию Китая. В настоящее время структурные противоречия, сдерживающие дальнейшее экономическое развитие страны, особенно остро проявляются в следующих аспектах:

Во-первых, производственная структура негармонична, доля второго подразделения в производственной структуре завышена (в 1998 г. доля второй сферы составляла 49%, в том числе доля машиностроения — 37%, что выше среднемирового уровня на 17 процентных пунктов), доля третьей сферы занижена (в 1998 г. она составляла 33%, что ниже среднемирового уровня на 28 процентных пунктов), в структуре занятости доля первого подразделения завышена, около половины общей численности рабочей силы (48,67%) попрежнему приходится на деревню.

Во-вторых, производственная структура каждого из подразделений находится на низком уровне, в сельском хозяйстве доля продукции высокого качества невелика, в машиностроении имеются избыточные перерабатывающие мощности низкого уровня, в то время как мощностей переработки высокого уровня недостаточно. Многие ключевые виды продукции и оборудования в больших количествах импортировались из-за рубежа, недостаточно развитой оставалась третья сфера - наука и техника, образование, финансовая сфера, посредничество и другой современный сервис.

В-третьих, слабыми оставались возможности технических инноваций, расходы на научные исследования и разработку были небольшими, техниче-

ский прогресс был замедлен, вклад научно-технического прогресса в экономический рост составлял менее 30% .

В-четвертых, организация производственной структуры также была отсталой, сохранялись проблемы низкого уровня, дублирования, распыленности, небольших масштабов производства. В Китае говорят, что большие предприятия не сильны, а малые не специализированны, уровень специализации, разделения труда и кооперирования низок. В последние годы стал внедряться механизм конкуренции, возникло такое явление, как одновременное существование чрезмерной конкуренции и административного монополизма.

В-пятых, районы размещены нерационально, нескоординированно развитие Восточного, Центрального и Западного Китая, разрыв между юго-восточными приморскими районами и центральными и западными районами продолжает расширяться. Соотношение ВВП на душу населения в восточных, центральных и западных районах составляло 100:55,4:42,6. Кроме того, в каждом из районов стремились создать самостоятельную систему, их индустриальная структура была примерно одинакова, между районами сохранялась блокада, их рынки были разделены.

В-шестых, сохраняются диспропорции в развитии городов и деревни, процесс урбанизации идет медленно, в 2000 г. урбанизация составляла всего 36,9%, что на 10 процентных пунктов ниже соответствующего показателя в странах с таким же уровнем ВВП на душу населения, как Китай, и на 12 процентных пунктов ниже, чем уровень индустриализации Китая.

4. Перечисленные выше наиболее острые структурные противоречия - это проблемы, перед которыми в начале 20 века стоит Китай и которые страна должна решить. Основные цели структурного урегулирования состоят в том, чтобы оптимизировать и поднять на более высокий уровень производственную структуру, усилить конкурентоспособность китайской продукции на мировом рынке, поднять уровень информатизации народного хозяйства, продолжать совершенствовать инфраструктуру, эффективно контролировать тенденцию увеличения разрыва между развитием различных районов, повысить уровень урбанизации. Чтобы осуществить эти цели, необходимо решить следующие проблемы:

Во-первых, улучшить соотношение трех подразделений. В соответствии с программой на 10-ю пятилетку, к 2005 г. соотношение добавленной стоимости первого, второго и третьего подразделения в ВВП будет урегулировано и составит 13:51:36 по сравнению с 16:51:33 в 2000 г. Усиление первого подразделения, подъем второго и развитие третьего - это основные составляющие урегулирования экономической структуры в начале 21 века. В области сельского хозяйства центральным звеном должно стать улучшение ассортимента продукции, повышение качества, рост эффективности, должна быть урегулирована структура растениеводства, развитие животноводства и рыбоводства, необходимо укреплять индустриальное хозяйствование в сельском хозяйстве, создавать систему обслуживания на селе, способствовать переливу избыточной деревенской рабочей силы во второе и третье подразделения. В области промышленности надо активно использовать высокие технологии и передовую технику для ускорения реконструкции таких традиционных отраслей, как текстильная, нефтехимическая, металлургическая, необходимо развивать и повышать техническую вооруженность обрабатывающей промышленности, сокращать и вытеснять отсталые производства, ускорять реконструкцию и реорганизацию промышленных предприятий. В качестве важнейшего звена структурного урегулирования мы рассматриваем развитие сферы обслуживания, в особенности развитие информационного обслуживания, денежного страхования, консалтинга и других современных видов обслуживания. Мы стремимся к тому, чтобы удельный вес третьей сферы повысился с 33% в 2000 г.

до 36% в 2005 г., это —важная мера, позволяющая ответить на вызовы экономической глобализации и повысить конкурентоспособность.

Во-вторых, продвигать процесс информатизации народного хозяйства и общества и развития компьютерных сетей, сочетать урегулирование структуры и информатизацию. С одной стороны, нам надо усиленно развивать такие новые и высокие технологии, как информатика, биоинженерия, новые материалы, новые источники энергии, авиация и космонавтика, океанология, защита окружающей среды, чтобы доля новых и высокотехнологичных производств в ВНП непрерывно повышалась. С другой стороны, развитие информатики и других новых технологий предоставляет необходимую технологическую поддержку для урегулирования производственной структуры в целом, оно необходимо для того, чтобы путем информатизации традиционных отраслей промышленности повысить технический уровень, способствовать оптимизации производственной структуры и ее переходу на новый, более высокий уровень. Нам надо с помощью информатизации продвигать индустриализацию, развивать преимущества отсталости, осуществить скачкообразное развитие производительных сил.

В-третьих, урегулировать размещение производительных сил, содействовать гармоничному развитию экономики регионов. Для решения проблемы растущего разрыва в экономическом развитии между восточными приморскими районами и центральными и западными районами страны мы выдвинули стратегию масштабного освоения западных районов, ускоренного развития центральных и западных районов, в то же время мы продолжаем развивать ведущую роль восточных приморских районов в области системных инноваций и научно-технических инноваций, в проведении политики открытости и в развитии экономики. Сейчас необходимо сосредоточить силы, решить некоторые общие вопросы, касающиеся развития западных районов, в частности ускоренное создание инфраструктуры - развитие транспорта, связи, ирригации, а также улучшать охрану окружающей среды, всеми силами развивать производства, имеющие хорошие рыночные перспективы и передовые производства. Пока тенденция увеличения разрыва между восточными и западными районами все еще продолжается, для решения этой проблемы и достижения цели всеобщего изобилия во всех районах страны еще должен пройти сравнительно длительный срок. В начале 21 века задача может состоять лишь в уменьшении разрыва между районами. Мы должны стремиться в ближайшие 5-10 лет добиться прорыва в строительстве инфраструктуры и охране окружающей среды в центральных и западных районах, в значительном развитии науки, техники и образования.

В-четвертых, необходимо повысить уровень урбанизации, улучшить структуру отношений между городом и деревней. Отставание процесса урбанизации затруднит перелив избыточной сельской рабочей силы в города, окажет негативное влияние на развитие третьей сферы, не позволит расширить внутренний спрос. Эта проблема стала в настоящее время ключевым моментом многих структурных противоречий. В начале 21 века надо ускорить строительство городов, чтобы достигнуть такого же уровня урбанизации, как в странах с таким же, как у Китая уровнем ВВП на душу населения. Надо выборочно развивать мелкие поселки, активно развивать средние и мелкие города, совершенствовать функции центральных городов регионов, расширять ведущую роль больших городов. С точки зрения реальной ситуации в нашей стране, развитие мелких городов и поселков является главным путем развития городов и поселков в Китае. Расцвет экономики мелких городов и поселков, достигаемый путем концентрации управления волостно-поселковыми предприятиями, приведет к развитию первой и второй сферы, улучшит создание рыночной системы в городах и деревне, таким образом постепенно будет сформировано

рациональное размещение населения и экономическая структура городов и деревень. Поэтому нам надо постепенно ликвидировать различные системные и политические препятствия на пути развития городов и поселков, реформировать систему прописки, устранить нерациональные ограничения, затрудняющие перелив сельской рабочей силы в города, надлежащим образом решить вопросы землепользования при строительстве в городах и поселках.

В-пятых, в полной мере развивать преимущества трудовых ресурсов нашей страны. Хорошо известно, что Китай богат трудовыми ресурсами. В то же время демографическое давление и проблема занятости приводят к тому, что перед развитием страны стоят серьезные вызовы. Поэтому нам необходимо в комплексе решать вопросы структурного урегулирования, реализации имеющихся преимуществ в области трудовых ресурсов, проблему занятости. Необходимо рационально сочетать развитие трудоемких, капиталоемких, техноемких и наукоемких производств. С одной стороны, нам надо повышать технологический уровень различных отраслей народного хозяйства, увеличивать вклад технического прогресса в экономический рост страны, с другой стороны, следует развивать сферу обслуживания, приватизированные средние и мелкие предприятия, активно развивать города и поселки, чтобы увеличить возможности трудоустройства. В плане на 10 пятилетку содержится четкое требование создать в ближайшие 5 лет по 40 млн. новых рабочих мест в городах и деревне, то есть трудоустроить 80 млн. человек. Мы должны активно принимать меры, чтобы решить эту сложную задачу.

5. Стратегическое урегулирование экономической структуры не является изолированным мероприятием, это — важнейшая задача, пронизывающая экономическое развитие страны, оно должно проводиться в комплексе с другими мероприятиями. Нам надо использовать технологические и системные инновации как стимулы для урегулирования экономической структуры и экономического развития. Следует претворять в жизнь стратегию возрождения страны на основе науки и образования, ускорить научно-технический прогресс и подготовку кадров. Следует проводить стратегическую реорганизацию государственной собственности, то продвигаясь вперед, то отступая назад, сочетать структурное урегулирование с урегулированием системы собственности. Одновременно с усилением контроля со стороны государства в отраслях, касающихся государственной безопасности и жизненно важных отраслях, необходимо развивать различные формы коллективной, единоличной и смешанной экономики. В соответствии с требованиями, предъявляемыми в связи со вступлением в ВТО, с участием в процессах экономической глобализации и с переходом к использованию международных правил, нам необходимо еще шире проводить политику внешней и внутренней открытости. Надо правильно наладить отношения между правительством, предприятиями и рынком в структурном урегулировании и в экономическом развитии. Предприятие является субъектом, рынок - основой, а правительство играет направляющую роль, осуществляет координирующие и обслуживающие функции. Правительство должно ускорить разработку и совершенствование соответствующих законов и правил, предоставлять правовые гарантии для структурного урегулирования, разрабатывать и совершенствовать соответствующие политические мероприятия, создавать благоприятную политическую среду для системных инноваций. Макроконтроль и разработка необходимых планов обеспечивают последовательное проведение урегулирования экономической структуры. Все, что должно и может быть решено предприятиями и рынком, решается ими самими, правительству не следует вмешиваться. Правительство занимается только тем, чем не должны заниматься предприятия и рынок. Только так мы сможем, следуя по пути социалистической рыночной экономики, надлежащим образом провести структурное урегулирование, обеспечить поступательное здоровое развитие

экономики страны в новом веке, добиться успехов в строительстве общест среднего достатка и в деле социалистической модернизации.

Перевод с китайского О.Боро
кандидат экономических нау

Наша справка

Известный китайский экономист Лю Гогуан родился в 1923 г. в Нанки не, учился на экономическом факультете Объединенного Юго-Западного Уни верситета в Куньмине и в аспирантуре Университета Цинхуа. В 1951 г. бы направлен в на стажировку Москву, где защитил кандидатскую диссертацию После возвращения в Китай работал в Институте экономики Академии нау Китая, был главным редактором журнала "Цзинцзи яньцзю". В 1981 г. назна чен заместителем руководителя Государственного статистического управления С 1982 по 1993 г. занимал должность вице-президента Академии обществен ных наук Китая, с 1993 г. стал советником АОН Китая. Кандидат в члены ЦК КПК 12-го и 13 созывов, член Постоянного Комитета ВСНП 8-го созыва.

Научные труды Лю Гогуана внесли значительный вклад в формирова ние концепции китайской реформы и оказали влияние на решения в области государственной экономической политики.

Лю Гогуан - автор более 20 книг по проблемам реформы экономической системы, стратегии развития, перехода от экстенсивного типа экономического роста к интенсивному, специальных экономических зон. Ответственный редак тор "Синей книги по экономике", ежегодно выпускаемой АОН Китая с 1991 г., где дается анализ и прогноз экономической ситуации в стране. Повышенное внимание в научных кругах привлекла разработанная Лю Гогуаном в период "перегрева" экономики теория "мягкой посадки". Ученый был создателем од ной из наиболее авторитетных научных школ китайской реформы, представи тели которой выступали за стабильное и постепенное проведение преобразова ний.

В сентябре 2001 г. Лю Гогуану было присвоено ученое звание почетного доктора Российской академии наук.

Космическая программа Китая

© 2001

П. Каменнов

Идея превращения Китая в мощную мировую державу ныне связывается с реализацией концепции совокупной национальной мощи, в которой особое место занимает космическая программа.

Зарождение космической программы Китая и первые шаги в ее реализации связаны с именем выдающегося китайского ученого Цянь Сюэсэня, получившего образование и многие годы (до 1955 г.) работавшего в США в области реактивного движения, аэродинамики, жидкостных и твердотопливных ракет. Цянь Сюэсэнь явился также автором концепций ядерного авиационного двигателя, пилотируемого космического полета, сверхскоростного пассажирского авиалайнера[1]. По возвращении в КНР Цянь Сюэшэн, будучи убежденным сторонником идеи о способности Китая догнать Запад в области технологий, возглавил разработки по созданию атомной, ракетной и космической отраслей. Заслугой Цянь Сюэсэня явилась также подготовка поколения талантливых китайских ученых, устремленных в будущее.

Важное значение для становления космической отрасли Китая имело широкое научно-техническое сотрудничество с Советским Союзом. Освоение ракетных технологий, полученных от Советского Союза в 1957–1962 гг. в соответствии с советско-китайскими соглашениями о сотрудничестве[2], позволило Китаю добиться успеха в запуске в 1970 г. первого искусственного спутника Земли (ИСЗ), а ныне по отдельным направлениям космических технологий занять место среди наиболее развитых стран мира.

В Китае сознают важность деятельности в космосе для решения приоритетных задач модернизации на основе науки и осуществления перспективной стратегии развития в XXI веке. Цель этой деятельности состоит в исследовании космического пространства и Земли, удовлетворении растущих

— потребностей экономического строительства, национальной безопасности, развития науки и технологий, в увеличении совокупной национальной мощи.

Для стратегии Китая в данной области характерны следующие черты:

— интегрированное планирование, предусматривающее достижение как долгосрочных, так и краткосрочных целей, а также согласованное развитие систем космических аппаратов и наземной космической инфраструктуры;

— стимулирование прогресса в области космических технологий и повышения экономической отдачи от деятельности в космосе;

концентрация усилий на ограниченном числе приоритетных направлений, имеющих жизненно важное значение для национальной экономики и общественного развития.

Космическая отрасль Китая достигла значительного научно-технического уровня и масштабов. В стране сформирована разветвленная система научных ис-

---

Каменнов Павел Борисович, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

следований, разработки, испытаний и производства космической техники, позволяющая осуществлять запуски ИСЗ различных типов, а также пилотируемых космических аппаратов; для их обеспечения развернута система телеметрии и управления, включающая наземные станции на территории страны и морские суда, действующие в мировом океане. Созданы и эффективно действуют ряд спутниковых систем, а также система научных исследований космического пространства, с помощью которой сделан ряд важных научных открытий[3].

По ряду направлений космических технологий Китай достиг мирового уровня; к ним относятся: возвращение спускаемого аппарата ИСЗ, запуск нескольких ИСЗ одной ракетой, использование ракет на криогенном топливе, запуск геостационарных ИСЗ, а также ИСЗ управления, связи и телеметрии. Получены важные практические результаты в развитии и применении ИСЗ дистанционного наблюдения, телекоммуникационных ИСЗ, а также — в испытаниях пилотируемого космического корабля, в научных исследованиях жизни в условиях космоса.

В условиях становления и развития в Китае рыночного экономического механизма государство осуществляет управление деятельностью в космосе на макроуровне, разрабатывает общие планы развития космической науки, технологий, координирует научные исследования и разработки, а также деятельность, связанную с применением достигнутых результатов в экономике, науке и технологии, культуре, в интересах национальной обороны. Предпринимаются всевозможные меры, направленные на обеспечение устойчивого развития космической отрасли. К ним, в частности, относятся совершенствование законодательной базы и методов управления производством, обеспечение деятельности в космосе с соблюдением определенных стандартов. Государство поддерживает новации в области космических технологий и способствует созданию в космической отрасли поощрительной системы, позволяющей усилить потенциал ее технологического обновления. Управление деятельностью по использованию ИСЗ в гражданских целях, а также по развитию международного сотрудничества в области освоения космоса осуществляется правительственной организацией — Национальной космической администрацией Китая.

Государственная поддержка отрасли сочетается с использованием для ее развития рыночных принципов. В этой связи следует отметить осуществленную в конце 90-х годов реорганизацию ***космической промышленности***, направленную на включение механизма конкуренции: прежняя Китайская корпорация космической промышленности, занимавшая монопольное положение в своей области, реорганизована в две корпорации: Китайскую корпорацию космического оборудования и электроники и Китайскую корпорацию космической науки и технологии[4]. Обе корпорации являются государственными коммерческими предприятиями и имеют структуру, позволяющую осуществлять в полном объеме научные исследования, разработки и производство как военной, так и гражданской космической и другой высокотехнологичной продукции. Так, первая из них, находящаяся в ведении Госсовета КНР, включает 4 крупных НИИ, 7 крупных торгово-производственных компаний, объединяющих свыше 140 научно-исследовательских учреждений, заводов и фирм; около 120 тыс. сотрудников (из них 40% — технические специалисты). Корпорация выпускает системы ракетного оружия различного назначения, а также широкий спектр космического оборудования, ИСЗ, оборудование для информационных систем, систем связи и др.[5] .

Наиболее сложной проблемой отрасли ныне является развитие интеграции науки и техники в рамках созданных научно-производственных объединений с целью преодоления сохраняющегося научно-технического отставания отдельных направлений космических технологий (таких, как эффективность и качество борто-

вой аппаратуры спутников, надежность систем жизнеобеспечения космических кораблей и др.) от уровня развитых стран. Конечной целью при этом является достижение мировых стандартов выпускаемой продукции к 2010 г.[6]

Искусственные спутники Земли (ИСЗ). Первый китайский спутник "Дунфанхун–1" был успешно запущен 24 апреля 1970 г. К октябрю 2000 г. Китай создал и запустил в космос 47 спутников различных типов, при этом свыше 90% запусков были успешными. На начальном этапе Китай создал четыре серии спутников, а именно: спутники дистанционного наблюдения со спускаемым аппаратом, телекоммуникационные спутники "Дунфанхун", метеорологические спутники "Фэнъюнь" и научно-исследовательские и экспериментальные спутники "Шицзянь". Ныне в стадии разработки находится спутник разведки земных ресурсов серии "Цзыюань".

Китай является третьей страной в мире, освоившей технологию возвращения ИСЗ на Землю с надежностью, отвечающей международным стандартам, и пятой страной в мире, способной самостоятельно осуществлять разработку и запуски геостационарных телекоммуникационных ИСЗ. К началу 90-х годов Китай достиг мирового уровня в области технологии метеорологических ИСЗ и ИСЗ разведки земных ресурсов. В настоящее время, по заявлению вице-президента Института космической технологии КНР Сюй Фусяна, Китай способен производить высокотехнологичные спутники малых размеров для гражданских и военных нужд, включая навигационные и телекоммуникационные спутники[7]. Сянганская печать отмечала, что Китай обладает 17 разведывательными спутниками, позволяющими вести наблюдение за передвижениями войск и сил флота[8].

Согласно оценкам Института стратегических исследований США, в интересах китайских вооруженных сил ведется разработка спутниковой системы, предназначенной для передачи информации о противнике всем формированиям вплоть до подразделения, выполняющего ту или иную боевую задачу, одновременно и в реальном масштабе времени[9].

Для запуска спутников Китай использует ***ракеты-носители*** серии "Великий поход" собственной разработки. Серия включает 12 типов ракет, способных выводить спутники на околоземную, геостационарную и околосолнечную орбиты. Мощность ракет позволяет выводить на околоземную орбиту объекты весом 9,5 т, что в основном отвечает требованиям заказчиков. Количество успешных запусков китайских ракет-носителей этой серии составляет около 90% их общего числа, что позволило Китаю в 1990–1997 гг. занимать 7–9% международного космического рынка. Ныне ведется разработка более мощных ракет-носителей "Великий поход" и "Великий поход-2", способных выводить на космическую орбиту объекты весом до 3,7 т и до 14–15 т соответственно[10].

К 1986 г. Китай имел в своем распоряжении три ***космических центра***: Шуанчэнцзы (пров. Ганьсу), Сичан (пров. Сычуань) и Тайюань (юго-западнее Пекина); в 1990 г. к ним добавился четвертый, расположенный в районе экватора на о. Хайнань и предназначенный для запуска ракет ограниченной мощности. Кроме того, Китай располагает станцией космического слежения и контроля, расположенной на атолле Темаваику, принадлежащем тихоокеанскому островному государству Кирибати. Станция размещена согласно договору, подписанному между двумя странами в 1997 г., и используется для слежения за ракетами, запускаемыми с китайской территории[11].

В Китае создана интегрированная система ***телекоммуникации и телеметрии***, предназначенная для обеспечения функционирования ИСЗ на околоземных и геостационарных орбитах, а также экспериментальных космических объектов. Как отмечено выше, система включает наземные станции и

морские суда. Применяемая в системе технология позволяет ей интегрироваться в международную космическую и телекоммуникационную сеть.

Пилотируемые космические полёты. Программа пилотируемой космонавтики берет свое начало в 1992 г. К настоящему времени завершена разработка пилотируемого космического корабля и ракеты-носителя, осуществлены необходимые исследования в области космической медицины и жизнеобеспечения и ведется подготовка к запуску на околоземную орбиту китайского космонавта. В ноябре 1999 г. успешно проведены запуск и возвращение на Землю экспериментального космического корабля "Шэньчжоу" (без космонавта). Пилотируемый космический полет может быть осуществлен ориентировочно в 2005 г.[12]

Кроме того, по американским оценкам, Китай предпринимает усилия по проекту "Шаттл". Стоимость проекта составляет 11 млрд. юаней (1,35 млрд. долл. США). Экспериментальный запуск на околоземную орбиту китайского космического корабля типа "Шаттл" с экипажем из трех человек возможен также к 2005 г.[13]

В последние два десятилетия Китай добился широкого ***использования искусственных спутников Земли*** для осуществления дистанционного наблюдения, телекоммуникации, навигации. ИСЗ дистанционного наблюдения и телекоммуникации составляют около 71% всех китайских ИСЗ, созданных и выведенных на орбиту. Эти спутники широко и с большим эффектом используются во всех областях экономики, науки и технологии, культуры, а также в интересах национальной обороны. Налажено и успешно осуществляется международное сотрудничество с использованием иностранных ИСЗ для научных исследований в области технологии применения спутников.

Китай приступил к использованию собственных и иностранных ***ИСЗ дистанционного наблюдения*** в начале 70-х годов и осуществил исследования в области разработки и освоения технологий дистанционного наблюдения при помощи ИСЗ, которые ныне широко применяются в метеорологии, угледобыче, сельском и лесном хозяйстве, ирригации, океанографии, сейсмологии, городском планировании. Эта деятельность координируется сетью центральных учреждений, включающей Национальный центр дистанционного наблюдения, Национальный спутниковый метеорологический центр, Центр спутниковой разведки природных ресурсов Китая, Спутниковый океанографический центр и Наземную спутниковую станцию дистанционного наблюдения Китая. Научно-исследовательские институты, действующие в структуре соответствующих министерств Госсовета, провинций, муниципалитетов, а также Академии наук Китая, используют информацию, получаемую от ИСЗ, для прикладных исследований в области прогнозирования погоды, наблюдения над территориями, оценки видов на урожай, наблюдения за лесами, мониторинга стихийных бедствий, штормовых предупреждений, городского планирования, топографии. Использование системы метеорологических спутников позволило значительно повысить точность прогнозирования стихийных бедствий и тем самым существенно снизить вызванный этими явлениями экономический ущерб.

С середины 80-х годов Китай приступил к ***использованию телекоммуникационных ИСЗ*** в системах связи, прогнозирования погоды, а также в сфере образования. В этих целях сооружены десятки крупных и средних наземных спутниковых станций, обеспечивающих более 27000 каналов международной телефонной связи, охватывающих свыше 180 стран и регионов мира. Создание общественной системы спутниковой связи, насчитывающей 70000 спутниковых телефонных каналов, явилось важным шагом в решении проблем связи в отдаленных районах. Кроме того, создано более 80 специализированных спутниковых систем связи для десятков департаментов, в ведении которых находятся финансы, метеорология, транспорт, нефть, водные ресурсы,

гражданская авиация, энергетика, народное здравоохранение, средства массовой информации.

С использованием телекоммуникационных ИСЗ Китаем создана глобальная сеть телевидения, а также образовательная телевизионная сеть, охватывающая всю территорию страны. Последняя включает 33 спутника-ретранслятора, обслуживающих 47 телевизионных программ центрального телевидения Китая, а также ряд местных передающих телевизионных станций, обслуживающих 40 местных телевизионных программ. Широко используются спутниковые телевизионные образовательные программы; с их помощью свыше 30 млн. человек получили среднее образование. Телевизионная сеть Китая включает около 189000 наземных станций, принимающих сигналы от ИСЗ.

В таких областях, как наблюдение за земной поверхностью, навигация, мониторинг землетрясений, предупреждение лесных пожаров, управление движением городского транспорта, Китай наряду с отечественными широко использует иностранные ИСЗ[14].

Китай является активным участником ***международного сотрудничества в космосе*** в соответствии с "Декларацией о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в интересах всех стран, в особенности — развивающихся стран", принятой 51-й сессией Генеральной ассамблеи ООН в 1996 г.

Основные усилия Китая в данной сфере направлены на удовлетворение потребностей модернизации страны, запросов внутреннего и внешнего рынков, касающихся космической науки и технологий. Наряду с многосторонним международным сотрудничеством в области изучения и освоения космоса важное место занимает поддержка регионального сотрудничества в рамках АТР, где Китай стремится занять доминирующее положение.

Китай установил и поддерживает долгосрочные двусторонние соглашения о сотрудничестве в области освоения космоса с 12 странами, включая США, Италию, Германию, Великобританию, Францию, Японию, Швецию, Аргентину, Бразилию, Россию, Украину и Чили. Сотрудничество осуществляется в различных формах: от осуществления совместных космических программ и обмена специалистами для совместных разработок ИСЗ, их узлов и деталей, предоставления услуг по обслуживанию ИСЗ и запускам ИСЗ на коммерческой основе.

Особое значение для реализации космических проектов Китая имеет сотрудничество с Россией, которое ныне реализуется в рамках ряда соглашений, охватывающих такие области, как спутниковая навигация, наблюдение, связь, пилотируемые полеты и включающих такие формы сотрудничества, как создание совместных проектов, обмен информацией, испытания космических систем, обмен научным и техническим персоналом и др.[15]

За период с 1985 г., когда правительство КНР выступило с заявлением о предоставлении услуг по запуску ИСЗ на коммерческой основе, по октябрь 2000 г. Китай осуществил 27 успешных запусков ИСЗ иностранного производства как по заказам пользователей Пакистана, Австралии, Швеции, США и Филиппин, так и для внутреннего рынка.

В 1992 г. Китай, Таиланд, Пакистан и некоторые другие страны выступили в качестве спонсоров "Азиатско-Тихоокеанского симпозиума по проблемам многостороннего сотрудничества в области космических технологий", который послужил побудительным мотивом для подписания в апреле 1998 г. меморандума о сотрудничестве в создании многофункциональных ИСЗ, к которому присоединились правительства КНР, Ирана, Республики Корея, Монголии, Пакистана и Таиланда.

Начиная с 1988 г., Китай предоставляет развивающимся странам ежегодные стипендии для подготовки специалистов по космическим технологиям.

Важными вехами в развитии регионального сотрудничества в области освоения космоса стали организованная в Пекине в 1994 г. первая региональная конференция стран АТР на уровне министров по проблемам использования космоса в интересах устойчивого развития этих стран, а несколько лет спустя (в 1999 г.) совместно с ООН и Европейским космическим агентством — симпозиум по содействию устойчивому развитию сельского хозяйства.

Китай является участником ряда важнейших международных соглашений в области изучения и освоения космоса, в том числе "Договора о принципах регулирования деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие объекты", "Соглашения о спасении астронавтов и возвращении на Землю астронавтов и объектов, запущенных в космос", "Конвенции об ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами", "Конвенции о регистрации объектов, запущенных в космос". Кроме того, Китай принимает участие в таких многосторонних совместных проектах, как "Комитет по спутникам наблюдения за поверхностью Земли", "Глобальный мониторинг погоды", "Десятилетие ООН по снижению влияния стихийных бедствий" и других.

С 1995 г. Китайское национальное космическое агентство является членом международного координационного комитета, занимающегося проблемой предотвращения засорения космического пространства. Деятельность в данной сфере опирается на государственную поддержку научно-исследовательских институтов, промышленных предприятий, университетов и колледжей, участвующих в международном обмене и сотрудничестве.

Стратегия освоения космоса в XXI веке предусматривает дальнейшее развитие космической отрасли и расширение сферы ее применения.

В ближайшее десятилетие предполагается на основе достигнутых успехов создать систему наблюдения за поверхностью Земли, рассчитанную на длительное и устойчивое функционирование. Система будет включать ИСЗ различного назначения и предназначается для объемного наблюдения и динамического мониторинга суши, атмосферы и прилегающей к Китаю поверхностью мирового океана, удаленными районами и Земным шаром в целом. Одновременно будут предприняты усилия в направлении дальнейшего развития спутниковых систем телевидения и радиовещания, а также в направлении создания автономной и независимо действующей спутниковой системы навигации и определения местоположения объектов. Реализация этих проектов связывается с мерами по повышению технического уровня и увеличению мощности используемых ракет-носителей: во-первых, путем усовершенствования и повышения надежности имеющихся ракет серии "Великий поход" и во-вторых, — путем создания на базе высоких технологий недорогих экологически чистых и нетоксичных ракет нового поколения.

Практическая деятельность будет сопровождаться дальнейшим исследованием космического пространства, в связи с чем намечается создание серии исследовательских ИСЗ нового поколения, предназначенных для осуществления технологических экспериментов и научных исследований в области изучения гравитации, свойств материалов и жизни биоорганизмов в космосе, свойств космической среды, космической астрономии, а также — предварительного изучения космического пространства, прежде всего Луны.

В более отдаленной перспективе (до 2020 г.) предполагается достичь промышленного освоения и маркетизации космических технологий и космического оборудования, что позволит удовлетворить широкий спектр запросов экономического строительства, государственной безопасности, развития науки и технологий. Создание системы ИСЗ различного назначения и соответствующее им наземное спутниковое оборудование намечается объединить в единую многофункциональ-

ную космическую систему, предназначенную для длительного и устойчивого функционирования в соответствии с государственными планами[16].

В соответствии с программой широкого освоения космического пространства, в течение ближайших 10–15 лет Китай намерен осуществить запуски около 30 спутников[17], в том числе некоторое их количество — на коммерческой основе. В более отдаленной перспективе Китай намерен производить ежегодно более 6 спутников[18]. Одновременно будут продолжаться закрытые разработки для нужд военного ведомства, в частности — специальные космические программы, предусматривающие создание лазерного оружия, способного поражать космические объекты.

Развитие космической науки, технологий и их применения намечается осуществлять согласно скоординированным программам при сосредоточении усилий на наиболее актуальных ключевых проблемах; одновременно предполагается дальнейшее расширение международного сотрудничества, прежде всего с целью способствовать развитию космической промышленности Китая.

В связи с тем, что деятельность в космосе требует огромных капиталовложений, сложных технологий и сопряжена с человеческим и коммерческим риском, особое внимание предполагается уделять повышению эффективности руководства наукой для обеспечения надежности создаваемой космической техники и достижения лучших коммерческих результатов.

Дальнейшее освоение космоса связывается с идеей создания благоприятных условий для привлечения талантов и создания контингента молодых высококвалифицированных ученых и инженеров — специалистов по космосу; в этих же целях предполагается осуществление мер для популяризации знаний о космосе и создания в обществе побудительных мотивов в пользу развития космической отрасли.

---

1. Mark A.Stokes. China's Strategic Modernization: Implication's for The United States / Strategic Studies Institute. USA, 1999. P. 169–170.
2. Мировая экономика и международные отношения. № 8. 1995. С. 37.
3. Гуанмин жибао. 2000. 23 ноября.
4. Гуанмин жибао. 2000. 23 ноября.
5. Извещения Госсовета КНР. № 6. 2000.
6. Синьхуа. 1999. 28 октября.
7. ИНФО ТАСС. 1999. 10 августа.
8. ИНФО ТАСС. 1999. 6 сентября.
9. Mark A.Stokes. China's Strategic Modernization: Implication's for The United States / Strategic Studies Institute. USA, 1999. P. 47.
10. Beijing Review. № 25. 2000.
11. ИНФО ТАСС. 1999. 21 сентября.
12. Зарубежное военное обозрение. № 8. 1999. С. 51.
13. Mark A.Stokes. China's Strategic Modernization: Implication's for The United States / Strategic Studies Institute. USA, 1999. P. 178.
14. Гуанмин жибао. 2000. 23 ноября.
15. Mark A.Stokes. China's Strategic Modernization: Implication's for The United States / Strategic Studies Institute. USA, 1999. P. 178.
16. Гуанмин жибао. 2000. 23 ноября.
17. ИНФО ТАСС. 1999. 11 мая.
18. ИНФО ТАСС. 1999. 27 марта.

Развитие новых и высоких технологий в КНР в условиях глобализации

© 2001

З. Муромцева

С 90-х гг. Китай целенаправленно стремится развивать новые и высокие технологии, "новую экономику". В процессе решения этой задачи в Китае сочетают государственное планирование и рыночный механизм регулирования. В начале 1996 г. была создана Руководящая группа Госсовета КНР по информатике (вместо Объединенного совещания по экономике и информатизации), а в 1998 г. было образовано отдельное Министерство информационных технологий КНР.

В 9-м пятилетнем плане (1996–2000) в качестве первоочередной задачи в деле развития новой техники и высоких технологий ставилось производство микросхем, новых компонентов, компьютеров и оборудования для средств связи. С начала 1998 г. вступили в действие "Перечень отраслей, продукции и технологий, развитие которых государство считает ключевыми в настоящее время" и "Руководящий перечень отраслей для иностранных инвестиций". Активная государственная политика явилась ответом Китая на процессы глобализации в мире. Повышение конкурентоспособности стало непосредственно связываться с формированием рынка рабочей силы, капитала, техники, технологии и научно-технических достижений.

На современном этапе мирового развития глобализация — важнейший элемент углубления международного разделения труда. В Китае полагают, что ближайшие 5–10 лет будут крайне важны в экономическом и социальном развитии. В условиях распространения новой экономики, усиления глобалистских тенденций международная среда бросает не только серьезный вызов, но и "дает исторический шанс Китаю подтянуться и осуществить совместное развитие"[1].

В последние годы в мире среднегодовые темпы роста мировой торговли превышали темпы увеличения ВВП. В 2000 г. они составили, соответственно, 6,5 и 3,5%. Эти процессы происходили и в Китае: в период 1978–1997 гг. Китай в мировой торговле с 27 места перемесился на 10-е (среднегодовой прирост внешнеторгового оборота составил 15,6%); прирост ВВП за тот же период в среднем возрастал на 9,8% в год. С 1995 г. Китай вступил в новый этап индустриального развития, который характеризуется ускорением темпов развития новых и высоких технологий, наукоемких производств, дальнейшим совершенствованием промышленной структуры и отраслей, производящих промышленное оборудование. Если в целом за период с 1978 по 1998 г. вклад производительности труда в экономический рост составлял 36,6%, капитальных вложений — 49,5%, прирост рабочей силы — 13,9%, то в период 1996–1998 гг. эти показатели соответственно составили 39,7, 47,6 и 12,7%. Это свидетельствует о возрастании значения интенсивных факторов роста в китайской экономике.

Муромцева Зоя Андреевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

В Китае рассматривают новые и высокие технологии как первый источник национального экономического роста. Предусматривается органичное интегрирование науки и передовых технологий в рыночную среду. Научно-технические исследования предполагается глобализировать путем инкорпорирования иностранных интеллектуальных ресурсов и посылки за рубеж талантливых работников для учебы в тех областях, где Китаю необходимо следовать новейшим исследованиям в области новой экономики, новых и высоких технологий.

На новом этапе промышленная конкурентоспособность Китая становится решающим фактором его индустриализации и модернизации. Регулирование и оптимизация промышленной структуры ставят задачу ускорения развития новых и высоких технологий, в особенности технологий информатики, внедрения во все промышленные отрасли информационных сетей, оснащение новыми технологиями традиционных производств и пр.

Считается, что стратегия подъема производительных сил за счет науки и образования должна умножить возможности в научно-технических инновациях и улучшении качества рабочей силы. Программы "863", "Факел", "Искра", "Золотой мост"[2] содействуют подъему отраслей экономики на более высокий технико-технологический уровень.

Таблица 1

Некоторые показатели развития новых и высоких технологий в Китае в 1998–2000 гг.

	Ед. изм.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Валовая продукция промышленности высоких и новых технологий	млрд. ю.	558,1	947,9	1184,9
Добавленная стоимость в отраслях новых и высоких технологий	млрд. ю.	133,6	226,8	263,4
Удельный вес в стоимости валовой продукции промышленности	%	4,7	7,4	8,4
Удельный вес в стоимости ВВП	%	1,7	2,76	2,97
Стоимость экспорта продукции новых и высоких технологий	млрд. долл.	21,0	24,66	37,0
Удельный вес в объеме экспорта готовых промышленных изделий	%	11,4	12,65	14,85
Стоимость импорта продукции новых и высоких технологий	млрд. долл.	29,0	37,58	52,5
Удельный вес в общем объеме импорта	%	20,7	26,8	23,3

Источник: Чжунго гунъе цзинцзи. 2001. № 3. С. 56.

Как показывает таблица, в 2000 г. удельный вес экспорта новых и высоких технологий Китаем составил почти 15% от всего объема экспортной продукции. В то же время Китай продолжал наращивать импорт продукции новых и высоких технологий, который в 2000 г. превысил 23% от от общей суммы импортированной продукции. Что касается производства этой продукции внутри страны, то ее удельный вес в ВВП повысился до почти 3% в 2000 г. против примерно 1,5% в среднем в период 1993–1997 гг. Интересно, что, согласно китайским данным, в 1991 г. соответствующий показатель в США составил 3,1%, в Японии — 4,6%, Германии — 4%, Великобритании — 3,4%[3].

По классификации, принятой в Китае, в производство новых и высоких технологий включены авиация, космонавтика, компьютеры и компьютерное обеспечение, электроника и средства связи, производство медицинских и лекарственных препаратов, основанное на новой и высокой технологии. Из этого перечня вы-

делены производство компьютеров и компьютерного обеспечения, а также производство продукции электроники и средств связи как отрасли новой экономики.

Развивая новые и высокие технологии, Китай с 1985 по 1999 г. создал 53 государственные зоны освоения новой и высокой технологии. Эти зоны в значительной своей части производят продукцию, относящуюся к новой экономике.

Таблица 2

Показатели зон освоения новой и высокой технологии в 1993–1999 гг.

	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Число предприятий, ед.	9687	11748	12980	13722	13681	16097	—
Численность занятых, млн.чел.	0,547	0,796	0,991	1,291	1,475	1,837	2,09
Валовая продукция промышленности, млрд.ю.	44,73	85,27	140,62	214,23	310,95	433,60	600,0
Поступления от продажи ноу-хау, млрд.ю.	56,36	94,26	152,90	230,03	338,78	483,96	—
Чистая прибыль, млрд.ю.	5,30	7,37	9,47	14,05	20,66	25,62	—
Экспорт продукции, млрд.долларов	0,54	1,27	2,93	4,30	6,48	8,53	—

Источник: 1999 нянь гаосинь цзишу чан'е фачжань баогао. Бэйцзин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000 нянь. С. 87. Данные за 1999 г. — Центр высоких технологий и инноваций Института экономико-математических и количественных исследований АОН Китая.

Влияние глобализации кардинальным образом повлияло на ускорение всего процесса экономических реформ, в том числе и на реформирование промышленных предприятий госсектора особенно после 1997–1998 гг. Новый этап развития в 10-й пятилетке характеризуется премьером Госсовета КНР Чжу Жунцзи "как реформа на стадии штурма". В предстоящий до 2005 г. период планируется продолжить акционирование крупных и средних государственных предприятий, причем государство должно владеть контрольным пакетом акций лишь тех государственных предприятий, которые являются "командными высотами" народного хозяйства и обеспечивают безопасность страны. Трансформация хозяйственного механизма Китая направлена на нормативный выход предприятий на фондовый рынок, совместные с иностранным капиталом инвестиции, паевое участие и т.д. Механизм конкуренции частично вводится в таких отраслях, как электроэнергетика, железные дороги, средства связи, гражданская авиация и т.д.

Отсталые индустриальные технологии, преобладание угля в энергобалансе, недостаточный уровень управления промышленными предприятиями по сравнению с мировыми стандартами, слабость собственной базы новой экономики, невысокий удельный вес профессиональных кадров инженерно-технического и управленческого персонала, неадекватность экономического роста и фондов охраны окружающей среды, низкий уровень управления процессами, происходящими в охране окружающей среды — далеко не полный перечень проблем, которые необходимо решить в ближайшие годы, чтобы промышленность Китая сумела вписаться в процессы мировой глобализации.

В конечном итоге, за счет внедрения новых и высоких, практически применимых, передовых технологий предполагается преобразовать традиционные китайские производства и поднять их на более высокий уровень.

Для развития индустрии на базе информатизации промышленные отрасли, исходя из реальных условий, должны в 10-й пятилетке (2001–2005) выбрать и ускорить развитие технологий. Предполагается оказывать специальную поддержку осуществлению широкополосной скоростной информационной сети, ключевым интегральным схемам, созданию ракет-носителей новых типов и на этой основе базировать групповое преимущество китайских производств на новых и высоких технологиях и их лидерство в отдельных областях[4].

Большое значение технико-технологические инновации имеют в повышении совокупного качества и международной конкурентоспособности в промышленных отраслях, ориентирующихся на внешний рынок. Эти отрасли практически первыми осуществляют полную модернизацию своих предприятий и нацелены на полноправное участие в мировом экономическом состязании.

Глобалистские тенденции мирового развития и стремление Китая не упустить шанс при углублении экономической глобализации направляют использование научно-технических достижений в области новой и высокой техники и технологии для существенного подъема тех промышленных отраслей, которые имеют непосредственное отношение к укреплению экономической мощи страны и ее безопасности. Научно-техническая помощь направляется также в традиционные производства, в обеспечение технического прогресса при изготовлении оборудования и внедрении новых технологий для переработки сельскохозяйственной продукции, экономии водных и энергетических ресурсов, отделки хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых изделий и т.д.

В Китае понимают, что процессы глобализации не означают равенства и взаимной выгоды. Тем более они не являются гарантией для экономического роста стран с запоздалым развитием. Поэтому в 10-й пятилетке расширение условий для роста продукции новых и высоких технологий рассматриваются как кардинальный вопрос развития китайской индустрии на новом этапе. Предполагается, что к 2005 г. удельный вес наукоемких отраслей с применением новых и высоких технологий в валовом внутреннем продукте достигнет примерно 10%, а в экспорте готовых промышленных изделий китайского производства — 25%.

---

1. Жэньминь жибао. 2001. 17 марта.
2. *Программа "863"* (1986 г.) — первая программа НИОКР в промышленности, нацеленная на научно-техническое обеспечение главных задач, предусматриваемых в национальной безопасности и конкурентоспособности страны. *"Факел"* (1988 г.) — программа содействия исследованию и коммерциализации передовых технологий, подготовки квалифицированных кадров, проведения исследований и коммерциализации проектов в приоритетных отраслях (новые материалы, биотехнология, электроника и информатика, точное машиностроение, новые источники энергии, энергосбережение, защита окружающей среды). *"Искра"* (1986 г.) — применение современных технологий в сельском хозяйстве, подготовка управленческих кадров и технических специалистов. *"Золотой мост"* (с середины 90-х гг. проекты т. н. золотой серии) — создание информационной сети в общенациональном масштабе, информационная супермодель.
3. Чжунго гунъе цзинцзи. 2000. № 3. С. 56.
4. Жэньминь жибао. 2001. 17 марта.

Черная металлургия КНР: возможности и реальность

© 2001

Н. Коледенкова

Обеспечение своей промышленности черными металлами является важной стратегической задачей Китая. Высокие темпы роста экономического развития страны в последнее десятилетие обусловили рост потребности в черных металлах, особенно высококачественного проката.

В настоящее время черная металлургия представляет собой развивающийся крупный промышленный комплекс КНР, включающий специализированные отрасли по добыче и обогащению руды, производстве проката и изделий дальнейшего передела, кокса, ферросплавов, метизов производственного назначения.

В 1999 г. черная металлургия произвела продукции на 424,4 млрд. юаней, то есть 5,8% валовой продукции всей китайской промышленности, уступая машиностроительной, химической, текстильной и пищевой промышленности. В 1999 г. доля добавленной стоимости черной металлургии в общей добавленной стоимости промышленного производства страны составила 5,3% или 113,4 млрд. юаней. Стоимость основных производственных фондов отрасли в 1999 г. оценивается в 559,4 млрд. юаней, на ее долю приходится 8,6% основных производственных фондов промышленных предприятий КНР, состоящих на самостоятельном балансе.[1] Имелось 3,6 тыс. промышленных предприятий (2,2% от их количества в стране). Численность занятых рабочих и служащих достигла 2,58 млн. человек, или 5,8% всех занятых в промышленности в целом.[2]

КНР относится к числу наиболее крупных производителей черных металлов в мире. С 1996 г. по этому показателю Китай стал ведущей страной в мире. В 2000 г. выплавка стали достигла 128,5 млн.т.[3] Среднегодовой темп прироста стали за 1981-2000 гг. составил 6,4%, за 1996-2000 гг. — 6,6%. Динамика производства черных металлов в 90-е годы представлена в следующей таблице.

Таблица 1

Динамика производства черных металлов в КНР, млн. т

Годы	Ферросплавы	Чугун	Сталь	Прокат
1990	2,44	62,38	66,35	51,53
1995	4,32	105,29	95,35	89,80
1996	4,18	107,22	101,24	93,38
1997	4,04	115,11	108,94	99,78
1998		118,64	115,59	107,38
1999		125,39	124,26	121,10

Коледенкова Наталья Никитична, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Годы	Ферросплавы	Чугун	Сталь	Прокат
2000			128,5	131,46

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь. 1998. С. 469-470; 2000. С. 456-457; Жэньминь жибао. 2001. 28 февраля.

Значительный объем производства черных металлов объясняется тем, что со времени образования КНР металлургическая промышленность рассматривалась как приоритетная отрасль экономики. За годы существования КНР с большей интенсивностью велось капитальное строительство крупных и средних предприятий. В целом в черную металлургию было направлено примерно 10% всех капиталовложений. С целью технического оснащения черной металлургии с конца 70 — х гг. КНР импортировала значительный объем современного оборудования и технологии, что позволило не только увеличить объем производства, но и существенно расширить номенклатуру производимого проката.

В черной металлургии КНР насчитывается 290 металлургических предприятий, которые способны выплавлять 130 млн.т стали в год, из них 11 крупных металлургических комплексов из 85 ведущих комплексов черной металлургии мира. Выплавка стали в 1998 г. крупнейшими компаниями КНР характеризуется следующими данными (млн. т): Аньшань — 8,45; Баоган — 8,02; Ухань — 6,10; Шанхайская металлургическая компания — 6,03; Баотоу — 3,80; Мааньшань — 3,38; Паньчжихуа — 3,08; Ханьдань — 2,92; Бэньси — 2,90; Таншань — 2,66; Тайюань — 2,43.

В КНР сложилось несколько типов предприятий отрасли, отличающихся полнотой как самого металлургического цикла, так и наличием в их составе сырьевых и отдельных производств. Наибольшее значение имеют металлургические комбинаты: полного цикла с сырьевыми базами (Бэньси, Пекин); полного цикла, но недостаточно обеспеченные собственным сырьем (Аньшаь, Баотоу, Ухань и др.); полного цикла, использующие главным образом привозное сырье (Баошань, Тайюань, Чунцин и др.). На все эти предприятия приходится значительная часть производства проката. Ряд предприятий имеет неполный цикл: Шицзячжуан, Фушунь, Шэнъян, Тяньцзянь, Таншань, Чэнду. Кроме того, есть предприятия, которые самостоятельны по выплавке стали, другие — только в составе машиностроительных заводов (Пекин, Цзилинь, Далянь) или заводов по производству проката.

Одной из характерных особенностей китайской черной металлургии является наличие большого количества мелких предприятий. Из 290 металлургических предприятий на 46 из них, производственные мощности сталеплавильного производства которых превышают 500 тыс.т, приходится 84% производства стали, а на долю остальных 244 предприятий — всего 16%.[4] Такую структуру в современных условиях, с точки зрения экономической эффективности и рентабельности, можно считать негативным явлением.

В целом по стране на средних и мелких предприятиях производительность труда более чем вдвое ниже, чем на крупных, а себестоимость продукции выше. Расход крайне дефицитной в стране электроэнергии на выплавку 1 т стали на средних и мелких металлургических предприятиях в 2-3 раза превышает удельный расход ее на ведущих предприятиях.

Металлургическая промышленность производит прокат более 20 тыс. типоразмеров. Однако сортамент проката далеко еще не удовлетворяет потребности экономики. Многие виды проката выпускаются в недостаточных количествах и являются дефицитными. Наиболее массовыми видами являются мелкосортный прокат и катанка, затем идут средний и толстый лист и качественный прокат.

Наиболее массовыми видами выпускаемого в стране проката является мелкосортный (в 1999 г. его доля во всем прокате составила 29,3%), катанка (

24,2%), затем идут средний и толстый лист (12,8%) и качественный прокат (6,2%). За последние годы наиболее быстрыми темпами увеличивалось производство таких дефицитных видов проката, как лист, трубы, лента.

Данные следующей таблицы характеризуют объем производства основных видов проката в 1990-1998 гг.

Таблица 2

Объем производства основных видов проката в КНР

	1990 г.	1995 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Всего проката, т	51530,0	89798	99789,3	107378,0	121097,8
в том числе:					
тяжелые рельсы	922,3	1016,7	964,0	1146,9	1118,7
крупносортный прокат	1051,3	1181,1	1306,3	1029,0	1153,5
среднесортный прокат	2555,5	2874,4	4227,8	7677,9	5130,3
мелкосортный прокат	12185,7	24710,4	25304,9	27638,1	31417,2
качественный прокат	4567,8	6388,1	5858,6	6383,9	6685,8
катанка	9989,5	16871,5	19538,2	22030,6	25948,5
особо толстый лист	99,0	403,2	525,9	592,4	483,7
средний и толстый лист	6740,4	9626,2	11958,8	12641,9	13770,2
тонкий лист	5524,0	11461,9	13081,5	14683,4	17301,7
кремнистый лист	672,7	745,4	843,9	829,1	888,4
стальная лента	1688,7	3270,4	3604,8	3468,7	3457,5

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь. 1990 г. С. 431; 1998 г. С. 475; 1999 г. С. 44; 2000 г. С. 460.

Все это свидетельствует о больших достижениях в развитии черной металлургии КНР, однако это не дает достаточно полной картины развития отрасли. Известно, что за высокими показателями производства черных металлов кроются и негативные стороны. Так, китайская черная металлургия в техническом отношении существенно отстает от современного мирового уровня. В настоящее время многие предприятия располагают устаревшими и изношенными основными фондами. Следствием этого неблагоприятного для отрасли обстоятельства являются недостаточно высокое качество части выпускаемой продукции (около 1/4 объема черных металлов выплавляется по устаревшим технологиям), повышенные издержки ее производства, ограниченный сортамент продукции, невысокий уровень производительности труда, а также необходимость крупных затрат на ремонт и восстановление производственного аппарата отрасли.

В связи с этим в конце 90-х гг. проводились работы по закрытию нерентабельных заводов небольшой мощности, в частности доменных печей полезным объемом менее 50 куб. м, кислородных конвертеров емкостью менее 10 т и электропечей общей годовой мощностью 1,8 млн.т. Одновременно проводились работы по реконструкции и расширению крупных и средних предприятий, при активном освоении как зарубежной, так и собственной современной передовой техники и технологии. Только в 1999 г. на техническую реконструкцию крупных и средних предприятий было направлено более 50 млрд. юаней. Главный упор был сделан на реконструкцию 4 ведущих металлургических комбинатов, расположенных в Шанхае, Ляонине, Пекине и Ухане.[5] В частности, в Шанхайской компании «Ичан» реконструирована поточная линия по производству тонких холоднокатаных листов. Годовая производственная мощность реконструированной поточной линии увеличилась с 500 до 700 тыс.т, а толщина выпускаемых листов уменьшилась с 0,52 мм до 0,365 мм.[6] Осуществ-

лялась также реконструкция других металлургических предприятий, производящих 13 видов дефицитной продукции.

В результате проводимых мероприятий удельный вес черной металлургии в отраслевой структуре основных фондов государственной промышленности КНР несколько понизился в 1999 г. по сравнению с 1990 г. с 8,8 до 8,6%, соответственно. В то же время за 1991-1999 гг. основные производственные фонды черной металлургии увеличились в 4,9 раза и на 1999 г. составили 615,6 млрд.юаней.

Таким образом, с одной стороны, основные фонды отрасли возрастают, а с другой — происходит некоторое сокращение их доли в общем объеме производственных фондов страны. Известно, что увеличение основных фондов отрасли способствует увеличению ее производственных мощностей и, следовательно, росту выпускаемой продукции. Как результат сложившегося положения, в 1999 г. произошло снижение удельного веса черной металлургии в отраслевой структуре валовой продукции промышленности в целом по стране по сравнению с 1990 г. с 7,1 до 5,8% в 1999 г. Произошло и снижение эффективности использования основных производственных фондов.

Таблица 3

Расчет эффективности использования основных производственных фондов в черной металлургии, млрд. юаней

Годы	Промышленность			Черная металлургия		
	Валовая продукция	Основные производственные фонды	Фондо-отдача (1 юаня)	Валовая продукция	Основные производственные фонды	Фондоотдача (1 юаня)
1990	1868,9	1438,9	1,299	133,6	126,1	1,059
1995	5494,6	3844,4	1,429	313,0	419,1	0,747
1996	6274,0	5202,6	1,206	389,2	463,8	0,839
1997	6835,3	5956,9	1,147	402,2	505,2	0,796
1998	6773,7	6483,2	1,045	403,4	559,4	0,721
1999	7270,7	7184,7	1,012	424,4	615,6	0,689

Рассчитано по: *Чжунго гунъе цзинцзи няньцзянь. 1993 г. Пекин, 1993 г. С. 103, 107, 114, 142, 146, 153-154; Чжунго тунцзи няньцзянь. Пекин, 1996 г. С. 414-415; 1997 г. С. 424-425; 1998 г. С. 444-445; 1999 г. С. 432-433; 2000 г. С. 114-415.*

На предприятиях черной металлургии в годы реформы разрабатывался и осуществлялся комплекс мер, направленных на повышение фондоотдачи, поскольку совершенствование основных фондов, непрерывный рост их отдачи являются важнейшими направлениями интенсификации производства, роста его эффективности. Однако это не дало ожидаемого результата, так как в КНР длительное время недооценивалось значение обновления фондов. В немалой степени этому способствовала политика капитальных вложений, которая в отдельные периоды была ориентирована скорее на экстенсивный, нежели интенсивный, путь развития производства. Недостаточный процесс обновления производственных фондов в черной металлургии тормозит развитие всего промышленного производства страны и прежде всего машиностроения, которое под влиянием технического прогресса непрерывно требует совершенствование сортамента проката. Таким образом, все более необходимым становится обновление производственных фондов прежде всего в этой отрасли.

Помимо фондоотдачи обобщающим показателем экономической эффективности работы предприятий за определенный период времени является показатель рентабельности. Общее представление о рентабельности предприятий черной металлургии КНР за годы реформы можно получить при рассмотрении и сопоставлении финансовых показателей предприятий государственной промышленности.

Таблица 4

Финансовые показатели производственной деятельности промышленных предприятий в целом по стране и предприятий черной металлургии, в %

Годы	Промышленные предприятия в целом по стране		Предприятия черной металлургии	
	Общая рентабельность	Уровень рентабельности	Общая рентабельность	Уровень рентабельности
1990	12,20	10,41	13,0	2,29
1995	8,29	3,81	7,1	3,28
1996	7,11	3,05	3,05	1,82
1997	6,92	3,17	5,17	2,02
1998		2,35		1,8
1999		3,42		2,13

Источники: Чжунго гунъе цзинцзи няньцзянь 1993. Пекин, 1993 г. С. — 168, 172; Чжунго тунцзи няньцзянь. Пекин, 1996 г. С. 426-427; 1997 г. С. — 436-437; 1998 г. С. — 458-459; 1999 г. С. 437; 2000 г. С. 418-419.

Как следует из приведенных данных в Табл. 4, происходит снижение рентабельности предприятий не только в целом по всей промышленности, но и на предприятиях черной металлургии.

Поэтому перед черной металлургией стоит задача совершенствования техники, технологии, модернизации оборудования, специализации производства, улучшения качества ремонта оборудования, повышения квалификации кадров.

Обеспеченность экономики черными металлами, роль импорта.

Вплоть до настоящего времени черная металлургия страны не удовлетворяет потребности экономики в металле за счет отечественного производства, особенно если исходить из душевого объема производства и сравнения хотя бы со среднемировым душевым уровнем производства, не говоря уже о показателях, характерных для развитых стран. Чтобы Китаю сравняться с довольно скромным в целом общемировым уровнем, ему придется довести выплавку стали до 170 млн.т. Исходя из подобной посылки, видимо, правильно будет говорить лишь об относительном удовлетворении своих текущих потребностей, имея в виду довольно ограниченный внутренний спрос на металлы со стороны соответствующих отраслей китайской экономики и учитывая, что по такому важному показателю, как душевое потребление, Китай сильно уступает экономически развитым странам мира.

За годы существования КНР металлургия не может выйти на уровень производства проката, который необходим для удовлетворения потребностей хозяйства страны. Китай — крупный импортер проката. За период 1991-1995 гг. ввоз проката увеличился с 3,56 млн.т в 1991 г. до 22,45 млн. т в 1994 г. и составил примерно 26% от внутреннего производства. В 1999 г. импорт проката составил 14,86 млн. т, 12,3% от внутреннего производства. Страна импортирует 80% от необходимого количества тонкого листа из нержавеющей стали.

Таблица 5

Производство, импорт и экспорт проката, млн. т

Годы	Производство	Импорт	Экспорт	Видимое потребление проката	Доля импорта в видимом потреблении проката, %
1990	51,5	4,2	1,99	53,71	7,8
1991	56,4	3,56	2,14	57,82	6,2
1992	66,9	7,06	1,91	72,05	9,8
1993	77,2	29,9	0,98	106,13	28,2
1994	84,3	22,4	1,51	105,19	21,3
1995	89,8	13,8	5,7	97,9	14,1
1996	93,4	15,9	4,2	105,1	15,1
1997	99,8	13,2	4,6	108,4	12,2
1998	107,38	12,4	3,6	116,18	10,7
1999	121,09	14,86	3,68	132,27	12,27

Источник: *Чжунго тунцзи нянцзянъ. 1995. С. 412, 547; 1996 г. С. 590, 593; 1997 г. С. 598, 601; 1998 г. С. 630,633; 1999 г. С. 587, 590; 2000. С. 457, 597, 600.*

Как показывают данные, импорт играет большую роль в удовлетворении внутренних потребностей страны. Одна из причин значительного импорта проката — недостаточно широкий сортамент выпускаемого в стране металлопроката, а также производство продукции, не отвечающей установленным стандартам и требованиям потребителей. Дальнейшее увеличение объема промышленного производства КНР неотделимо от создания новых, расширения и технического перевооружения действующих предприятий черной металлургии.

Развитие черной металлургии в 10- й пятилетке

Программа экономического развития Китая на 1991-2010 гг. предусматривает дальнейшее развитие черной металлургии. На конец 2000 г. Китай должен был довести душевое потребление стали до 100 т.

Таблица 6

Производство черных металлов КНР в 1995-2005 гг. (млн. т)

	1995 г.	2000 г.	2005 г.
Чугун	105,3	130,0	140,0
Сталь	95,4	128,5	138,0
Прокат	89,8	131,46	135,0

Выполнение поставленной задачи планируется осуществить главным образом путем ускорения реконструкции и расширения крупных и средних предприятий, активно осваивая как зарубежную, так и современную собственную передовую технику и технологию; будут расширены мощности на основных металлургических комбинатах, в частности в Баошане, Ухане, Аньшане — до 10 млн. т в год. Кроме того, предполагается построить несколько мини-заводов.

В связи с тем, что в черной металлургии имеется значительное количество мелких нерентабельных предприятий, планируется в ближайшее время закрыть 50 таких заводов, а в последующие несколько лет прекратят работу 225 небольших сталеплавильных заводов, выпускающих продукцию, качество которой не соответствует государственным стандартам.

В 10-й пятилетке предполагается форсировать замену металлургического оборудования с устаревшими технологиями для того, чтобы к 2005 г. довести коэффициент выхода проката до 90%, непрерывную разливку стали — до 70%, удельный вес листопрокатных труб увеличить до 40%. В основном будут упразднены мартеновские печи, а потребность на основные виды сортамента проката будут удовлетворены на 80%.

В последнее время проявляется отчетливая тенденция к переводу все большего числа печей емкостью более 100 т от выпуска сталей для сортового проката на металл для листовой продукции, обладающей более высокой конкурентоспособностью и находящей применение в автомобильной промышленности и производстве труб.

Хотя в стране еще ведутся дискуссии по поводу выгодности замены доменных печей и конвертеров электропечами, их более высокая эффективность в производстве специальных сталей уже стала бесспорной. Так, при одинаковой годовой производительности электропечи обеспечивают экономию в капитальных затратах до 50% и в эксплуатационных расходах — до 30% по сравнению с доменными печами и конвертерами. Так как в программе развития черной металлургии Китая основное внимание уделяется повышению качества продукции и изменению ее ассортимента, можно предположить, что электросталеплавильное производство будет пользоваться поддержкой со стороны правительства.

Высокими темпами растет в Китае потребление нержавеющей стали. За последние 15 лет ее потребление в мире почти удвоилось, в КНР — увеличилось примерно в 6 раз. Потребление нержавеющей стали на душу населения в Китае в настоящее время составляет 1,12 кг против 0,47 кг в конце 1995 г., тогда как в мире этот показатель в среднем равен 2,5 кг.[7] Использование нержавеющей стали достигает в среднем около 1,5 млн. т в год.

В КНР наблюдаются изменения в структуре потребления нержавеющей стали. В промышленности ее использование в производстве оборудования для химической промышленности, по-видимому, будет расти менее высокими темпами, чем в отраслях по выпуску потребительских товаров длительного пользования (автомобили, оборудование для предприятий общепита) и в легкой промышленности.

В последние годы значительная часть потребностей Китая в прокате из нержавеющей стали удовлетворяется за счет импорта, который с 1990 г. увеличился в 10 раз и составляет 80% потребления. В период до 2005 г. в КНР планируют сократить потребность в импорте нержавеющей стали, повысив объем производства, улучшив качество продукции. В результате, по предварительным данным, удельный вес китайской продукции в общих поставках нержавеющей стали на внутренний рынок увеличится до 85 — 90%, и качество производимой продукции будет отвечать международным стандартам. В настоящее время в КНР расширяются мощности по производству нержавеющей стали и проводится модернизация действующих заводов, на многих из которых применяется устаревшая технология и качество выпускаемой продукции не отвечает международным стандартам. В частности, инвестиции будут направлены на металлургические заводы, выпускающие нержавеющую сталь, в том числе на крупнейший завод «Taiyuan Iron and Steel». Намечено создать также новые мощности в 440 тыс. т в год в Шанхае фирмой «Pudong Iron and Steel» совместно с «Krupp Thyssen» (Германия). Ожидается, что через год будет сдана в эксплуатацию первая очередь крупнейшего в Китае металлургического предприятия с участием иностранного капитала. Предполагается, что оно будет производить 72 тыс.т тонкого листа и полос из нержавеющей стали в год.[8]

В результате общие мощности по производству нержавеющей стали в КНР в 2010 г. увеличатся до 2,5 млн. т и по производству тонкого листа из не-

ржавеющей стали — до 2,0 млн.т. КНР сможет стать одним из ведущих поставщиков нержавеющей стали на мировой рынок.

В настоящее время в черной металлургии КНР основными направлениями развития техники и технологии являются:

— укрупнение металлургических агрегатов и достижение оптимальных мощностей;

— комплексная механизация и автоматизация производственных процессов и управления с применением ЭВМ;

— электрификация производства, расширение и углубление сферы и методов применения электрической энергии в технологии производства металла;

— интенсификация и совершенствование технологических процессов на основе новейших достижений науки;

— создание новых технологических процессов и методов производства и соответствующих агрегатов и оборудования;

— совершенствование действующих и разработка новых методов и техники подготовки предметов труда к переработке (сырья, материалов, топлива и т.д.);

— разработка и совершенствование техники и методов повышения качества продукции и создание новых видов металлопродукции в целях повышения эффективности производства и потребления металла.

Характерными направлениями развития техники и всей производственной деятельности в черной металлургии КНР в ближайшей перспективе являются разработка и широкое внедрение технических, организационных и экономических мероприятий по повышению качества металла, созданию новых видов металлопродукции.

Эти мероприятия осуществляются по двум направлениям.

1.Улучшение качества выплавляемой стали (по химическому составу, физико-механическим свойствам и т.д.) и получению новых потребительских свойств (стойкость, надежность, долговечность службы и т.д.) в соответствии с новыми требованиями развивающейся техники.

2.Улучшение качественных характеристик проката методами термообработки, повышения точности геометрических размеров, создания новых экономичных профилей и т.д.

На первом направлении наиболее важными и распространенными в практике производства являются методы обработки стали синтетическими шлаками, плазменная и электроннолучевая плавки, расширение выплавки легированной и низколегированной стали вместо углеродистой, совершенствование традиционных способов производства.

Второе направление улучшения качества металлопродукции характеризуется большим разнообразием способов: термическим упрочнением проката из рядовых углеродистых сталей; повышением точности геометрических размеров проката; максимальным приближением профилей проката к конфигурации готовых изделий у потребителя и созданием новых профилей прокатной продукции, обеспечивающих экономию металла в сфере потребления; изменением структуры сортамента проката за счет непрерывного увеличения доли производства листового проката.

Так, определенное распространение в 10-й пятилетке получат методы упрочнения арматурной стали и листового проката специальной термической обработкой. Это способствует повышению механических характеристик металла, обеспечивает существенную экономию проката у потребителей и создает экономию затрат на изготовление изделий из термоупрочненного проката. Еще больший экономический эффект дает термомеханическая обработка проката, при которой затраты на производство увеличиваются незначительно, а экономия металла у потребителя достигает 40%.

Существенное развитие получит также производство следующей продукции:

— фасонных профилей высокой точности в связи с тем, что они почти не требуют у потребителя обработки, так как их размеры в максимальной мере приближаются к размерам ряда изготовляемых деталей (изделий). Почти безотходное производство изделий из этих профилей обусловливает существенное снижение эксплуатационных затрат на обработку и капиталовложений (за счет сокращения парка обрабатывающих станков);

— гнутых профилей вместо соответствующих сортовых горячекатаных. Производство гнутых профилей из листового металла на специальных гибочных машинах эффективно решает задачу удовлетворения соответствующих нужд хозяйства страны в данных профилях;

— облегченных профилей вместо обычных. Применение их в строительстве, сооружении ряда конструкций снижает массу последних без ухудшения эксплуатационных характеристик сооружений. Также увеличивают производство калиброванной стали, применение которой вместо горячекатаного проката позволяет экономить до 20% металла, снизить эксплуатационные и капитальные затраты в метизном производстве и металлообработке при изготовлении различных изделий;

— профилей промежуточных размеров сечения. Как показывают расчеты, производство ряда таких профилей может обеспечить экономию 5-10% металла и снижение приведенных затрат на 5-7%;

— более тонкого холоднокатаного трансформаторного листа вместо горячекатаного. Это объясняется тем, что происходит значительное снижение ваттных потерь (в 2-2,5 раза), уменьшение массы трансформатора (примерно на 10%), экономия дорогой медной проволоки (на 10%) и в конечном итоге значительно снижаются капитальные затраты в электроэнергетике;

— покрытие листового металла и труб различными материалами — цинком, оловом, алюминием, хромом, пластмассами, эмалями, лаками, красками, что позволяет заменить дорогостоящие коррозионные легированные стали или цветные металлы.

Значение работы по улучшению качества металлопродукции трудно переоценить. Уже в настоящее время в результате этого мероприятия потребности хозяйства страны в металле сократились на несколько млн. т., сэкономлены сотни миллионов юаней.

Повышение качества металлопродукции, расширение сортамента проката и создание его новых видов являются важнейшими задачами черной металлургии КНР в 10-й пятилетке.

---

1. Чжунго тунцзи няньцзянь. 2000. С. 114-415.
2. Там же. С. 408.
3. Жэньминь жибао. 2001. 28 февраля.
4. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1999. 27 февраля.
5. Там же. 2000. 4 января.
6. Там же. 2000. 22 декабря.
7. Там же. 2000. 28 июня.
8. Там же. 2000. 1 декабря.

Внешнеэкономическая стратегия стран Восточной Азии после финансового кризиса

© 2001

М. Потапов

Современный опыт Китая и других стран Восточной Азии[1] по реформированию своей экономической системы в ответ на вызовы глобализации и либерализации мировой экономики свидетельствует о том, что реализация идей абсолютной (неограниченной) открытости национального хозяйства делает экономику страны при резких изменениях конъюнктуры на мировом и региональных рынках легко подверженной кризисам. Основной целью государства в развивающихся экономиках на этапе их перехода к рыночному хозяйству становится, таким образом, формирование открытой экономической системы с эффективным внутренним механизмом контроля и саморегулирования, способной активно взаимодействовать с внешним миром, постепенно интегрируясь в него, и вместе с тем — противостоять кризисным явлениям в мировой экономике. Такая интеграция не исключает, а подразумевает взаимодействие, взаимозависимость, включая определенную адаптацию и страны, интегрирующейся в мировое экономическое сообщество, и самого международного сообщества по отношению к этой стране.

1. О причинах азиатского финансового кризиса

Нынешний период глобализации и усиления международных торговых и финансовых потоков, активизация интеграционных процессов и углубление открытости ряда национальных экономик сопровождается обострением кризисных явлений, замедляющих мировой экономический рост на международном и региональном уровнях[2]. Реализация мер в русле внешнеэкономической стратегии, направленной на переход к модели открытой экономики, продемонстрировала наличие серьезных недостатков, наглядно проявившихся в разразившемся во второй половине 1997 г. валютно-финансовом кризисе в ряде стран Восточной Азии: Республике Корея (РК), Таиланде, Индонезии, на Филиппинах и др. Основные проблемы, возникшие в этих странах, как представляется, были связаны с состоянием международной финансовой системы и государственной финансовой политикой, а более конкретно – с соотношением между шагами по либерализации рынка капитала, прежде всего в его краткосрочных формах, и сохранением экономического равновесия в обществе.

Сложившийся к 1997 г. в восточноазиатских странах дефицит платежного баланса в сравнении с мексиканским кризисом середины 90-х годов, на первый взгляд, не носил угрожающего характера. Он не свидетельствовал о плачевном положении дел в государственном кредитном секторе (потоки займов и кредитов в частный сектор), а внешние заимствования из частных источников использовалось не на потребление, а на инвестиции. Однако при более тщательном рассмотрении нетрудно было выделить ряд действовавших в тот период неблагоприятных факторов. Важнейший из них — низкое качество инвестиций: они шли преимущественно на обслуживание спекулятивной дея-

---

Потапов Максим Александрович, доктор экономических наук.

Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 01-02-00122а.

тельности, связанной с операциями с недвижимостью, ценными бумагами, а также на масштабные и неэффективные инфраструктурные проекты с участием громоздких государственных монополий.

К тому времени стала очевидной завышенность привязанных к доллару официальных валютных курсов восточноазиатских стран, что препятствовало расширению вывоза товаров и способствовало снижению валютных поступлений от товарного экспорта (см. Табл. 1)[3]. Данные процессы происходили на фоне сильной конкуренции со стороны Китая за привлечение предпринимательских инвестиций из Японии, США, стран Евросоюза и за выход на рынки этих стран со своей продукцией. Дело в том, что товарная структура китайского экспорта и асеановской "четверки" (Таиланд, Малайзия, Филиппины, Индонезия) практически совпадает, однако по стоимости рабочей силы китайцы имеют явное преимущество перед своими азиатскими партнерами.

Колебания валютных курсов не могли не затронуть региональную торговлю и инвестиции. В Таиланде и РК в результате снижения курса национальных валют резко сократились экспортные цены, что привело к увеличению экспорта промышленной продукции. Экспорт продукции первичной степени переработки увеличился в Малайзии и Индонезии, возрос и в целом вывоз товаров из других восточноазиатских стран. Промышленное производство в этих странах в очень высокой степени зависит от импортируемых частей и материалов, цены на которые в 1997-1998 гг. увеличились в результате обесценения валют. Это обесценение привело не только к увеличению импортных цен на промышленные материалы, но также вызвало рост внутренних цен, что отрицательно сказалось на экспорте. Более того, снижение темпов роста национальной экономики привело к демпингу импорта, в результате чего во многих странах увеличился дефицит торгового баланса. С другой стороны, экспорт из Китая и Гонконга, которые сохранили неизменными курсы своих валют и экспортные цены, резко сократился. Депрессионные тенденции в странах региона привели к обострению противоречий среди азиатских экспортеров.

В период экономического роста, предшествовавшего азиатскому кризису, страны Восточной Азии широко пользовались преимуществами сильного экспортного и инвестиционного цикла: экспорт вел к росту, а перспектива резкого экономического роста способствовала расширению капиталовложений и повышению конкурентоспособности стран. Затем на смену этому циклу пришел цикл резко сокращающегося экспорта, не способствовавшего расширению инвестиций, и, соответственно, сокращение капиталовложений вело к дальнейшему сокращению экспорта, депрессия распространялась на весь регион и вызывала падение экспортных цен, что вместе с сократившимся потреблением и неопределенными экономическими перспективами снизило спрос и ограничило капиталовложения для развития. Отдельные страны всеми усилиями пытались выбраться из этой "ловушки", однако для этого требовалось еще стимулирующее воздействие внешнего спроса в сочетании со стабильностью валюты и восстановлением функционирования финансовой системы.

Можно было бы предположить, что девальвация валют даст толчок быстрому развитию традиционных экспортных секторов и замедлит развитие тех экспортных отраслей, в которых широко используются импортные части и комплектующие узлы. Однако общее повышение уровня цен на внутренних рынках, обусловленное девальвацией валют и стремительным ростом издержек предприятий, затормозило развитие даже традиционного экспорта в кризисных странах. Кроме того, повышение процентных ставок и нехватка капитала усложнили получение экспортных кредитов. В результате в 1998 г. в большинстве пострадавших от кризиса стран произошло снижение уровня экспорта и импорта (см. Табл. 3-4).

Таким образом, несмотря на резкое падение курса национальных валют, объем экспорта увеличился не столь значительно, чтобы компенсировать

спад спроса на внутреннем рынке. Доходы от экспорта в странах, пострадавших от кризиса, в 1998 г. сократились. Рост экспорта ограничивали приостановка коммерческого кредитования и полное отсутствие средств для импорта необходимых ресурсов. На сокращение экспортных возможностей повлияло также уменьшение емкости региональных рынков, являющихся для стран Восточной Азии главным источником внешнего спроса. Эти проблемы усугублялись экономическим спадом в Японии.

Страны и территории, имевшие более гибкие финансовые системы и располагавшие достаточными резервами (КНР, Сингапур, Гонконг, Тайвань), сумели противостоять воздействию кризиса на первоначальном этапе, но и они не смогли избежать снижения темпов экономического роста, после того как стали давать о себе знать торговые и инвестиционные последствия кризиса. Негативно сказалось на их развитии и резкое снижение курса акций на фондовых биржах, что привело к значительным материальным потерям, спекулятивному давлению на национальные валюты и необходимости поддерживать относительно высокие процентные ставки.

Так, отрицательное воздействие азиатского кризиса проявилось на динамике экономических показателей Гонконга в 1997-1998 гг. Гонконгский доллар периодически испытывал масштабное спекулятивное давление. Курсы акций и цены на недвижимость резко упали. Для защиты валюты были радикально увеличены процентные ставки. Хотя обменный курс сохранился на прежнем уровне, объем ВВП Гонконга в 1998 г. снизился на 5,1%. Резко сократились также показатели инвестиций, личного потребления, увеличилась безработица, на 7,5% снизился объем экспорта (см. Табл. 2-3).

Что касается влияния девальвации юаня (1994) на обострение конкуренции КНР с восточноазиатскими странами на мировом рынке, то ее реальный показатель с учетом параллельного курса на черном рынке и объема "теневых" операций, а также инфляции в первой половине 90-х годов, был невелик и, по оценке М.Голддстейна из Вашингтонского института международной экономики, составил лишь 7%[4]. В последующие после девальвации годы реальный курс юаня неуклонно повышался (в 1994-1996 гг. юань подорожал по отношению к доллару, соответственно, на 2,9, 1,5, и 0,3%), и с этой точки зрения говорить о существенной роли китайского валютного "рычага" давления на страны Восточной Азии в этот период не приходится. В этой связи скорее уж стоит упомянуть девальвацию японской иены по отношению к доллару в 1995-1997 гг. При этом, стоит подчеркнуть, что хотя конкуренция между КНР и ее соседями по региону на мировом рынке сама по себе и не могла послужить первопричиной кризиса в восточноазиатских странах, однако она создала для них неблагоприятную внешнюю обстановку[5].

Наконец, в число неблагоприятных факторов следует добавить трудности перепроизводства в ряде экспортных отраслей промышленности стран региона (автомобильной, компьютерной, сталелитейной, пищевой и др.) и активизацию протекционистской политики западных стран в ответ на экспортную экспансию асеановцев.

Вместе с тем, надо иметь в виду, что восточноазиатские страны до кризиса имели хорошие экономические предпосылки для быстрого роста — высокую норму накопления, трудолюбие населения и предпринимательскую активность. Поэтому многие из них за сравнительно короткий период времени успешно расширили производство и экспорт трудоемкой продукции. Правда, их производство во многом основывалось на использовании импортных комплектующих и материалов, что в свою очередь сделало экономику этих стран уязвимой для валютной нестабильности и частых дефицитов платежного баланса по текущим операциям. Стремясь к замещению такой импортной продукции, страны Восточной Азии добились значительных успехов в углублении индустриализации. Причем это было вызвано не нехваткой капитала, а недостаточной

способностью внедрения технологий и дефицитом квалифицированных кадров. Такой структурный изъян рано или поздно приостановил бы восточноазиатское чудо, даже если бы валютного кризиса не произошло.

Первопричина же кризисных явлений в восточноазиатских странах, по нашему мнению, крылась не в резко возросших объемах краткосрочной задолженности по частным обязательствам. Дело в том, что в благополучный предкризисный период (1993-1996) не наблюдалось резких изменений в динамике этого показателя (см. Табл.1). Определяющую негативную роль сыграли слабость и уязвимость финансового сектора экономики стран региона, а проводившаяся в них в эти годы быстрая и непродуманная либерализация операций по "капитальным счетам", отражающим движение капиталов (приток зарубежных прямых и портфельных инвестиций, займов и кредитов и т.п.), усугубила ситуацию. Снятие ограничений в этой области объективно, конечно, служит открытию экономики и стимулирует сотрудничество с внешним миром, однако одновременно в страну увеличивается приток рискового капитала. Ошибка правительств азиатских стран состояла в том, что они вовремя не воспрепятствовали избыточным рисковым операциям на своем финансовом рынке в условиях либерализации движения капитала по капитальным счетам.

Опыт развития ситуации в восточноазиатских экономиках позволяет сделать вывод о том, что либерализация финансовых потоков должна проводиться под контролем правительства, постепенно и последовательно, при одновременном содействии расширению притока прямых иностранных инвестиций. Предварительно, до снятия ограничений на операции по капитальным счетам, должны быть проведены внутренние финансовые реформы, созданы механизмы регулирования, предусматривающие разработку процедур в отношении рисковой задолженности, создание резервов на случай их непогашения. Первые шаги по либерализации следует проводить в отношении движения долгосрочного капитала и лишь затем "освобождать" краткосрочные инвестиционные потоки. Темпы реформ необходимо определять с учетом возможностей политической и экономической системы каждой страны, приспосабливаясь к новым условиям и сохраняя социальную стабильность. Важно также осуществлять надлежащий надзор за деятельностью банков и других финансовых учреждений, тщательно следить за валютными курсами и корректировать, в случае необходимости, политику их регулирования.

Таблица 1

Динамика экспорта и краткосрочной частной задолженности стран Восточной Азии в 90-х годах

	Среднегодовые темпы роста экспорта			Доля краткосрочной частной задолженности в общем объеме негосударственного внешнего долга			
	1993-1995	1996	1997*	1992	1994	1996	1997*
Таиланд	20,1%	-1,2%	2,3%	69,0%	71,0%	65,2%	65,7%
Республика Корея	18,1%	4,2%	0,3%	48,1%	48,8%	50,3%	56,4%
Малайзия	21,9%	6,2%	3,2%	45,7%	47,4%	58,2%	58,8%
Индонезия	10,2%	9,7%	8,9%	60,5%	61,8%	61,7%	59,0%
Филиппины	21,7%	16,7%	24,0%	71,4%	71,1%	67,5%	67,9%

* данные рассчитаны, исходя из первой половины 1997 года

Источники: *данные Секретариата ООН и ЭСКАТО, МВФ, АзБР и Банка международных расчетов.*

Выбирая между политикой "привязанного" (искусственно поддерживаемого) к другой валюте или независимого валютного курса, трудно однозначно оценить воздействие "привязанного", например к доллару, национального курса на привлечение краткосрочного капитала в период экономического роста и увеличения экспорта. Можно, однако, отметить, что большая часть валютно-финансовых кризисов в 80-90-е годы происходили в странах, практикующих гибкий (плавающий) валютный курс[6]. Вместе с тем поддержание фиксированных обменных курсов, безусловно, требует значительного объема валютных резервов и сопряжено с определенными издержками. Все же, думается, в условиях развитой рыночной экономики более целесообразно придерживаться гибкого валютного режима, с тем чтобы не допускать необоснованного отклонения курса, а при наличии диверсифицированной структуры торговли курс национальной валюты предпочтительнее устанавливать на основе корзины валют, нежели путем привязки к одной валюте.

2. Воздействие азиатского финансового кризиса на китайскую экономику

Азиатский финансовый кризис оказал негативное воздействие даже на те страны и территории региона, которые не испытывали проблем с платежным балансом и располагали значительными валютными резервами, — Китай, его Специальный административный район Гонконг, а также Тайвань и Сингапур.

Так, из-за снижения импортного спроса восточноазиатских стран и девальвации их валют рост китайского экспорта столкнулся в 1998 г. с определенными трудностями. При этом, несмотря на некоторое замедление темпов роста ВВП в 1997-1999 гг. на 1,7 проц. пункта (8,8% в 1997 г., 7,8% в 1998 г. и 7,1% в 1999 г.), главным образом вследствие ослабления экспортных потоков, экономический рост Китая продолжал оставаться высоким[7]. Сильные внешнеэкономические позиции КНР, стабильность юаня, внушительный объем валютных резервов (154,7 млрд.долл. к концу 1999 г.) и достаточно продуманная экономическая политика позволили поддерживать экономический рост в КНР в этот период на уровне 7-8% (см. Табл.2). Во внешнеэкономической сфере у Китая существуют, однако, и факторы, сдерживавшие последние два-три года динамичное развитие экономики: замедление темпов роста экспорта и притока иностранных инвестиций (правда, это относилось больше не к фактически освоенным, а к заявленным инвестициям по соглашениям).

Огромное внимание в Китае после 1997 г. стали уделять вопросам обеспечения стабильности финансового сектора национальной экономики. Пекинское руководство прилагало максимальные усилия для защиты экономики страны от последствий региональных потрясений. В целях нераспространения финансового кризиса на материковую часть страны и Гонконг и поддержания стабильного экономического роста Народным Банком Китая (НБК) были определены следующие приоритеты в его текущей деятельности. На первый план выдвинуто усиление макроэкономического контроля в области валютно-финансового регулирования, ужесточение кредитной политики. Эти задачи включены в функции созданного при НБК комитета по денежной политике, призванного разрабатывать основы денежно-кредитной политики и предлагать правительству меры по ограждению национальной финансовой системы от конъюнктурных колебаний на международном финансовом рынке. Далее, на повестку дня были выдвинуты задачи упорядочения и начала поэтапного осуществления мероприятий по либерализации финансового рынка с целью достижения свободной конвертируемости национальной валюты в соответствии с требованиями ВТО. Эти мероприятия предусматривают постепенное и осторожное снятие ограничений на допуск иностранного капитала в банковскую,

страховую и фондовую сферы, выдачу в экспериментальном порядке разрешений зарубежным финансовым учреждениям на операции с юанями в отдельных районах страны и т.д. Не менее важным стало понимание со стороны китайских властей необходимости сохранения на обозримую перспективу жесткого контроля за движением средств на капитальных счетах.

В этой связи не вызвала удивления уверенность китайских властей в способности гонконгского доллара эффективно противостоять внешнему "кризисному натиску". Гарантией тому послужили как значительные валютные резервы самого Гонконга (88 млрд.долл.), так и средства специально созданного резервного фонда НБК для стабилизации гонконгского доллара (около 40 млрд.долл.). В конечном счете Гонконг справился с последствиями азиатского кризиса в значительной степени при помощи материкового Китая, чьи огромные валютные запасы были брошены на удержание курса гонконгского доллара, в том числе для крупных покупок партий ценных бумаг на гонконгском фондовом рынке после обвального падения курса акций[8].

Анализируя причины устойчивости юаня на фоне разгоревшегося финансового кризиса в Азии в 1997-1998 гг., прежде всего следует отметить стабильно высокие темпы экономического роста и успешное подавление инфляции в КНР. Устойчивость платежного баланса Китая объяснялось эффективным использованием (40-45 млрд.долл. ежегодно) и благоприятной структурой иностранных предпринимательских капиталовложений, а также поддержанием стабильного положительного сальдо во внешней торговле, чему способствовало облагораживание структуры экспорта и импорта (почти 90% китайского экспорта составляет готовая промышленная продукция). Сальдо платежного баланса по текущим операциям было также положительным и оценивалось в 1996-1997 гг., соответственно, в 1% и 2,5% ВНП[9]. Хотя КНР и являлась на начало 1997 г. одним из крупнейших мировых должников (116,3 млрд.долл. внешней задолженности при ежегодных выплатах по обслуживанию долга около 20 млрд.долл.), ее внушительные валютные резервы (около 145 млрд.долл. к началу 1998 г.), благоприятная структура займов (88% которых — средне- и долгосрочные), стабильность валютного курса позволяли оптимистично оценивать валютно-финансовое положение страны.

Интересным для анализа представляется валютная политика китайского правительства в отношении юаня. Китайский юань является одной из наиболее стабильных азиатских валют. После отмены системы двойного обменного курса в начале 1994 г., когда юань был девальвирован примерно на 40%, единый курс установился на уровне 8,3-8,4 юаня за доллар США, и остается на этой отметке до сегодняшнего дня, несмотря на бушевавшие в последние годы валютные "бури" в соседних по региону странах. То, что обменный курс черного рынка практически соответствует биржевому, свидетельствует о достаточно рациональном механизме определения официального валютного курса в КНР.

Помимо отмеченной нами крепкой экономической базы, стабильность юаня в 1997-1998 гг. также объяснялась ограниченным доступом зарубежных финансовых структур на китайский фондовый и валютный рынок. Главное препятствие заключалось в том, что юань не является свободно конвертируемой валютой. Конвертируемость юаня по текущим операциям, о которой было объявлено в конце 1996 г., не предусматривало форсированный переход к свободной обратимости по капитальным счетам[10].

Операции с иностранной валютой являются в Китае объектом жесткого государственного контроля. Действует запрет на скупку и продажу валюты частными лицами. За исключением ряда крупных предприятий, вся валютная выручка, полученная от реализации продукции китайских компаний за рубежом, обменивается уполномоченными государственными банками на юани. К этому следует добавить, что процентные ставки по вкладам во второй полови-

не 90-х годов снижались трижды, что существенно уменьшило привлекательность китайского рынка для краткосрочных инвестиций.

Таким образом, высокие темпы экономического роста, низкая инфляция и ограниченные возможности инвестирования иностранной валюты внутри страны (только 5% своих сбережений китайцы держат в свободно конвертируемой валюте) сформировали факторы, противодействовавшие естественному снижению обменного курса юаня. Вследствие близости товарной номенклатуры экспорта с восточноазиатскими странами по многим позициям (одежда, бытовая электроника и др.), произошедшая на их рынках девальвация национальных валют создала серьезные проблемы для внешней торговли КНР. В этой связи ряд китайских экспертов предлагали провести ответное снижение курса юаня, чтобы уменьшить издержки и повысить конкурентоспособность китайской продукции за рубежом. Однако правительство КНР не сочло необходимым в сложившихся условиях идти на девальвацию юаня. Причина тому, на наш взгляд, заключалась в том, что чистый эффект от снижения курса был не столь уж очевиден. Такое снижение могло ударить по Гонконгу, а преждевременная девальвация могла ухудшить позиции Китая на мировом рынке.

Одновременно Госсовет КНР поддержал своих экспортеров. Косвенной мерой в этом отношении стала выдача новых льгот для предприятий с иностранными инвестициями, на которых приходится более 40% экспортной продукции страны. Начиная с 1998 года предприятия этой категории, занимающиеся производством высокотехнологичной продукции, освобождаются от уплаты импортных таможенных пошлин. В ряде других приоритетных отраслей импортные таможенные пошлины для предприятий с иностранным участием были сокращены наполовину.

Итак, анализ экономического и валютно-финансового положения КНР позволяет говорить о стабильности ее национальной валюты и о том, что последствия азиатского кризиса Китаю удалось свести к минимуму. Немаловажно и то, что КНР сохраняет сравнительную привлекательность для зарубежных инвесторов, и этот фактор позволяет Пекину достаточно уверенно противодействовать будущим возможным кризисам региональных валют. Однако ускорение интеграционных процессов в АТР, усиливая взаимозависимость стран региона, требует больших усилий в деле обеспечения финансово-экономической безопасности страны. Сохраняются и серьезные внутренние проблемы, требующие кардинальных решений, — прежде всего реформирование государственных предприятий в целях оживления их деятельности, повышения эффективности работы и их платежеспособности по банковским кредитам[11]. Не будучи разрешенной, эта проблема способна надолго затормозить столь успешное на протяжении последних десятилетий экономическое развитие Китая.

3. Преодоление последствий финансового кризиса странами Восточной Азии

Финансовый кризис, разразившийся в странах Восточной Азии, оказался более глубоким и затяжным, чем поначалу ожидалось специалистами. Он привел к длительному спаду и сокращению темпов роста в большинстве стран региона в 1997-1998 гг.

По оценкам экспертов Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), в результате комплекса энергичных внутренних и международных мер уже на исходе 1998 г. удалось преодолеть нижнюю точку кризиса и вплотную приблизиться к траектории поступательного экономического развития. Благодаря политике стабилизации валютного курса, снижения процентных ставок, сокращения государственных расходов, улучшения положения с платежными балансами, увеличения объема валютных ре-

зервов и проведения реформ в финансовом секторе в 1999 г. в странах региона спад сменился оживлением, а в 2000 г. — полноценным экономическим ростом.

По данным Секретариата ЭСКАТО, в 1999 г. рост ВВП стран Юго-Восточной Азии составил 3,4% (в 1998 г. в этом регионе был зафиксирован спад в 6,2%), в 2000 г. — 5,9%, а в экономике стран Восточной и Северо-Восточной Азии (КНР, Республика Корея, а также Гонконг и Тайвань), соответственно, в 1999 г. — рост в 7,6% (в 1998 г. этот показатель был равен 1,5%), а в 2000 г. — 8,2%. Общий же показатель экономического роста развивающихся экономик региона ЭСКАТО, куда входят, за исключением среднеазиатских республик бывшего СССР, 25 стран и территорий, в 1999 г. составил 6,1% после 0,2%, зафиксированного годом ранее, и 7,1% в 2000 г[12]. Максимальные темпы роста в 1999 г. были достигнуты в Республике Корея (10,7%), КНР (7,1%), в Малайзии, Сингапуре, Таиланде, на Филипиннах — от 3 до 5%. Наименьшие темпы роста в том же году наблюдались в Индонезии — 0,2% (в 2000 г. — 4,4%) (см. Табл.2). Восстановились и внешнеторговые показатели восточноазиатских стран. В 1999 г. падение экспорта и импорта было зафиксировано только у Гонконга и Индонезии, но уже к 2000 г. рост экспорта у всех стран региона исчислялся двузначными числами (см. Табл.3-4). Лидирующее положение в области экспорта занимали электронная промышленность и производство комплектующих изделий для электронной техники, крупным поставщиком которой являлась Восточная Азия.

Экономическому росту в регионе способствовали как внешние, так и внутренние факторы. Среди внешних факторов — рост мировой торговли, объем которой увеличился в 2000 г. на 10%, что позволило многим странам региона существенно нарастить свой экспорт и придать дополнительную динамику внутрирегиональной и внутриотраслевой торговле, которая почти достигла докризисного уровня. К внутренним факторам, обеспечившим рост производства, можно отнести снижение процентных ставок и сохранение налоговых льгот для национальных производителей. Кроме того, слабость валютных курсов и более эффективное использование производственных мощностей способствовали повышению конкурентоспособности производимой продукции и стимулировали рост экспорта.

Таблица 2.

Среднегодовые темпы роста ВВП стран и территорий Восточной Азии в 1997-2001 гг.

Страны и территории	1997	1998	1999	2000	2001 (прогноз)
Япония	1,6%	-2,5%	0,2%	1,6%	2,0%
КНР	8,8%	7,8%	7,1%	8,0%	7,8%
Гонконг (КНР)	5,0%	-5,1%	3,0%	9,7%	6,1%
Республика Корея	5,0%	-6,7%	10,7%	9,2%	5,1%
Сингапур	8,4%	0,4%	5,4%	10,1%	6,3%
Таиланд	-1,7%	-10,2%	4,2%	4,5%	4,6%
Малайзия	7,5%	-7,5%	5,4%	8,2%	7,0%
Индонезия	4,7%	-13,2%	0,2%	4,4%	5,0%
Филиппины	5,2%	-0,6%	3,3%	3,7%	3,4%
Развивающиеся страны региона ЭСКАТО		0,2%	6,1%	7,1%	6,0%

Источник: *ESCAP Economic and Social Survey of Asia and the Pacific-2001. N.Y., 2001. P. 4, 22, 88, 103.*

Первоначальные антикризисные меры в восточноазиатских странах, переживших экономический спад, включали жесткую кредитно-денежную политику (в частности были резко увеличены процентные ставки) и ограничительную финансово-бюджетную политику. Если кредитно-денежная политика была направлена на приостановку оттока капитала, восстановление международного доверия и стабилизацию обменного курса, то финансово-бюджетная политика преследовала цель сокращения дефицита платежного баланса по текущим операциям, восстановления резервов иностранной валюты и финансирования антикризисных мер, в том числе по реструктуризации банковской системы. Эти меры, хотя и были поддержаны международными финансовыми учреждениями, потребовали мобилизации значительных финансовых средств: объем первоначального пакета совокупной финансовой помощи Индонезии, РК и Таиланду составил беспрецедентную сумму в 111,7 млрд. долл.[13].

Однако эти меры не смогли остановить панику и прекратить отток капитала, снижение обменного курса и ухудшение ситуации на финансовых рынках. На состояние рынка негативно повлияла затянувшаяся в ряде стран региона реструктуризация финансовой системы и политическая нестабильность. Со второй половины 1998 г. в большинстве стран Восточной Азии была смягчена кредитно-денежная и финансово-бюджетная политика. По мере стабилизации обменных курсов в ряде стран были снижены процентные ставки, увеличены бюджетные расходы в целях активизации внутреннего спроса, началось экономическое оживление.

Экономическое оживление восточноазиатских стран подкрепилось восстановлением темпов роста их экспорта в 1999-2000 гг., которое, в свою очередь, стало основным фактором экономического роста в странах Восточной Азии (см. Табл.2-3). Рост экспорта обеспечивался сильным внешним спросом со стороны развитых стран, и восстановлением региональной торговли по мере оживления внутреннего спроса. Положительную роль сыграл бурный рост мирового спроса на продукцию электронной промышленности в условиях устойчивого роста информационно-коммуникационных отраслей экономики в развитых странах и реализации мер по решению компьютерной "проблемы 2000 года".

Сочетание политики стимулирования экономического роста и увеличения экспорта помогло повысить загрузку производственных мощностей, стимулировать внутреннее потребление, свидетельством чего стало увеличение импорта (см. Табл.4). Возрос и приток частного иностранного капитала в регион в форме прямых инвестиций посредством приобретений иностранными субъектами местных компаний, переживавших финансовые трудности.

Столь благоприятная динамика развития региона в конце 90-х годов вполне способна, на наш взгляд, восстановить его инвестиционную привлекательность и свидетельствует о правильно выбранных "лекарствах" и "методах лечения". Здесь, однако, виден заметный разброс в их оценках: от подчеркнуто послушного следования болезненным предписаниям МВФ (Республика Корея) до резкого неприятия самой философии финансовой и торгово-экономической либерализации национальных экономик (Индонезия), делающей их уязвимыми для "международных финансовых спекулянтов".

Таблица 3.

Среднегодовые темпы роста экспорта стран и территорий Восточной Азии в 1997-2000 гг.

Страны и территории	1997	1998	1999	2000 (январь-август)
КНР	21,0%	0,4%	6,3%	32,9%*
Гонконг (КНР)	4,0%	-7,5%	-0,1%	17,6%*
Республика Корея	5,0%	-2,8%	9,4%	26,2%*
Сингапур	0,0%	-12,1%	4,4%	22,7%
Таиланд	3,0%	-5,1%	7,3%	21,5%
Малайзия	0,5%	-6,9%	15,2%	19,2%**
Индонезия	7,3%	-8,6%	-0,4%	35,9%**
Филиппины	21,9%	18,2%	24,3%	15,1%

*за январь-сентябрь 2000 г.
**за январь-апрель 2000 г.

Источник: *ESCAP Economic and Social Survey of Asia and the Pacific-2001. N.Y., 2001. P. 93, 107.*

Конечно, приведенные показатели нынешней экономической ситуации в регионе еще не позволяют в полной мере говорить о преодолении кризиса. Его последствия при сохранении набора внутренних и внешних рисков еще долго будут осложнять социально-экономическое положение стран региона. Наметившийся подъем не следует, на наш взгляд, считать необратимым, поскольку во многом он базируется на внешней финансовой поддержке и расширении экспорта в нерегиональные страны (США, страны ЕС) и обусловлен фискальным стимулированием и слабостью национальных валют, а не сильной международной конкурентоспособностью стран. Обеспечению устойчивости восстановления экономики по-прежнему мешают сохраняющееся бремя просроченных кредитов в банковском секторе, отсутствие прогресса в реструктуризации задолженности и т.д.

Таблица 4.

Среднегодовые темпы роста импорта стран и территорий Восточной Азии в 1997-2000 гг.

Страны и территории	1997	1998	1999	2000 (январь-август)
КНР	2,3%	-1,3%	18,2%	38,7%*
Гонконг (КНР)	5,1%	-11,6%	-2,7%	1,0%*
Республика Корея	-3,8%	-35,5%	28,4%	41,5%*
Сингапур	0,8%	-20,9%	6,1%	22,5%
Таиланд	-13,1%	-31,6%	17,2%	26,2%
Малайзия	0,8%	-26,2%	11,4%	31,3%**
Индонезия	-2,9%	-34,4%	-12,2%	15,8%**
Филиппины	13,2%	-18,5%	3,4%	2,5%

*за январь-сентябрь 2000 г.
**за январь-апрель 2000 г.

Источник: *ESCAP Economic and Social Survey of Asia and the Pacific-2001. N.Y., 2001. P. .93, 107.*

Анализ процесса преодоления кризиса восточноазиатскими странами позволяет говорить о том, что предоставление в надлежащем объеме международных ликвидных средств с целью пополнения резервов, наряду с введением валютного контроля и замораживанием долговых обязательств и пролонгацией сроков их погашения, явилось бы более эффективным средством, чем предпринятая на первоначальном этапе политика высоких процентных ставок. Борьба с кризисными явлениями путем ужесточения денежно-кредитной политики усилила воздействие валютного кризиса на финансовый и корпоративный секторы экономики и подавляла производство и занятость. Курсы валют стабилизировались не в результате повышения процентных ставок, а вследствие накопления резервов за счет массированного сокращения импорта и уменьшения объема иностранных требований в результате пересмотра сроков погашения задолженности, а также введения контроля за движением капиталов.

Темпы оживления экономики, таким образом, во многом зависели от политики, которая пришла на смену первоначальному курсу на ужесточение фискальной денежно-кредитной политики. Реакция восточноазиатских экономик на ее ослабление показало, что первоначальные меры были излишне жесткими, после отказа от политики жесткой экономики темпы роста стали стремительно возвращаться к прежнему докризисному уровню.

Следует также отметить, что высокие темпы оживления не были обусловлены устранением структурных недостатков. К тому же курс на повышение процентных ставок, несмотря на его последующую отмену, привел к серьезным перекосам в корпоративном и финансовом секторах, усугубив структурные недостатки. С другой стороны, кризис продемонстрировал высокую уязвимость региона Восточной Азии из-за чрезмерной зависимости его экономического роста от зарубежных рынков и капитала.

Дальнейший же рост экспорта восточноазиатских стран на основе девальвации национальных валют представляется не столь уж очевидным. Внимательный анализ динамики развития торговли стран региона показывает, что улучшение состояния их платежного баланса по текущим операциям во второй половине 90-х годов связано преимущественно с сокращением импорта вследствие сжатия внутреннего спроса и роста цен, выраженных в национальной валюте, на ввозимые из-за рубежа, прежде всего сырьевые товары. Показатели же экспорта в рассматриваемых нами странах фактически не изменились, если учитывать тот факт, что рост его физического объема был скомпенсирован снижением товарных цен, прежде всего на традиционные сырьевые товары. Технически передовые экспортные сектора, использующие импортные узлы и комплектующие, в результате их удорожания значительно пострадали. Свой вклад в нейтрализацию преимуществ девальвации национальных валют внесли также инфляция и увеличение стоимости кредита.

Азиатский финансовый кризис, затронувший экономики восточноазиатских стран и территорий, на которые приходится до четверти международного товарооборота, привел к видоизменению картины мировой торговли. Резкое (до 40%) падение импорта стран Восточной Азии в 1997-1998 гг., являющихся крупнейшими мировыми покупателями металлов, энергоресурсов и продовольственного сырья, способствовало значительному снижению мировых цен на сырьевые товары (цены на нефть, к примеру, упали в 1998 г. на 30% по сравнению с предыдущим годом). Это не могло не отразится на показателях эффективности экспорта рассматриваемых нами стран, практикующих экспортно-ориентированную модель экономического роста. Естественным в этой связи выглядит вполне вероятное смещение акцентов в экономической политике азиатских новых индустриальных стран с количественных на качественные показатели роста с определенной коррекцией неоиндустриальной модели развития[14].

Большое значение для экономических перспектив стран региона имеет динамика экономического роста в США, которые являются его важнейшим рынком, и уровень экономического подъема в Японии. Значение американского фактора особенно велико, вследствие того что в период кризиса и после него экспорт большинства восточноазиатских стран был переориентирован с Японии на США. Любое резкое ухудшение положения в США и замедление в развитии Японии неизбежно окажут негативное влияние на экономический рост в регионе, что будет иметь прямые последствия в виде сокращения спроса на экспорт и косвенные — в виде понижения цен на все сырьевые товары и готовую продукцию, в частности электронной промышленности.

Другим источником беспокойства и неопределенности являются мировые цены на нефть, которые стабилизировались в 1999-2000 гг. на относительно высоком уровне, более чем в два раза превысив уровень 1998 г. Рост цены на нефть в 2000 г. вызвал инвестиционные колебания в регионе. Любое дальнейшее их повышение, вероятнее всего, станет сильным ударом для стран-импортеров нефти и негативно скажется на уровне инфляции и потребительском спросе.

С учетом всех этих факторов можно согласиться с прогнозом специалистов ЭСКАТО о некотором снижении темпов прироста ВВП в странах Восточной Азии в 2001 г. на 1 проц. пункт, до 6,0% (см. Табл.2).

Азиатский финансовый кризис в условиях потери доверия инвесторов к "формирующимся рынкам" способен, по нашим оценкам, усилить конкуренцию среди стран региона за внешние рынки и иностранные инвестиции, что может отразиться и на интеграционных процессах. На фоне экономических последствий следует ожидать усиление протекционистских настроений восточноазиатских развивающихся стран в противовес активно поддерживаемому США и транснациональным бизнесом курсу на либерализацию международных торговых и инвестиционных потоков.

Проведенный анализ позволяет, по нашему мнению, сделать вывод о том, что страны региона не исчерпали свой потенциал, успешно преодолевают кризис и постепенно восстанавливают утраченные за последние годы темпы экономического роста. Данный рост, однако, нельзя признать устойчивым вследствие недостаточной международный конкурентоспособности государств в современных условиях глобализации и формирования "новой экономики".

В принципе, тенденции дальнейшего развития азиатского регионального и межрегионального сотрудничества, а также возможности преодоления последствий финансового кризиса будут в значительной мере зависеть от того, насколько страны Восточной Азии смогут самостоятельно формировать свою экономическую политику, исходя из национальных интересов, использовать внутренние ресурсы и потенциал региональной кооперации, экспортные возможности, общеэкономическую и геополитическую ситуацию в мире.

4. Новая внешнеэкономическая стратегия восточноазиатских стран в свете уроков кризиса

Итак, непосредственной, коренной причиной финансового кризиса в восточноазиатских странах в 1997-1998 гг. явилась непродуманная форсированная либерализация финансовых операций, приведшая, на фоне падения экспорта и чрезмерных краткосрочных заимствований, к значительному дефициту платежного баланса. Уроки азиатского кризиса убедительно говорят о том, что импортные потребности должны финансироваться экспортными доходами, а не краткосрочными кредитами. В этой связи на первый план выходят задачи технологического роста, повышения качества товаров и людских ресур-

сов, национального компонента в добавленной стоимости перерабатываемой экспортной продукции.

Чрезмерная зависимость от притока капитала, особенно от портфельных инвестиций и краткосрочных банковских кредитов, чревата ухудшением состояния платежного баланса. В этой связи важно, чтобы привлекающийся капитал направлялся преимущественно на цели производительных инвестиций, а не на цели потребления или низкопроизводительных капиталовложений. В области финансов необходимо не дерегулирование и ослабление контроля, а институциональная реформа, способная обеспечить более эффективное прогнозирование и контроль за финансовыми рынками. Как этого достичь — среди международных экспертов пока нет единого мнения. Общий вывод, как представляется, состоит в том, что необходима осторожность и постепенность, баланс сдерживающей и стимулирующей политики. Винить во всем олигархический капитал, сросшийся с властью, было бы упрощением. Ведь главный вопрос заключается не в том, кто является субъектом долговых отношений, а насколько эффективно используются заемные средства.

Кризисы наглядно показали, что неконтролируемые потоки капитала оказывают разрушительное воздействие на экономику стран со слабой, плохо регулируемой финансовой системой, и на компании, для которых характерны диспропорции между показателями заемного и собственного капитала. Наряду с основными индикаторами экономического положения страны — ростом ВНП и уровнем инфляции — следует уделять особое внимание показателю состояния платежного баланса как по текущим операциям, так и по движению капиталов и кредитов, соотношению краткосрочной задолженности и объема золотовалютных резервов. Конечно, допустим и дефицит платежного баланса в том случае, если он обеспечивается прямыми инвестициями в экономику, стабильными валютными резервами и доходами государственного бюджета, гарантирующими устойчивость экономики к спекулятивным атакам на мировых финансовых рынках.

Последние события в странах Восточной Азии стали сигналом назревшей необходимости реформирования деятельности существующих международных финансовых организаций с целью достижения большей гибкости и упорядоченности в предоставлении кредитов, реструктуризации частной задолженности, выработки стандартов контроля и т.д. Какова будет конкретная структура мировой финансовой системы — покажет будущее.

В настоящее время активно обсуждается применение механизмов региональных сетей покупки и выкупа валют для борьбы с кризисами в будущем. Чиангмайская инициатива — соглашение между государствами-членами АСЕАН, КНР, Японией и РК о сотрудничестве в отражении спекулятивных наступлений на валюты друг друга — не предусматривает непосредственного учреждения Азиатского валютного фонда, но позволила привести в действие процесс создания резервов, из которых центральные банки могли бы черпать средства для отражения спекулятивных наступлений. Страны-участницы Чиангмайского соглашения договорились, таким образом, о создании расширенной региональной системы валютных свопов и сети двусторонних соглашений о валютных своп-операциях, которые будут использоваться странами, испытывающими временную нехватку ликвидных средств, что уменьшит их зависимость от неустойчивых условий торговли.

Чиангмайская инициатива имеет, на наш взгляд, важное значение и, возможно, станет предвестницей создания Азиатского валютного фонда. Интересно в этой связи отметить, что региональное азиатское сотрудничество в валютной сфере проходит более высокими темпами, чем в сфере торговли, в то время как в рамках других региональных механизмов, например Европейского

Союза, все происходило наоборот: сначала был установлен таможенный союз, и только потом проведена валютная интеграция.

В целом же проблемы, переживаемые группой новых индустриальных стран Восточной Азии, заставляют более реалистично оценивать механизм достижения результатов "азиатского экономического чуда", ни в коей мере не перечеркивая положительный опыт их экономического развития, позволивший им в исторически короткие сроки решить задачу ускорения экономического роста и достижения качественно более высокого уровня благосостояния людей[15].

Масштабы и глубина азиатского финансового кризиса заставили весьма серьезно задуматься над политическими мерами, которые позволили бы избежать подобных явлений в будущем. На национальном уровне пришло понимание того, что странам необходимо быть более осмотрительными при определении темпов и последовательности открытия своих счетов, обслуживающих движение капиталов. В этой связи, на наш взгляд, необходимо проявлять большую гибкость при установлении режимов, регулирующих кредитно-денежную, налогово-бюджетную политику и обменные курсы. Важно также решить проблемы действенного контроля за деятельностью финансового сектора, законодательного обеспечения норм поведения частных компаний в финансовом и реальном секторах экономики, усиления транспарентности в управлении деятельностью корпораций.

На международном уровне, как представляется, необходимо проработать вопрос о реформе международной финансовой системы. Во-первых, речь идет о возможности своевременного выделения необходимых ликвидных средств для предупреждения любых крупных кризисов, с тем чтобы свести к минимуму их распространение и ослабить отрицательные последствия. Международному сообществу предстоит достичь соглашения по вопросу о том, следует ли отвести роль "гаранта последней инстанции" МВФ или же нужно создать какое-то другое учреждение. Далее, необходимо серьезно рассмотреть вопрос об укреплении международного контроля и мер регулирования за массовыми потоками трансграничного капитала, особенно краткосрочными[16]. И, наконец, важно согласовать ряд принципов для решения проблем выхода из долговых кризисов, достижения соглашения в этой области между странами-должниками и внешними кредиторами.

По нашему глубокому убеждению, разразившийся в странах Восточной Азии финансовый кризис никоим образом не перечеркнул реальные достижения восточноазиатской модели экономического развития, направленной на развитие экспорта трудоемкой промышленной продукции, обеспечение высоких норм сбережений, либерализацию иностранных капиталовложений и достижение их высоких темпов прироста и т.д. Речь скорее идет о том, что в условиях поступательного экономического развития она не смогла учесть требования, предъявляемые идущими процессами глобализации и либерализации торговли и потоков капитала. Азиатский кризис обнажил основные структурные недостатки и потребовал скорейшего их устранения.

Конец 90-х годов отразил поиск Китаем и другими восточноазиатскими странами новой стратегии экономического развития, основанной на долгосрочном интенсивном устойчивом росте, эффективном размещении ресурсов и в меньшей степени на задействованных в прошлые годы факторах — высокой норме инвестирования и краткосрочном фискальном стимулировании. Новая внешнеэкономическая стратегия неразрывно связана с повышением уровня внутренней конкуренции в национальной экономике, стимулированием развития негосударственных форм собственности, включая частный сектор, с большей степенью открытости экономики внешнему миру. Речь, по сути, идет, на наш взгляд, о переосмыслении восточноазиатской модели развития последних десятилетий с учетом опыта преодоления азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. и современных реалий гло-

бализации и формирования "новой экономики", базирующейся на знаниях и информационно-коммуникационных технологиях.

Опыт экономического развития Японии, Китая, новых индустриальных экономик в конце XX века показал, что не существует единой модели развития, имеются лишь общие особенности, присущие так называемому азиатскому экономическому чуду последних десятилетий, среди которых можно отметить высокую норму сбережений и инвестиций, экспортную ориентированность экономики, открытость рынков капитала, макроэкономическую стабильность, привязку национальной валюты к американскому доллару, сильное государственное стимулирование экономического роста.

Однако экономический рост на основе экстенсивных факторов — высоких показателей накопления, темпов роста рабочей силы и капиталовложений — в новых условиях себя исчерпал. Это, как представляется, и явилось, наряду со слабостью национальных финансовых систем, чрезмерным стремлением к получению рентных доходов, отсутствием новаторских подходов, неэффективностью рынков капитала, институциональной закостенелостью, а также ограниченными возможностями международных финансовых институтов по оказанию своевременной помощи, основной причиной экономического кризиса в странах Восточной Азии. Речь не идет, подчеркнем, об отказе от старой парадигмы экономического развития. Первоочередные задачи, которые требуется решить для достижения устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности национальной экономики на мировом рынке, политическая и экономическая элита восточноазиатских стран видит:

— в переоценке сложившейся модели развития в сторону акцента на интенсивные факторы роста, обеспечивающие технологическую модернизацию "традиционных" отраслей промышленности и инфраструктуры, в том числе в сфере информационно-коммуникационных технологий;

— в повышении качества людских ресурсов;

— в содействии частному предпринимательству в наукоемких отраслях;

— в налаживании производства продукции и услуг, соответствующих международным стандартам качества;

— в достижении большей прозрачности в отношениях между государством и частным сектором.

В качестве одного из важнейших приоритетов своей внешнеэкономической стратегии Китай, в частности, выдвинул задачу минимизации односторонней зависимости от экономических партнеров, поддержания баланса интересов. Эту страну отличает осторожный взвешенный подход, нацеленный на максимальное использование положительных сторон интеграции национального хозяйства в мировую экономическую систему и сведения на нет негативных моментов этого процесса. Многие факторы объективно свидетельствуют о реальной интеграции КНР в мировую экономическую систему в 80-90-х годах. Об этом говорят хотя бы уровень привлечения и использования иностранных инвестиций (не только от этнических китайцев за рубежом) в производственные отрасли экономики КНР, существенный вклад предприятий с участием иностранного капитала во внешнеторговую деятельность страны (реализация их продукции за рубежом составляла к концу 90-х годов около половины совокупного экспорта КНР). В целом практические шаги Пекина по взаимодействию с мировым хозяйством в 80–90-е годы близки, на наш взгляд, к реализации им модели частичной интеграции национальной экономики в систему мировой торговли и инвестиций и постепенной либерализации ее внешнеэкономического механизма.

Несмотря на негативное влияние азиатского кризиса, трудно, на наш взгляд, предполагать прекращение общей тенденции экономической либерализации в регионе Восточной Азии. При этом в странах региона, сложилось твердое мнение о необходимости укрепления национальных финансовых систем, включая

юридическую и институциональную базы и методы регулирования операций на внутреннем рынке, а также о необходимости создания механизма надзора над финансовыми рынками на региональном и международном уровнях в целях избежания подобных кризисов в будущем. Корректировка национальной стратегии развития в восточноазиатских странах видится нами в достижении большей сбалансированности задач экспортно-ориентированного роста и расширения производства и спроса на внутреннем рынке. Дальнейшее привлечение иностранных инвестиций в их экономику, как представляется, будет более тесно увязываться с их рациональным, с точки зрения развития национальной промышленности, размещением в базовых и высокотехнологических отраслях производства.

Другим важным аспектом в области корректировки модели экономического развития стран Восточной Азии в целях поддержания их устойчивого роста и усиления международной конкурентоспособности является достижение большей взаимодополняемости таких традиционных отраслей обрабатывающей промышленности, как производство текстиля и одежды, бытовой электроники, автомобилей и телекоммуникационного оборудования на основе увеличения объема инвестиций и притока финансовых ресурсов частного сектора на их модернизацию. Серьезным вызовом в этой области является предстоящее в 2004 г. вступление в силу Многостороннего соглашения по текстилю и одежде в рамках ГАТТ/ВТО и связанная с ним отмена квот на ввоз текстильной продукции и готовой одежды.

5. Азиатский финансовый кризис и российская экономика

Августовский дефолт, потрясший российскую экономику в 1998 г., никоим образом не был связан с событиями на восточноазиатских рынках в тот же период. Крайне незначительные объемы торговли России со странами Восточной Азии, не говоря уже о масштабах взаимного инвестирования предопределили минимальное воздействие азиатского финансового кризиса на российскую экономику. Можно лишь отметить в этой связи отток спекулятивного капитала с российского фондового рынка, устремившегося в более стабильные экономики. Наоборот, несформированность рыночных отношений и полноценной рыночной инфраструктуры в России (неплатежи, невыплата зарплат, распространение бартера, слабость кредитно-банковской системы и т.п.) отгородили российскую экономику от прямого воздействия азиатского кризиса. Действительные причины кризисных событий в российской экономике в 1998 г. иные и имеют сугубо внутренний характер[17].

Этот факт, однако, ничуть не приуменьшает значение его уроков. По мере развития рыночных отношений и экономического оживления Россия неизбежно столкнется с проблемами, которые решали на своем пути новые индустриальные экономики восточноазиатских стран и территорий. В этой связи, как представляется, России для решения своих как внутриэкономических, так и внешнеполитических задач, учитывая роль глобализации и "новой экономики" в современном мире, следует не упустить возможность интегрирования в систему торгово-экономических отношений в АТР, не только как поставщика сырья и энергоресурсов, но и как полноправного инвестиционного партнера, владеющего интеллектуальными и технологическими ресурсами для внедрения в промышленные отрасли (энергетику, в том числе ядерную, космос, целлюлозобумажное производство и др.) с целью налаживания производственного и технологического сотрудничества в конкурентоспособных отраслях со странами восточноазиатского региона.

1. Под странами Восточной Азии имеются в виду страны Северо-Восточной Азии (Япония, КНР, Республика Корея) и Юго-Восточной Азии, входящие в АСЕАН, а также Тайвань и Гонконг.

2. Так, темпы роста мировой торговли в 1998 г. снизились на 5,9 проц.пункта и составили 3,3%, а рост мирового ВВП, соответственно, уменьшился на 1,5 проц.пункта до 1,9% (UN World Economic and Social Survey-2000. N.Y., 2000. P. 4).
3. На протяжении двухлетнего периода, предшествовавшего кризису (1995-1997 гг.) реальный валютный курс повысился в Малайзии и Индонезии на 12%, в Таиланде – на 14%, на Филиппинах – на 21% и в РК – на 1,5% (ADB Asian Development Outlook-1998. N.Y., 1998. P. 26).
4. Goldstein M. The Asian Financial Crisis, Cures, and Systemic Implications. Wash., 1998, p.20.
5. Близкую точку зрения на роль девальвации юаня 1994 г. в азиатском кризисе высказывал М.Голдстейн из Вашингтонского института международной экономики (см. Goldstein M. Op.cit. P .16-17).
6. IMF World Economic Outlook-1997. Wash., 1997. P. 91.
7. Фактором, противодействовавшим росту китайского экспорта в 1998 г. стало снижение его конкурентоспособности по сравнению со странами Восточной Азии, переживших в результате финансового кризиса сильную девальвацию своих национальных валют. С другой стороны, резко упал спрос на китайский экспорт со стороны самих стран региона, таких крупных торговых партнеров КНР как Япония, Индонезия, Малайзия, Республика Корея, Сингапур и др. В результате экспорт КНР в 1998 г. вырос всего лишь на 0,4%, главным образом за счет неазиатских стран: США, Западной Европы (БИКИ, №61, 29.05.1999 г.; Чжунго тунцзи чжайяо-2001. [Краткий статистический справочник Китая]. Пекин, 2001. С. 21,150, 155-157).
8. Подробнее о воздействии азиатского кризиса на экономику Гонконга и Тайваня в 1997-1998 гг. см.: Островский А.В. Тайвань накануне XXI века. М., 1999 г. С. 132-139.
9. Goldstein M. Op.cit. P .30.
10. В КНР иностранцы (нерезиденты) могут вкладывать средства только в сравнительно низкодоходные акции типа "В", операции с которыми ведутся в американских долларах.
11. Об этом подробно см. в монографии Н.Ларди: Lardy N. China's Unfinished Economic Revolution. Wash., 1998.
12. ESCAP Economic and Social Survey of Asia and the Pacific-2001. N.Y., 2001. P .22.
13. Lane T. and others. IMF-Supported Programs in Indonesia, Korea and Thailand: A Preliminary Assessment. Wash., 1999, January.
14. См. на эту тему подробнее: Михеев В.В. Финансовый кризис в Азии и его экономические и политические последствия // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №2. С. 66-69.
15. Среди заслуживающих внимания, на наш взгляд, попыток теоретического осмысления модели развития восточноазиатских новых индустриальных стран за последние годы и анализа факторов их успеха в 70-90-х годах можно отметить следующие публикации: Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России. М., 2001. С. 90-108; Мозиас П.М. Проблемы развития азиатских НИС в зеркале зарубежной экономической науки // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 1. С. .70-84; № 2. С. 61-75; Эльянов А.Я. Индустриализация развивающихся стран в интерьере мирохозяйственных связей и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 1. С. 12-24; № 2. С. 3-14.
16. Речь может идти, например, о выдвинутом в 1998 г. предложении Комитета ЭКОСОС по планированию развития о создании Всемирной финансовой организации и разработке соответствующей нормативной системы для контроля и регулирования международных потоков капитала (подробнее см. Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 5. С. 73-74).
17. Краткий и емкий сравнительный анализ причин и последствий азиатского и российского финансовых кризисов можно найти в публикациях известного отечественного экономиста-востоковеда В.В. Михеева, см.: Михеев В.В. Финансовый кризис в Азии и его экономические и политические последствия // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 52-54; Михеев В.В. В чем не прав МВФ? (Опыт преодоления финансового кризиса в Азии: уроки для России) // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 6. С. 48-51.

История

Сунь Ятсен и «Третья революция»: шаньдунский вариант

© 2001

В. Крюков

1913 год был временем больших перемен в политических планах Сунь Ятсена. Еще совсем недавно он всемерно поддерживал Юань Шикая, которому сам передал атрибуты верховной власти в стране, теперь же борьба за свержение этого «архипалача» стала едва ли не главной целью его жизни. Покинув Китай и поселившись в Японии, д-р Сунь сформулировал два основных принципа вооруженного выступления против пекинского правительства: во-первых, все нити руководства следовало сосредоточить в его собственных руках; во-вторых, осуществляться эта «Третья революция» должна была при моральной и материальной поддержке со стороны Японии.

Однако все попытки Сунь Ятсена убедить японское правительство в том, что оказание помощи вновь созданной партии Гэминдан соответствует национальным интересам Японии, оставались тщетными: премьер Окума предпочитал иметь дело с Юань Шикаем, одновременно добиваясь от него уступок, развязывающих японцам руки в Китае. После того, как Япония предъявила Пекину свое «21 требование», многие видные деятели Гэминдана сочли необходимым отказаться от борьбы с правительством и сосредоточить все свои силы на отстаивании суверенитета Китая перед лицом японской агрессии. Сунь Ятсен же продолжал рассматривать свержение Юань Шикая своей главной задачей, решить которую без японской помощи было, по его мнению, невозможно.

И вот когда уже казалось, что стратегический замысел Сунь Ятсена так и останется его очередным прожектом, которому никогда не суждено будет осуществиться, фортуна неожиданно улыбнулась лидеру Гэминдана. Под все усиливающимся давлением оппозиции правительство Окума сменило в конце 1915 г. приоритеты своей политики по отношению к Китаю и, полагая, что Юань Шикай уже исчерпал свой политический потенциал, сделало ставку на поддержку антиюаньшикаевских сил — не только Сунь Ятсена, но также Цэнь Чуньсюаня на Юго-Западе и принца Су, претендовавшего на создание в Маньчжурии независимого государства под протекторатом Японии.

В начале 1916 г. события стали развиваться с головокружительной быстротой. Получив указания премьера и руководителей Генерального штаба, финансовые магнаты Японии выразили готовность предоставить Сунь Ятсену

Крюков Василий Михайлович, доктор исторических наук, доцент Тамканского университета, Тайвань.

долгожданные кредиты. В середине февраля от финансиста Кухара был получен первый транш в размере 700 тысяч иен; в своем благодарственном письме Сунь Ятсен обещал заимодавцу вернуть полученные суммы после того, как план захвата Пекина будет осуществлен[1]. Переговоры об условиях кредита в его полном объеме завершились 10 марта. Соглашение, с китайской стороны подписанное Сунь Ятсеном и Дай Цзитао, предусматривало предоставление Гэминдану денежной помощи под залог права на разработку рудных месторождений в Сычуани[2].

Одновременно Сунь Ятсен вступает в прямые контакты с Генеральным штабом японской армии. Вечером 29 марта состоялась его первая встреча с начальником разведывательного отдела Генштаба генералом Фудзита. Затем обсуждение проблем военного сотрудничества было продолжено: 7 и 8 апреля Сунь Ятсена и Дай Цзитао принял заместитель начальника Генштаба генерал Танака[3].

В результате переговоров с представителями высшего командования японской армии Сунь Ятсен пересматривает свои первоначальные планы военных действий против Пекина. Когда в 1914 г. на обсуждение его ближайших сподвижников был представлен проект под названием «Программа революции», предполагалось, что руководимые Гэминданом выступления против Юань Шикая начнутся по всему Китаю одновременно[4]. Но последующие события развивались не совсем так, как предполагал Сунь Ятсен. В Южном Китае к началу 1916 г. уже действовали армии «Защиты республики», к д-ру Суню никакого отношения не имевшие. В этих условиях японцы порекомендовали лидеру Гэминдана ограничиться двумя локальными театрами боевых действий, сосредоточившись на захвате Шанхая на юге и Шаньдуна на севере. Однако плохо подготовленное выступление в Шанхае окончилось полной неудачей, и теперь Сунь Ятсену предстояло реализовать шаньдунский вариант «Третьей революции».

Шаньдун был выбран японцами не случайно. После вступления Японии в мировую войну японские войска оккупировали юго-восточную часть Шаньдунского полуострова, ранее входившую в сферу влияния Германии; под контролем японской оккупационной армии оказалась важная железнодорожная магистраль, связывавшая порт Циндао с провинциальным центром Цзинань. На территории, занятой японцами, можно было без помех осуществить подготовку к операции и создать условия для ее успешного осуществления.

Распределяя обязанности ведущих функционеров Гэминдана, которым предстояло возглавить грядущее выступление в различных провинциях Китая, Сунь Ятсен первоначально назначил ответственным за ведение боевых действий в Шаньдуне уроженца этой провинции У Дачжоу. Но тот не смог решить задачу подчинения Гэминдану различных группировок, готовых выступить против Юань Шикая, и в феврале 1916 г. Сунь Ятсен сменил его на одного из самых близких своих сподвижников — Цзюй Чжэна, назначенного командующим «Северо-восточной революционной армией». Началась непосредственная подготовка к вооруженному выступлению в Шаньдуне.

План шаньдунской операции

В свое время У Дачжоу представил Сунь Ятсену предложения об общих целях и методах ведения боевых действий на территории Шаньдуна. Предусматривались два варианта операции: одновременно с наступлением на юге и самостоятельно. В последнем случае, полагал У Дачжоу, надежды на успех были минимальны ввиду численного превосходства противника (хотя, по его мнению, можно было рассчитывать на вовлечение в ряды Революционной армии на территории этой провинции от 20 до 25 тысяч человек). Тем не менее предполагалось выступить сразу в двух местах — Хайчжоу, расположенном в

восточной части Шаньдуна, и Ичжоу на юго-востоке полуострова. Главной целью в этом случае был захват ключевых пунктов на железной дороге Тяньцзинь-Пукоу[5].

Однако этот план позднее был отвергнут и вместо него составлена совершенно иная «Программа действий Революционной армии в Шаньдуне». В ней перед руководимыми Гэминданом войсками была поставлена задача захвата уезда Вэйсянь с целью создания там плацдарма для последующего наступления на провинциальный центр Цзинань. С падением Цзинани весь Шаньдун должен был оказаться в руках Революционной армии, которой вслед за этим предписывалось начать операцию по овладению Среднекитайской равниной. Для обеспечения боевых действий создавались специальные подразделения снабжения, транспорта, приемки и распределения оружия, диверсий на линиях телефонной связи, а также две ударных группы — первая для захвата Вэйсяня, вторая для действий в районе Цзинани. Кроме того, отдельный отряд должен был незаметно для противника проникнуть в Цзинань для агитации и подкупа правительственных войск[6].

Согласно этому плану, переброску войск в район боевых действий следовало осуществить 20 апреля; начало наступления было назначено на 23 апреля. Через некоторое время, по-видимому, стало ясно, что уложиться в эти сроки не удастся. Поэтому был составлен другой документ под названием «План действий Революционной армии в Шаньдуне», в соответствии с которым в одном из пунктов поблизости от Циндао надлежало прежде всего объявить о независимости Шаньдуна, а боевые действия в районе Вэйсяня и Цзинани начать не позднее 25-26 апреля[7]. Задачи двух ударных групп были конкретизированы в специальных планах[8].

Го Фанмэй, автор специального исследования об истории шаньдунской Революционной армии, полагает, что эти планы были составлены Цзюй Чжэном[9]. Но это утверждение не имеет под собой реальных оснований. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к текстам «Программы» и «Планов», хранящихся ныне в Тайбэе в Архиве комиссии по изучению истории Гоминьдана.

Во-первых, в «Плане действий Революционной армии в Шаньдуне» отмечается, что ударная группа по захвату Вэйсяня должна быть «в основном укомплектована лицами шаньдунской ориентации», тогда как цзинаньский отряд «должен состоять главным образом из сторонников Цзюй Чжэна и отчасти из сторонников У Дачжоу»[10]. Действительно, сразу же после выступления Революционной армии выяснилось, что У Дачжоу, в отрядах которого были почти исключительно уроженцы Шаньдуна, намерен действовать независимо от Цзюй Чжэна. Но закладывать в план действий Революционной армии идею противостояния своих сторонников и подчиненных У Дачжоу назначенный Сунь Ятсеном командующий разумеется не мог.

Во-вторых, принимая в 1914 г. решение о создании Революционной армии, Сунь Ятсен следующим образом формулировал ее задачи: «Свержение деспотического правительства, создание подлинной республики, обеспечение нормальных условий жизни народа, укрепление государственного суверенитета»[11]. Между тем, первый раздел «Плана» начинается словами: «Цель революционной армии в Шаньдуне — во взаимодействии с провинциями Юга ликвидировать административные органы власти юаньшикаевского правительства на территории Шаньдуна, объявить о независимости провинции, создать угрозу Пекину и после этого овладеть ситуацией во всем Китае, сформировав ***правительство прояпонской ориентации*** (подчеркнуто мной. — *В.К.*)»[12].

Во-третьих, «Программа» содержит предписание всем участвующим в операции подразделениям «бесприкословно подчиняться приказам японской

армии»[13]. Тот же пункт присутствует в «Плане действий Революционной армии в Вэйсяне»[14].

В-четвертых, японцы в ряде случаев именуются «соотечественниками»[15].

В-пятых, все эти документы написаны по-японски, причем карандашные пометки на полях сделаны также на японском языке.

Все это вместе взятое не оставляет сомнений в том, что как «Программа действий Революционной армии в Шаньдуне», так и соответствующие «Планы» были разработаны в штабе японской армии.

Помощь с Востока

Оружие, предназначавшееся для ведения боевых действий в Шаньдуне, было целиком поставлено из Японии. Близкий к Сунь Ятсену японский деятель Каяно Тёти вспоминал, что в конце 1915 г. он пытался уговорить премьера Окума оказать помощь Гэминдану, передав ему, в частности, трофейное немецкое оружие, захваченное японцами в Шаньдуне. Тогда это предложение было категорически отвергнуто. Но когда через неделю Каяно прибыл в Циндао, он обнаружил, что за это время официальная позиция правительства кардинально изменилась. Командующий оккупационными войсками в Циндао генерал Отани сообщил ему, что им получена инструкция премьер-министра оказывать Каяно всяческое содействие в деле снабжения Революционной армии оружием[16].

В апреле 1916 г. некто Тэрада доносил начальнику штаба японских войск в Шаньдуне генералу Ида о предстоящем прибытии в порт Циндао японского судна с оружием, предназначенным для Революционной армии; 600 маузеров и 650 ящиков взрывчатки были к тому времени уже доставлены[17]. Вскоре после этого Умэя Сёкити получил от Цзюй Чжэна мандат уполномоченного по доставке оружия из Японии и передал в арсенал Революционной армии 7000 винтовок, 7 пулеметов и 5 горных пушек[18].

Но дело не ограничилось маузерами, винтовками, пулеметами и пушками. «Программа действий Революционной армии в Шаньдуне» предусматривала возможность применения боевых отравляющих веществ, для чего было создано специальное подразделение из 20 человек; в его распоряжении находилось 1000 снарядов, начиненных удушающим газом и 5 установок для стрельбы[19].

Разработанный в японском штабе план определял, что использование отравляющих веществ должно было стать решающим фактором успеха во время наступления на уездный центр Вэйсянь. В ночь перед штурмом надлежало произвести пробные выстрелы в сторону расположения противника и н основании полученных результатов принять окончательное решение об приме нении ОВ, которое должно было учитывать также и некоторые преходящи обстоятельства, в частности, направление ветра в момент газовой атаки[20].

В конечном счете отравляющие вещества так и не были применены, хотя и сыграли свою роль средства морального воздействия на противника. В ультиматуме, направленном Цзюй Чжэном губернатору Шаньдуна Цзинь Юньпэну 19 апреля 1916 г., содержалась угроза использовать удушающие газы в случае отказа капитулировать[21]. Напротив, во время переговоров о капитуляции гарнизона в Вэйсяне заместитель командующего Революционной армии Чжао Чжунфу заявил, что китайские революционеры никогда не станут применять отравляющие вещества против своих соотечественников, и это, по его словам, растрогало представителей правительственных войск и сыграло решающую роль в успешном завершении переговоров[22].

Японцы не только оснастили Революционную армию вооружением, но и обеспечивали переброску ее подразделений к месту боев по железной дороге

под японской вооруженной охраной. Был разработан детальный график движения составов с указанием точного времени их отправления и прибытия в пункт назначения. Бойцы должны были быть в штатском, спрятав личное оружие под одеждой; во время движения поезда им категорически запрещалось вступать в разговоры с посторонними китайцами[23].

Медсанбат Революционной армии был полностью укомплектован японскими военными врачами. Тяжело раненых отправляли в госпиталь, расположенный в Циндао; для этого требовалось сопроводительное письмо, подписанное кем-нибудь из японского медицинского персонала. Даже захоронение умерших от ран производилось не иначе, как с предъявления свидетельства о смерти, выданного начальником госпиталя Тамура и завизированного в военно-политическом отделе штаба оккупационной армии[24].

Японская сторона взяла на себя задачу обучения китайского контингента. Занятия по военной подготовке проходили в Циндао под руководством японских офицеров. Свидетелями этого стали американцы, заснявшие происходящее на фотопленку, благодаря чему сообщение об этом попало не только в досье консульства США, но и в прессу[25]. Помимо этого японцы предоставили Революционной армии возможность начать подготовку пилотов для создания собственного военно-воздушного отряда. Соглашение на этот счет было подписано с японским летчиком Сакамото 25 апреля 1916 г. [26]. Правда, принять участие в боевых действиях им не довелось: два приобретенных в Америке самолета были доставлены в Шаньдун в июле, так что Сакамото смог совершить свой первый испытательный полет лишь в августе, когда боевые действия уже были прекращены. Тем не менее было произведено несколько показательных бомбардировок самодельными бомбами, которые вручную сбрасывались пилотом из кабины. Полеты самолетов и разрывы бомб произвели сильнейшее впечатление как на правительственные войска, так и на местное население[27]. Вскоре летный отряд был распущен, а инструктор вместе с тремя помощниками получил причитающееся по контракту жалование и отбыл в Японию[28].

Когда подготовка к шаньдунской операции была в полном разгаре, Сунь Ятсену пришла мысль использовать добровольцев из числа китайских эмигрантов, которые должны были войти в состав специального «отряда смертников». В начале апреля он дал находившемуся в Юго-Восточной Азии Дэн Цзэжу указание начать вербовку желающих принять участие в «Третьей революции»[29]. Одновременно аналогичная работа была начата в США и Канаде. В Гамильтоне было собрано около пятисот добровольцев, из которых предстояло создать отряды особого назначения для участия в шаньдунской операции.

Ма Сян, который впоследствии стал ближайшим помощником Сунь Ятсена, вспоминал, что услышав о призыве вождя Гэминдана, он решил вернуться домой и осуществить свою давнишнюю мечту — вместе с Сунь Ятсеном принять участие в революции. «Вскоре, - писал Ма Сян, - пришло известие об организации из китайских эмигрантов отрядов смертников... Был организован специальный вербовочный пункт... Число добровольцев достигло 500. Записался и я... Очень скоро последовало телеграфное распоряжение Сунь Ятсена отрядам смертников, созданным для борьбы с Юань Шикаем, прибыть в Японию, в Иокогаму, пройти военную подготовку»[30].

Японцы - как штатские, так и кадровые военные — принимали непосредственное участие в шаньдунской операции. По сообщению полковника Саканиси, ударная группа захвата Вэйсяня насчитывала в общей сложности 2000 чел., 300 из них были японцами; из 3000 чел. в составе группы захвата Цзинани число японцев составляло от 200 до 300 чел. [31]. Другой источник дает примерно то же соотношение: 500 из 5000-6000 чел. [32]. Кстати говоря, китайцы и японцы в составе Революционной армии получали неодинаковое довольствие:

первые — 1 юань в день, вторые — 50 юаней в месяц и ту же сумму в неделю во время боевых действий[33].

Японцы входили в состав всех без исключения подразделений Революционной армии, около 30 человек занимали в них командные должности[34]. Составители «Полного собрания сочинений Цзюй Чжэна» опубликовали в первом томе этого издания любопытную фотографию с подписью «Руководители штаба Революционной армии». На ней — 13 человек, в том числе 3 японца в военной форме. Один из них сидит в центре группы, Цзюй Чжэн — крайний справа. Природная скромность командующего, уважение к гостю или признание того, кто был тут истинным хозяином положения?

Формально Каяно Тёти был советником Цзюй Чжэна в штабе армии. Именно он вместе с капитаном срочной службы Нонака фактически командовал революционными войсками в операции по взятию Вэйсяня[35]. Однако роль японцев в шаньдунской кампании не ограничилась лишь этим.

Загадка капитуляции вэйсяньского гарнизона

Выступление Революционной армии дважды откладывалась, и оно началось лишь 4 мая.

Участник боев в Шаньдуне Янь Гофу опубликовал в 1969-1970 г.г. свои воспоминания, в которых подробно рассказывает о том, как развивались события:

«Вечером 4 мая 1916 г. Цзюй Чжэн, лично возглавив отряды, находившиеся в подчинении Чжу Цицина, Лю Яньханя, Люй Цзыжэня, Чжао Чжунъюя, Инь Сиу и Ду Чжунсаня, начал наступление на Вэйсянь. Прежде всего было захвачено Фанцзы, той же ночью занят район железнодорожной станции Вэйсянь, а на рассвете предпринята атака на восточный пригород, который и был взят после ожесточенного боя. После этого войска разделились на четыре отряда, окруживших уездный город. Лю Яньхань во главе 200 с лишним человек осадил Южные ворота, Чжао Чжунъюй и 50 его подчиненных — Восточные ворота, Инь Сиу с 50 людьми — Восточную заставу, Люй Цзыжэнь и 200 с лишним человек — казармы в западном предместьи, а Чэнь Чжунфу с резервом расположился около вокзала в ожидании дальнейших приказаний. В осажденном городе командир 5-й дивизии Чжан Шуюань во главе стрелковой бригады занял прочную оборону. Революционная армия была вооружена лишь ружьями, винтовками и карабинами, а высокая городская стена была окружена глубоким рвом с водой, что препятствовало успешному штурму. Ян Шэнмин, Чжан Дэлян, Линь Тяньмао и Люй Чжаожуй из отряда Люй Цзыжэня, рискуя жизнью, ворвались в расположение вражеской казармы, но у них кончились патроны и они погибли на поле боя. В это время в течение нескольких дней из-за пыльной бури видимость была ограниченной, и защищавший город противник был не в состоянии оценить силы осаждавших. В это время пришло сообщение, что крупный поселок Чжоуцунь недалеко от Цзинани уже взят Революционной армией, и это подорвало боевой дух правительственных войск, обескураженных тем, что путь к отступлению был отрезан. Хотя их силы были значительными, они продолжали лишь обороняться, не решаясь делать вылазки, так что обе стороны сохраняли стратегическое равновесие. Видя, что осада продолжается уже долгое время, а настроение солдат и местного населения падает, Чжан Шуюань понял бесплодность дальнейшей обороны. К тому же он получил известие о том, что Революционная армия предпримет артиллерийский обстрел города. Поэтому он распорядился о том, чтобы делегация торговых кругов вышла из города к осаждавшим и предложила начать переговоры о перемирии на следующих условиях: Революционная армия не предпринимает штурма, а войска Чжана ретируются. После заключения перемирия прошло уже несколько дней, но Чжан не торопился отводить свои войска, а был занят

конфискацией городских ценностей. В это время из Циндао на железнодорожную станцию Вэйсянь были доставлены деревянные муляжи пушек. Поскольку они были зачехлены, определить, что пушки ненастоящие, было невозможно (я узнал об истинном положении вещей лишь позднее со слов Чжу Цицина). Чжан Шуюань получил донесение разведки о том, что осадные орудия готовы к действию, и боялся, как бы не оказаться черепахой, посаженной в чан. Революционная армия оказывала на него нажим, предъявив ультиматум, и поэтому 22 мая был отдан приказ отвести все войска, находившиеся в уездном городе и его окрестностях. 23 мая в город вступила Революционная армия, в доме семьи Дин был размещен штаб, поднят флаг с белым солнцем на синем фоне и вывешено обращение Главнокомандующего Сунь Ятсена...» [36].

Но действительно ли пыльная буря, сообщение о взятии Чжоуцуни и доставка деревянных пушек были истинными причинами неожиданной капитуляции численно превосходящих сил противника? Ответ на этот вопрос мы находим в донесении японского посланника в Пекине Хики Масу. «В это время (5 мая. — *В.К.*), - сообщал он в Токио, - шальной пулей был убит наповал сержант, а в городе погиб один соотечественник. Поэтому капитан Нонака в качестве официального представителя нашей армии потребовал встречи с командиром 5-й дивизии Чжан Шуюанем, но получил отказ. Тогда 6 мая начальник 40-го отряда охраны Исиура прибыл из Фанцзы и встретился с дивизионным командиром Чжаном. Он заявил, что, во-первых, нарушена безопасность вверенной ему территории; во-вторых, в защите нуждаются соотечественники; в-третьих, артиллерийскому обстрелу подвергся поезд; в-четвертых, дивизионный командир Чжан должен взять на себя ответственность за гибель нашего солдата... Исиура намекнул, что в случае если Чжан объявит о независимости, необходимо будет начать переговоры с Цзюй Чжэном... Разгневанный Чжан в запальчивости ответил, что Цзюй Чжэн — бандит, а не политик-революционер, и в переговорах с ним нет необходимости» [37].

Достоверность сообщения японского посланника подтверждается анонимными воспоминаниями еще одного участника боев в Вэйсяне: «Ночью 4 мая было предпринято наступление на 5-ю дивизию под командованием Чжан Шуюаня, но оно закончилась неудачей и Революционная армия отступила. На следующий день подошли резервы, ситуация изменилась к лучшему и атаки, продолжавшиеся с утра до полудня, были успешными. Армия Юань Шикая отошла к уездному городу и заняла в нем оборону, нанося ответные удары из-за городской стены. В районе вокзала свистели пули, и среди японской охраны и гражданских японцев было немало убитых и раненых. Чжан Шуюань был напуган этим и решил вступить в переговоры. 7 мая командир отряда японской охраны полковник Исиура явился к Чжан Шуюаню и потребовал, чтобы вверенные ему войска прекратили свои бесчинства. Правительство Юань Шикая послало и.о. министра иностранных дел Цао Жулиня в японское посольство, и тот выразил посланнику Хики протест по поводу того, что японские войска оказывают помощь Революционной армии, а полковник Исиура склонял Чжан Шуюаня к объявлению независимости и требовал открыть городские ворота и самому вступить в Революционную партию, что наносит ущерб отношениям между двумя странами. Но японский посланник сделал ответное заявление: во-первых, утверждение о транспортировке по железной дороге вооруженных революционеров не имеет под собой никаких оснований; даже если среди пассажиров были лица, имевшие при себе оружие, обнаружить его было невозможно без тотальной проверки; во-вторых, Исиура вовсе не настаивал на том, чтобы командир дивизии Чжан открыл перед осаждающими городские ворота, и это утверждение является результатом недоразумения; в-третьих, японская армия вовсе не задерживала начальника уезда; в-четвертых, желез-

нодорожная охрана вышла за пределы отведенной ей зоны в силу необходимости, поскольку она могла защищать железную дорогу и иностранных эмигрантов только вступив на территорию, занятую бандитами; в-пятых, не исключено, что отдельные подданные Японии оказывают помощь революционерам по личной инициативе, но военнослужащие подобных действий допускать не могли. После этого посланник со своей стороны заявил протест по поводу того, что, во-первых, были убиты японские военнослужащие; во-вторых, жертвы были среди японских торговцев; в-третьих, в результате ружейного огня пострадали дома, принадлежащие японцам, а также была прервана телефонная связь; в-четвертых, артиллерийскому обстрелу были подвергнуты поезда; в-пятых, была нарушена неприкосновенность жилища японцев; в-шестых, созданы помехи для выполнения железнодорожной охраной своих прямых служебных обязанностей. После того, как был заявлен этот протест, в Вэйсяне начались переговоры о перемирии. Правительство Юань Шикая «хотело кинуть камнем в мышей, но боялось, как бы посуду не перебить». К тому же выдержать длительную осаду города было невозможно. Поэтому Чжан Шуюаню был отдан приказ вступить в переговоры с командующим Революционной армии Цзюй Чжэном»[38]. Текст соглашения о перемирии был составлен японским капитаном Окада; 15 мая представители правительственной и Революционной армий поставили под ним свои подписи[39].

Когда Цзюй Чжэн утверждал в одном из своих обращений к местному населению, что «все дружественные державы строго придерживаются в Шаньдуне нейтралитета»[40], он только делал вид, что говорит правду.

Какой флаг вывешивать?

Сосредоточить в своих руках все нити руководства выступлением против Юань Шикая - таково было непреклонное намерение Сунь Ятсена с самого начала подготовки «Третьей революции». Об этом он, в частности, писал в конце 1914 г. американскому бизнесмену Дж. Дэйтрику: «Пришло время для всеобщих действий, подобных первой революции 1911 г. Следующий раз все будет находиться под моим непосредственным командованием. Мы избежим ошибок и полумер, и я уверен в еще большем успехе, чем во время первой революции»[41].

Когда независимо от Сунь Ятсена против Пекина выступили деятели Юго-Запада, он отверг предложения о непосредственном сотрудничестве с ними. «Цэнь Чуньсюань, - писал он в начале апреля 1916 г., — это старый бюрократ с крайне ограниченными взглядами и идеями, он совершенно не способен держать в своих руках ситуацию в Китае, а те, кто поддерживает его, не более чем марионетки»[42].

Сунь Ятсен требовал от своих эмиссаров, чтобы военные действия непременно происходили под флагом с белым солнцем на синем фоне, который по решению гэминдановского руководства должен был после победы «Третьей революции» стать государственным, а пока служил символом руководящей роли Сунь Ятсена в борьбе против Юань Шикая. Именно этот флаг был водружен над зданием штаба Революционной армии в только что захваченном Вэйсяне.

Но уже в это время постепенно становилось ясно, что первоначальный замысел единого руководства движением осуществить не удастся. И 23 мая Сунь Ятсен направляет представителям Гэминдана в различных провинциях Китая письмо, в котором отменяет свое прежнее требование в отношении флага: «В Юньнани, Гуйчжоу, Гуанси и Чжэцзяне уже повсеместно принят пятицветный флаг[43]. Наша партия также должна во всех случаях использовать его, чтобы не вызывать недоумения у армий, вместе с нами борющихся с узурпатором»[44]. Поэтому 25 мая Цзюй Чжэн публикует заявление, в котором

разъясняет изменение позиции в отношении флага: «Наша армия уважает временную конституцию, принятую в первом году республики, заботится о пяти нациях и использует пятицветный государственный флаг»[45].

Дальше — больше. Даже в пределах одного Шаньдуна не удалось добиться полного единства действий. Член Гэминдана У Дачжоу после взятия Чжоуцуни отказался подчиняться командующему Революционной армией Цзюй Чжэну и демонстративно переименовал свои войска в «Армию защиты республики» (это название было заимствовано им у юньнаньцев). Затем он объявил о создании в Чжоуцуни самостоятельного военного правительства и стал во главе его. На первых порах Цзюй Чжэн требовал, чтобы У Дачжоу представлял ему донесения о ходе боевых действий, но затем ему пришлось смириться и признать, что «Армия защиты революции» не подчиняется его приказам и не информирует штаб о положении дел на фронте[46]. Сунь Ятсену ничего не оставалось, как, еще раз попросив Цзюй Чжэна все же попытаться найти общий язык с У Дачжоу и его заместителем Пу Цзымином, подчеркнуть, что «не следует спорить о таких вопросах, как флаг, название и так далее»[47].

Для членов Гэминдана, помнивших, как настойчиво Сунь Ятсен еще совсем недавно требовал признания его единоначалия в борьбе против Юань Шикая, уступка вождя представлялась недопустимым отступлением от первоначально сформулированных принципов. Пришлось разъяснять, что компромисс был продиктован соображениями высшей целесообразности и что не правы те, кто считает, будто бы лидер Гэминдана пожертвовал престижем Революционной армии[48].

Кто платит, тот и заказывает музыку

Получив известие о намерении Революционной армии применить против правительственных войск боевые отравляющие вещества, Юань Шикай направил Сунь Ятсену телеграмму протеста: «Использование ядовитых газов против своих соотечественников теми, кто называет себя Революционной партией, является антигуманным актом». Заместитель командующего Революционной армией Чэнь Чжунфу вспоминал впоследствии, что после этого Сунь Ятсен немедленно приказал запретить применение в Шаньдуне отравляющих веществ[49].

Представляется, что это утверждение — не более, чем попытка задним числом выдать желаемое за действительное. Даже если такое распоряжение действительно было отдано Сунь Ятсеном, вовсе не из-за него снаряды с ядовитым газом так и остались неиспользованными. Отряд применения отравляющих веществ находился в прямом подчинении штаба японской армии[50], и Сунь Ятсен не мог разрешить или запретить его действия. Если уж кто-то кому-то приказывал, то исполнять распоряжения приходилось самому Сунь Ятсену, но никак не наоборот.

Начать с того, что 27 апреля д-р Сунь вынужден был срочно вернуться на родину, потому что японская сторона требовала теперь от него не слов, а конкретных действий. За неделю до отъезда он писал Цзюй Чжэну: «Поступило сообщение о том, что Иваки предоставит заём только получив согласие властей из военного министерства. Крупные займы, полученные нашей партией, до сих пор еще не дают эффекта. Власти уже выражают недовольство, и я боюсь, что согласия на новые займы они не дадут»[51]. Через несколько дней он телеграфирует в Шанхай: «Полученные ранее крупные займы до сих пор не дают реального результата, мы подрываем доверие к себе, новые субсидии будут невозможны»[52].

Изменение позиции Сунь Ятсена в отношении того, кто является фактическим руководителем борьбы против Юань Шикая произошло в результате «совета» со стороны японских друзей. По прибытии в Китай он писал Цзюй

Чжэну: «В Шаньдуне необходимо энергично объединить все силы внутри и вне партии. Именно это является целью моего возвращения в Шанхай. В противном случае мы не сможем получить помощь из-за границы»[53]. О проделанной работе Сунь Ятсен подробно докладывал заместителю начальника японского Генерального штаба Танака: «Сразу же после возвращения в Шанхай я немедленно встретился с представителями общественности, получил доклады товарищей и после всестороннего изучения ситуации опубликовал заявление, продиктованное стремлением к объединению всех группировок»[54].

Первоначально Сунь Ятсен намеревался после взятия Цзинани приехать в Шаньдун, о чем он дважды сообщал Цзюй Чжэну еще из Японии[55]. В письме генералу Танака он писал: «Я принял решение лично выехать в Шаньдун, чтобы собрать в один кулак силы членов нашей партии и предпринять решающие усилия»[56]. Цзюй Чжэн уже приготовился к встрече с вождем, «скорейший приезд которого дает надежду на немедленное разрешение всех проблем»[57]. Но через два дня д-р Сунь получил телеграмму из Токио: «По сообщению газет, Вы вчера выехали из Шанхая. Верно ли это?» [58]. На следующий день пришло послание от Хуан Сина, из которого стало ясно, что именно так взволновало токийских коллег Сунь Ятсена: «Отправлена ли телеграмма (японским) властям? Они не хотят, чтобы ты немедленно выезжал в Шаньдун»[59]. И Сунь Ятсен отменил поездку, сообщив Цзюй Чжэну: «Японские власти против того, чтобы я ехал в Шаньдун»[60].

Со временем японские военные власти, чувствовавшие себя в Шаньдуне полными хозяевами положения, стали вести себя еще более бесцеремонно. После взятия Вэйсяня один из отрядов Революционной армии под командованием Люй Цзыжэня начал наступление на уезд Гаоми, который ему благополучно удалось захватить. Но что-то не понравилось штабу японских оккупационных войск и он потребовал вывести китайские части из местечка Вантай. Люй Цзыжэнь отказался это сделать, сославшись на то, что не получал соответствующего приказа от своего непосредственного начальства. Тогда заместитель начальника японского штаба через своего адъютанта направил и.о. командующего Революционной армии Сюй Чунчжи жесткое предписание в двухдневный срок вывести отряд Люй Цзыжэня из Вантая, угрожая в случае неповиновения применить силу. Тон японца был настолько недвусмысленным, что Сюй Чунчжи счел за благо не прекословить и приказал Люй Цзыжэню немедленно выполнить требование оккупантов. В частном письме он объяснял своему подчиненному, почему принял такое решение: «Японцы совершенно обнаглели и ведут себя возмутительно. Но в нашем положении нам не остается ничего, как смирить гордыню и подчиниться...» [61].

С местным населением или против него?

Так Революционная армия решала одну из главных задач, первоначально поставленных перед нею вождем Гоминдана — «укрепление государственного суверенитета» Китая. Не лучше обстояло дело и с другой ее задачей — «обеспечение нормальных условий жизни народа».

Прежде всего, действовала она в Шаньдуне под охраной оккупационных войск, а это отнюдь не располагало местное население к людям, говорившим в большинстве своем на малопонятном чужом диалекте, вооруженным иностранными винтовками и грозившим применить доставленные из-за границы ядовитые газы. Неудивительно, что Сунь Ятсен учинил разнос Цзюй Чжэну за то, что в письме губернатору Шаньдуна он упомянул имя Каяно; командующему Революционной армией было предписано держать в строжайшем секрете свои контакты с оккупантами[62].

Но тайное становилось явным. Местные жители очень скоро воочию убедились в том, что «не будь иностранной помощи, как бы смогли У Дачжоу и Пу Цзымин оставаться в нашей Чжоуцуни!» [63]. То, что было очевидным для населения, очень скоро стало широко обсуждаться в газетах. «Давно известно, что революционеры держатся помощью японцев и что без этой помощи не началось бы движение, ныне разделяющее нашу страну», - писала одна из пекинских газет[64]. «Местное население тепло приветствовало бы революционеров, не получай они помощи от иностранцев», - констатировал автор другой передовой статьи[65].

Но положение, в котором оказались революционеры, заставляло их, смирив гордыню, помогать японцам осуществлять свои планы проникновения в Китай. Ярким примером этого может служить история с вывозом из Шаньдуна дефицитной меди.

Самым простым способом достать медь для переправки ее в Японию была скупка вышедшей из употребления металлической монеты. В течение только одного месяца ее в Чжоуцуни было собрано около полутонны. Когда эта медная жила истощилась, в дело пошел металлолом: его было заготовлено десять с лишним тонн[66]. Сообщения об этом вскоре попали на страницы центральных газет[67]. По некоторым данным, покупкой, сбором или насильственным изъятием металлической монеты в то время занималось около 3000 человек[68].

Промысел этот был санкционирован и непосредственно контролировался командованием Революционной армии. В одном из писем, адресованных Каяно, командующий Цзюй Чжэн сообщал, например: «Что касается металлической монеты, сегодня посланы люди, чтобы доставить ее в штаб армии в Циндао. Каковы будут соображения на этот счет?» [69]. Когда сопротивление этому со стороны местных жителей стало вполне очевидным, было обнародовано специальное предписание, запрещавшее «мешать скупке вышедшей из употребления медной монеты»[70].

Но помогая оккупантам, Революционная армия не забывала и о своих собственных проблемах. Особенно активно эта работа была организована У Дачжоу. Сразу же после захвата Чжоуцуни в местных банках было произведена конфискация всей наличной валюты, а населению было приказано собрать 150 тысяч юаней кормовых. Многие солдаты занялись изъятием ценностей в индивидуальном порядке, так что «своими действиями они ничем не отличались от обычных бандитов»[71].

Неприязненное отношение местных жителей к Революционной армии вскоре вылилось в прямые конфликты. Наиболее серьезный из них произошел в Чанлэ.

Этот уезд был занят отрядом, участвовавшим в боях за Вэйсянь, по уже отработанному сценарию: сначала город был окружен, затем японский офицер предложил решить вопрос мирным путем[72]. Когда гарнизон капитулировал, начальнику уезда было предписано выплатить определенную сумму денег, а также обеспечить солдат Революционной армии провиантом. Но выполнить последнее требование оказалось невозможным, так как из-за неурожая местное население было на голодном пайке. Тогда в ход была пущена сила, произошло столкновение с жителями окрестных деревень, несколько сот крестьян было убито, а дома их сожжены. С жалобой на творимые беззакония шаньдунцы обратились в провинциальную Палату представителей, откуда она попала к Цзюй Чжэну, и ему пришлось изыскивать способ разрешения конфликта[73].

Противодействие со стороны местного населения было одной из главных причин неудачи шаньдунской операции.

«Мы снова потерпели поражение...»

6 июня 1916 г. неожиданно скончался Юань Шикай, и Сунь Ятсен приказал Цзюй Чжэну прекратить военные действия[74]. Попытки сохранить Революционную армию в качестве самостоятельного военного контингента не дали результата, и менее чем через полгода она была расформирована. На последнем заседании штаба Цзюй Чжэн сообщил, что ему предстоит составить сводный отчет о деятельности армии в Шаньдуне и просил своих подчиненных помочь ему в этой работе.

«На первый взгляд наши действия, направленные против Юань Шикая, увенчались определенными успехами. Но если мы беспристрастно взглянем на ситуацию, сложившуюся после его смерти, придется признать, что мы снова потерпели поражение. Поэтому при составлении этого отчета нам предстоит проанализировать истинные причины неудачи»[75].

Через несколько дней после этого Цзюй Чжэн вновь вернулся к этой теме. Он сказал, что Революционной армии удалось нанести значительный урон отборным частям 5-й дивизии противника и захватить более десяти городов, причем «если бы не противодействие японской армии, мы были в состоянии овладеть всей восточной частью Шаньдуна». Но после смерти Юань Шикая у власти по-прежнему находятся последыши узурпатора, Англия, Америка и Япония «как и раньше считают себя Небесным Владыкой», а простой народ влачит жалкое существование. Все это означает, что руководимая Сунь Ятсеном борьба вновь закончилась безрезультатно[76].

Неудача «Третьей революции», на которую Сунь Ятсен возлагал столь большие надежды, была жестоким ударом по самолюбию и престижу вождя Гэминдана. В одним из своих интервью осенью 1916 г. он заявил, что больше не интересуется политикой и решил отныне «сосредоточить усилия на практической деятельности, направленной на достижение своей давней мечты — осуществлении благосостояния народа»[77].

Впрочем, очень скоро Сунь Ятсен вновь оказался в самой гуще политической борьбы. Весной 1917 г. он создал в Кантоне свое Военное правительство, главной целью которого по-прежнему был поход против Пекина. И тут выяснилось, что опыт шаньдунской операции не остался невостребованным. Стержнем разработанного д-ром Сунем «Северо-западного плана» было, как и раньше, использование иностранных войск для свержения пекинского правительства. Разница заключалась лишь в том, что место Японии должна была занять теперь Советская Россия или Россия вместе с Германией. Пригодилась и идея привлечь к делу китайцев-эмигрантов.

Шаньдунский вариант «Третьей революции» оказался таким образом прелюдией «Северо-западного плана» Сунь Ятсена.

---

1. Сунь Ятсен — Кухара, 22 февраля 1916 г. // Гофу цюаньцзи [Полное собрание сочинений Отца Государства]. Тайбэй, 1989. Т. 4. С.391-392.
2. Ю Синдзюн (Юй Синьчунь). Сон Бун-но какумэй ундо то Ниппон [Революционная деятельность Сунь Ятсена и Япония]. Токио, 1989. С.265-266.
3. Там же. С. 266.
4. Чжунхуа гэминдан тао Юань сюаньянь [Манифест выступления Гэминдана против Юань Шикая] // Гофу цюаньцзи. Т. 2. С. 55
5. У Дачжоу. Шаньдун чоухуа далюэ [Общие положения Шаньдунского плана] // Гэмин вэньсянь. Тайбэй, 1969. Т. 46. С. 274-284.
6. Санто какумэйгун кодо ёрё [Программа действий Революционной армии в Шаньдуне] // Архив Комиссии по изучению истории Гоминьдана (ниже — АКИИГ), 400/213-1, л.1-10.

7. Санто какумэйгун кодо кэйкаку [План революционных действия в Шаньдуне] // АКИИГ, 400/214, л.1-6.
8. И кэн-ни окэру какумэйгун кодо кэйкаку [План действий Революционной армии в Вэйсяне] // АКИИГ, 400/217-1, л.1-6; Сайнан-ни окэру какумэйгун кодо кэйкаку [План революционных действий в Цзинани] // АКИИГ, 400/217-2, л.1-10.
9. Го Фанмэй. Цзюй Чжэн юй тао Юань дунбэйцзюнь [Цзюй Чжэн и антиюаньшикаевская Северо-Восточная Армия] // Цзиньдай чжунго. 1979. №11. С.89.
10. И кэн-ни окэру какумэйгун кодо кэйкаку // АКИИГ, 400/214, л.4.
11. Гэмин фанлюэ [Программа революции] // Гофу цюаньцзи. Т. 1. С.257.
12. Санто какумэйгун кодо кэйкаку // АКИИГ, 400/214, л.1.
13. Там же, 400/213-2, л.5
14. Там же, 400/217-1, л.3.
15. Там же, 400/217-1, л.2; 400/217-2, л.4-5.
16. Каяно Тёти. Тюкка минкоку какумэй хикю [Секретные материалы по истории революции в Китайской республики]. Токио, 1940. С. 355-356.
17. Тэрада — генералу Ида, 18 апреля 1916 г. // АКИИГ, 400/217-1, л.8-10.
18. Ю Синдзюн. Сон Бун-но какумэй ундо то Ниппон. С. 270.
19. Тэрада — генералу Ида, 18 апреля 1916 г. // АКИИГ, 400/217-1, л.8-10.
20. Санто какумэйгун кодо ёрё // АКИИГ, 400/213-1, л.3.
21. Цзюй Чжэн сяньшэн цюаньцзи. Тайбэй, 1999. Т. 2. С. 155.
22. Чжао Чжунфу. Тюгоку какумэй-но ондзин Миядзаки Тотэн [Благодетель китайской революции Миядзаки Тотэн] // Там же. Тайбэй, 2000. Т. 3. С. 827.
23. Санто какумэйгун кодо ёрё // АКИИГ, 400/213-1, л.8.
24. Там же, 400/175-14.
25. Китамура Хиронао. Юмэ-но нанадзю го нэн [70 с лишним лет прошли как сон], Токио, 1965. С. 102.
26. Дунбэй цзюнь югуань ханкун цзи цзишу жэньюань вэньцзянь [Документы Северо-Восточной армии, касающиеся использования специалистов в области аэропланов и иной техники] // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 479-480.
27. Го Фанмэй. Цзюй Чжэн юй тао Юань дунбэйцзюнь. С. 92.
28. Дунбэй цзюнь... С. 480-481.
29. Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 10 апреля 1916 г. // Гофу цюаньцзи. Т. 4. С. 408.
30. Ма Сян. Десять лет с Сунь Ятсеном // Вопросы истории. 1966. №11. С.135-136.
31. Китамура Хиронао. Юмэ-но нанадзю го нэн. С.103.
32. Там же. С.107.
33. Там же. С.96.
34. Чжунхуа гэминцзюнь дунбэйцзюнь гэ будуй жэньюн жицзи цзишу жэньюань синминлу (Список японских специалистов из состава подразделений Революционной северо-восточной армии) // Гэмин вэньсянь. Т.46. С.481-482.
35. Китамура Хиронао. Юмэ-но нанадзю го нэн. С.102.
36. Янь Гофу. Шаньдун тао Юань гэмин шилюэ [Краткая история антиюаньшикаевской революции в Шаньдуне] // Чжуаньцзи вэньсюэ. 1969. Т.15. №6. С.35-36.
37. Китамура Хиронао. Юмэ-но нанадзю го нэн. С.96-97.
38. Шаньдун Чжоуцунь Вэйсянь чжаньши цзи [Заметки о боевых действиях в Чжоуцуни и Вэйсяне, Шаньдун] // Гэмин вэньсянь. Т.46. С.264.
39. Там же. С.264-265.
40. Цзюй Чжэн сяньшэн цюаньцзи. Т. 2. С.154.
41. Сунь Ятсен — Дэйтрику, 20 ноября 1914 г. // Гофу цюаньцзи. Т. 4. С.334.
42. Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 10 апреля 1916 г. // Там же. С. 408.
43. После Синьхайской революции официальным флагом Китайской республики стало пятицветное полотнище, олицетворявшее сотрудничество «пяти наций» Китая.
44. Сунь Ятсен — Тянь Туну, 23 мая 1916 г. // Гофу цюаньцзи. Т. 4 С. 419.
45. Янь Гоци. Шаньдун тао юань гэмин шилюэ. С. 36.
46. Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 296-297.
47. Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 30 мая 1916 г. // Гофу цюаньцзи. Т. 4. С. 426.
48. Се Чи — Чжан Луцюаню, 6 июня 1916 г. // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 325-327.
49. Чэнь Чжунфу. Тюгоку какумэй... С. 827.
50. Санто какумэйгун кодо кэйкаку // АКИИГ, 400/214, л. 2.
51. Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 21 апреля 1916 г. // Гофу цюаньцзи. Т. 4. С. 412.

52. Сунь Ятсен — неизвестному адресату в Шанхае, 24 апреля 1916 г. // Там же. С. 414.
53. Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 28 апреля 1916 г. // Там же. С. 415.
54. Сунь Ятсен — генералу Танака, 24 мая 1916 г. // Там же. С. 421.
55. Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 4 апреля 1916 г.; Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 24 апреля 1916 г. // Там же. С. 404, 414.
56. Сунь Ятсен — генералу Танака, 24 мая 1916 г. // Там же. С. 423.
57. Цзюй Чжэн — Сунь Ятсену, 21 мая 1916 г. // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 293.
58. Токийская ячейка Гэминдана — Сунь Ятсену, 25 мая 1916 г. // АКИИГ, 400.23.
59. Хуан Син — Сунь Ятсену, 27 мая 1916 г. // Там же, 400.24.
60. Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 30 мая 1916 г. // Гофу цюаньцзи. Т. 4. С. 426.
61. Сюй Чунчжи — Люй Цзыжэню, 15 августа 1916 г. // АКИИГ, 400/201-20, л. 1.
62. Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 22 апреля 1916 г. // Гофу цюаньцзи. Т.4. С. 413. Командующий Революционной армией неукоснительно выполнял указание вождя. Держать в секрете истинный характер взаимоотношений Гэминдана с японской оккупационной армией в Шаньдуне на протяжении длительного времени продолжала и гоминьдановская историография. Что же касается цитировавшихся выше архивных документов на японском языке, то они до сих пор остаются неопубликованными.
63. Пань Иньнань. Миньго у нянь У Дачжоу цзай Чжоуцунь дули гайлюэ [Коротко о том, как У Дачжоу объявил в 1916 г. независимость Чжоуцуни] // Шаньдун цзиньдайши цзыляо. Цзинань, 1958. Т.2. С 341.
64. Japan Assists Rebels in Shantung // Peking Daily News, 10 May 1916 (цит. по: Friedman E. Backward Toward Revolution. University of California Press, Berkeley-Los Angeles-London, 1974. P. 201).
65. Situation in Shantung // Peking Daily News. June 1916 (там же).
66. Пань Иньнань. Миньго у нянь... С. 355, 359.
67. Подробнее см.: Friedman E. Backward Toward Revolution. P. 201.
68. Китамура Хиронао. Юмэ-но нанацзю нэн. С. 107.
69. Цзюй Чжэн — Каяно (без даты) // Цзюй Чжэн сяньшэн цюаньцзи. Т. 2. С. 153.
70. Там же. С. 171.
71. Китамура Хиронао. Юмэ-но нанацзю нэн. С. 93.
72. Там же. С. 99.
73. Переписку Цзюй Чжэна с провинциальными властями см.: АКИИГ, 400/201.
74. Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 9 июня 1916 г. // Гофу цюаньцзи. Т. 4. С. 428.
75. Цзюй Чжэн сяньшэн цюаньцзи. Т. 1. С. 356.
76. Там же.
77. АКИИГ, 400/195.3.

Документы, архивы

Австро-венгерские архивные источники и свидетельство современника о КВЖД и строительстве железных дорог в Корее

© 2001

К. Фендлер

В 2003 году исполняется сто лет со времени завершения строительства Китайско-Восточной (позже Китайской Чанчуньской) железной дороги, статус которой неоднократно и драматически менялся в течение прошлого века. В наши дни в связи с возможным восстановлением интеркорейской железной дороги и ее соединением с Транссибирской магистралью значение бывшей КВЖД снова возрастет, и поэтому вполне закономерно обращение к некоторым деталям, связанным с ее строительством.

Как известно, строительство КВЖД как части Транссибирской магистрали имело большое военно-стратегическое, политическое и экономическое значение не только для России и Китая. Проблемы, связанные с КВЖД, привлекали внимание заинтересованных в дальневосточных делах государств, прежде всего Англии, США, Японии, Германии и Франции, так как одним из узлов противоречий между ними, с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой, была Маньчжурия.[1] Естественно, что дипломатические представители держав в России пристально следили за строительством КВЖД и ее возможным влиянием на соотношение сил в регионе. В определенной мере это же можно сказать и о железнодорожном строительстве в Корее, военно-стратегическое значение которой возрастало в связи с арендой Россией китайских портов Порт-Артур и Дальний (по Конвенции 15 марта 1898 г.), находившихся в непосредственной близости от северных границ Кореи[2]. Помимо военно-стратегических аспектов, очень важным было то, что с открытием движения на КВЖД в 1901-1903 гг., и потом на ее разветвлении от Харбина через Пхеньян и Сеул до Пусана устанавливалось прямое железнодорожное сообщение «от Парижа до Японии». (Отметим, что и в современных условиях восстановление железнодорожного сообщения между Пхеньяном и Сеулом, вопрос о котором обсуждался на пхеньянской встрече руководителей двух Корей в июне 2000 г., имеет не только большое значение для КНДР и Республики Корея, но и для прямых — торговых и пассажирских — связей между Западной Европой и Дальним Востоком через Россию. В феврале 2001 г. в Сеуле, затем в Пхеньяне Россия уже

Фендлер Карой, историк-кореевед, Будапешт.

начала межправительственные переговоры по вопросам соединения Транссибирской и интеркорейской железных дорог).

В числе других европейских дипломатов представители Австро-Венгрии внимательно следили за строительством Транссибирской магистрали и КВЖД, а также вообще за железнодорожным строительством на Дальнем Востоке. Об этом свидетельствуют многочисленные донесения посольства из Санкт-Петербурга за 1890-1910 гг., которые находятся в венском Haus-, Hof- und Staatsarchiv[3]. Эти документы представляют определенный интерес, поскольку сама Австро-Венгрия непосредственно не участвовала в борьбе держав за сферы влияния на Дальнем Востоке. Ее присутствие там было связано с вопросами государственного престижа. Политические оценки, дававшиеся в посольских депешах, обычно отражали состояние двусторонних отношений Австро-Венгрии с царской Россией. При этом дипломаты часто докладывали о противоречивых мнениях, услышанных от того или иного царского министра или чиновника, от других дипломатов, а также писали о ходе и качестве железнодорожного строительства. Возможно, приводимые сведения не расширяют существенно наши знания, но они воссоздают политическую атмосферу вокруг железнодорожного строительства на Дальнем Востоке, добавляя некоторые штрихи к характеристике экспансии держав в регионе в конце XIX — начале XX вв.

В первой части статьи излагается содержание ряда дипломатических документов санкт-петербургского и токийского посольств Австро-Венгрии о военно-стратегических и политических аспектах строительства железных дорог на Дальнем Востоке. Вторую часть автор посвящает, так сказать, «репортажу с места событий»: два венгерских инженера-строителя работали на строительстве КВЖД как руководители участков, и один из них, Карой Губани (Gubányi Károly, 1867-1935), опубликовал в 1906 г. солидную книгу «Пять лет в Маньчжурии. 1898-1903» о своей работе и впечатлениях от Маньчжурии и Приморья, о политических событиях, связанных со строительством КВЖД. Книга снабжена многочисленными фотографиями[4]. В Географическом музее Венгрии сохранились паспорт Губани, трудовые документы, выданные ему русскими и китайскими властями, его переписка[5].

I

В декабре 1890 г. посол Австро-Венгрии в России граф Волкенштейн (Wolkenstein) первый раз упомянул о совещаниях в высших петербургских кругах по вопросам строительства Транссибирской магистрали, которая должна была упрочить положение России в Восточной Азии. Ссылаясь на участника этих совещаний генерала Анненкова, посол отметил, что «совещания пока не привели ни к какому политическому результату », а затем писал: «По моему скромному мнению, Россия скоро начнет строительство Сибирской железной дороги, потому что если она хочет для себя иного положения в Восточной Азии, ей необходимо построить эту железную дорогу. В случае конфликта между Россией и Англией, которым Китай мог бы легко воспользоваться, чтобы поставить под угрозу позиции России в Восточной Азии..., отсутствие Сибирской железной дороги явилось бы минусом для нее». Волкенштейн также подчеркнул, что «это прежде всего стратегическая дорога, ее строительство, по-моему, необходимо начать как можно скорее»[6]. Позже, в июне 1894 г., посол Гогенварт (Hohenwart) выражал опасение, что беспорядки в Маньчжурии могли бы угрожать строительству участка Владивосток — Хабаровск, и не исключал применения «военных мер» со стороны России[7]. Затем 10 октября 1894 г. новый посол маркграф Паллавичини (Pallavicini) в связи с начавшейся японо-

держание статьи из газеты «Новости» о событиях на Дальнем Востоке, в которой говорилось о необходимости расширения сферы влияния России за счет Кореи и Маньчжурии и продолжения Сибирской железной дороги до Сеула, в результате чего Россия утвердилась бы в качестве тихоокеанской державы и «распространила бы европейскую цивилизацию на полудикие районы Азии, выполняя свою историческую миссию»[8].

С осени 1895 г. дипломаты в Петербурге часто обсуждали вопросы о том, будет ли Россия проводить железнодорожную линию через китайскую территорию (Маньчжурию) и согласится ли на это китайский император. Паллавичини, ссылаясь на «Новое время», сообщал 10 октября 1895 г., что «из Владивостока в Маньчжурию выехали инженеры, чтобы приступить к предварительной разметке планируемой железной дороги». В связи с этим «итальянский временный поверенный рассказал, что он уже в мае узнал о плане проведения Сибирской железной дороги через китайскую территорию при получении на это одобрения китайского императора». Паллавичини цитировал также слова, сказанные Витте немецкому послу, о том, что «правительство России не думает вести Сибирскую железную дорогу через китайскую территорию», видя в них «еще одно доказательство», что «русским государственным деятелям нельзя верить»[9]. Вновь к этой теме Паллавичини возвратился 6 ноября 1895 г.: «...Здешний китайский посол потвердил одному дипломату существование плана проведения железной дороги от Пекина через Мукден, Гирин, Цицикар к станции Нерчинск на Транссибе», чтобы Китай мог получить связь с европейским миром. Посол также заявил: «...Русское правительство без всяких запросов направило инженеров в Маньчжурию для изучения возможности прокладки линии между Нерчинском и Владивостоком через Маньчжурию. Китайское правительство просто поставили в известность, призвав его позаботиться о безопасности инженеров »[10].

Подписав 3 июня (22 мая) 1896 г. союзный договор с Россией, китайское правительство согласилось на постройку железнодорожной линии через Маньчжурию к Владивостоку, получившей позднее название Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД)[11], и теперь строительство Транссибирской магистрали и КВЖД стало привлекать особое внимание иностранных дипломатов в Петербурге. Любопытно следующее сообщение в Вену Паллавичини от 22 октября 1896 г.: «Несколько дней назад я имел возможность разговаривать с сотрудником немецкого посольства в Пекине, который находился здесь некоторое время. Из Пекина он ехал сюда через Маньчжурию и Сибирь пять месяцев и мог сделать немало действительно интересных наблюдений. Он, доктор Франк (Franck), рассказал, что строительство Сибирской железной дороги, насколько он мог наблюдать, ведется с неслыханной небрежностью. Работают очень быстро, но так плохо, что уже теперь нужен ремонт... Кроме того, на строительстве, несмотря на всякие контрольные комиссии, повсюду очень много воруют»[12]. И далее, в конце 1896 г. посол писал.: «Много критики слышно об уже сданной части Сибирской дороги. Кажется, очень халатно ее строили и много было хищений... Сами русские газеты сообщают, что поезд с правительственной комиссией, прибывшей на принятие омского разветвления, сошел с рельсов... Железную дорогу Челябинск — Екатеринбург, связывающую Уральскую дорогу с Транссибирской, после сдачи пришлось на месяцы закрывать». Посол заключал: «Россия хочет удивить мир: с большой рекламой и удивительной быстротой русские строят в основном стратегическую дорогу, чтобы доказать «цивилизационное влияние» России в Азии»[13].

Дипломатические представители Австро-Венгрии в Петербурге особо держали в поле зрения стратегическое и военно-политическое значение железнодорожного строительства в Сибири и на Дальнем Востоке. Так, посол

князь Лихтенштейн (Liechtenstein), возвращаясь к вопросу о маньчжурском разветвлении, считал совершенно необоснованными страхи, что «в случае войны России угрожала бы опасность закрытия китайцами железной дороги: по Уставу КВЖД она (Россия) имеет право держать там свою полицию, и я уверен, что казачьих отрядов будет достаточно, чтобы энергично воспрепятствовать любым китайским попыткам закрыть дорогу»[14].

Лихтенштейн также передал в Вену полный текст интервью китайского посла в России корреспонденту «Петербургской газеты», озаглавленного «Русско-китайский договор и Маньчжурская железная дорога», от 18 декабря 1896 г. Китайский посол очень решительно опровергал слухи о русско-китайском договоре, делая упор на существовании соглашения, по которому Россия имеет право провести Сибирскую железную дорогу через Маньчжурию. Китайский посол подробно остановился «на огромном значении железной дороги для Маньчжурии, так как она будет проложена через дикую, совершенно не освоенную территорию, принося туда, безусловно, важные элементы цивилизации..., помогая поднять материальное благосостояние региона». Посол добавил, что «местное население приветствует строительство дороги, поскольку она создает возможность для хороших заработков»[15].

В последующие годы Лихтенштейн часто возвращался к проблемам КВЖД, к связанным с ней финансовым и международным вопросам (в частности, к претензиям Англии)[16]. Интересно привести выдержки из доклада Лихтенштейна от 25 августа 1898 г. о его беседе с министром иностранных дел России графом Муравьевым: «Граф Муравьев обратил мое внимание на то, что в вопросе о Маньчжурской железной дороге Россия не требует себе ничего недоступного и для других. Основываясь на Тяньцзиньском договоре, Англия ссылается на принцип наибольшего благоприятствования. Но Россия, — продолжал граф Муравьев, — заключила с Китаем такое соглашение, по которому ни одна страна, включая и Россию, или зарубежные кредиторы не могут заложить строящуюся в Маньчжурии железную дорогу. Или никто, кроме китайцев, не может управлять ею, за исключением, конечно, линии Мукден — Даляньвань — Порт-Артур, которую строит русское правительство, чтобы соединить Транссибирскую железную дорогу с незамерзающим портом. Это не нарушает принцип наибольшего благоприятствования, — сказал граф Муравьев»[17]. Посол отметил в докладе, что английский посол Скотт (Scott) якобы принял такую точку зрения.

Преемник Лихтенштейна Эхренталь (Aehrenthal), впоследствии министр иностранных дел Австро-Венгрии, регулярно информировал Вену о политических и технических проблемах строительства, о небрежности, расточительстве и воровстве на стройках, о хаосе в руководстве, о положении и поведении русских офицеров и солдат в Маньчжурии[18]. Он уделил значительное внимание инспекционной поездке Витте на Дальний Восток осенью 1902 г., его разногласиям с военным министром генералом Куропаткиным, обострению российско-японских противоречий. Эхренталь полагал однако, ссылаясь на российскую прессу, что войны между Россией и Японией удастся избежать[19], но его прогноз не оправдался.

Во время русско-японской войны и после нее австро-венгерские дипломаты проявляли живой интерес к японскому железнодорожному строительству в Корее. Посол в Токио фон Амбро (von Ambro) в начале 1905 г. сообщал сведения о сооружении железной дороги Пусан — Сеул и ее продолжении к северной границе Кореи[20]. План построить железнодорожную линию Сеул — Пусан с привлечением японского капитала возник еще в 1894 г. и был официально утвержден в 1898 г. Разметка линии завершилась в 1900 г., и в сентябре 1901 г. началось строительство с двух концов намеченной дороги. Стоимость

его была определена в 25 млн. йен, из которых до 1903 г. было вложено 10 млн. йен. Японское правительство предоставило на время строительства субвенцию (6% годовых за вложенный капитал сроком на 15 лет). Корейское правительство тоже обеспечило некоторые льготы (не облагаемый пошлинами ввоз стройматериалов и пр.). Вначале строительство шло очень медленно, но когда напряженность в отношениях между Японией и Россией стала нарастать, и стратегическая необходимость сооружения данной железной дороги становилась все более очевидной, японское правительство предоставило строительной компании 1,75 млн., потом 0,75 млн. и позже еще 0,75 млн. йен беспроцентных займов, реорганизовало дирекцию и оказало на нее давление, дабы завершить работу к концу 1904 г. В итоге 276 миль пути были построены, хотя несколько мостов и туннелей нуждались в достройке. Каждая миля обошлась в 100 тыс. йен. Ширина колеи дороги делала возможным ее соединение в будущем с КВЖД и с Транссибом. Одновременно велось строительство продолжения этой дороги к северным границам Кореи, с конечным пунктом в городе Ыджу на реке Ялу, на корейско-китайской границе. Сразу после начала русско-японской войны железнодорожная концессия, ранее предоставленная Кореей французскому синдикату, была немедленно передана Японии. Японская сторона выделила 16 млн. йен на строительство, и движение по линии должно начаться весной 1905 г., писал посол, отмечая, что хотя расстояние между Сеулом и Ыджу 300 миль, но строительство вести легче, чем на юге. Фон Амбро занимал также вопрос о соединении этих железных дорог с Транссибирской магистралью, поскольку это сокращало бы на несколько дней поездки или провоз грузов и делало бы Северную Азию новым центром мировой торговли. «Йокогама как ближайший порт к Америке стала бы ее воротами и самым важным грузоперевалочным пунктом. Но надо подождать, — добавлял фон Амбро, — согласится ли Россия в мирном договоре (с Японией) на соединение с Транссибирской железной дорогой, в целесообразности чего до войны из-за политических причин у нее были понятные сомнения"[21].

В депеше в Вену от 2 июня 1908 г. австро-венгерский посол в Петербурге граф Берхтольд (Berchtold) сообщал о пребывании в российской столице многочисленной японской делегации во главе с начальником перешедшей в японскую собственность Южно-маньчжурской железной дороги Гото, который «по слухам, хотел вести переговоры с русским правительством о покупке северо-маньчжурской части КВЖД». Однако, как подчеркивал посол, царское правительство вообще не думало о продаже оставшейся в русской собственности части КВЖД, и Гото не поднимал этого вопроса. Цель его миссии заключалась в том, чтобы дать ход практическому осуществлению русско-японского соглашения 1907 г. и восстановлению железнодорожного сообщения, которое было полностью нарушено военными действиями. В повестке дня переговоров стоял целый ряд проблем транспортного и тарифного характера. Восстановление железнодорожного сообщения по КВЖД означало для России контакты с незамерзающим, но находящимся теперь в японских руках портом Дальний, а для японской торговли — выход к Владивостоку. Посол упоминал также о русском плане строительства Амурской железной дороги, об увеличении численности японских войск в Корее, маневрах японских кораблей вблизи российских берегов Тихого океана, указывая, что «у медали русско-японского братания есть и оборотная сторона»[22]. Далее Берхтольд писал еще об одной неафишируемой цели японской делегации: из Петербурга некоторые ее члены поехали в Париж, «для переговоров о получении железнодорожного займа на сумму 60 млн. руб. ...Но имея в виду бедственное положение японских финансов, нельзя ожидать полного удовлетворения их стремлений»[23].

В годы японского протектората (1905 — 1910) и после аннексии Кореи Япония активно продолжала железнодорожное строительство на Корейском полуострове. В связи с этим посол в Токио фон Хеннинг-О'Каррол (von Hoenning-O'Carroll) излагал 31 мая 1911 г доклад главного инженера Корейского железнодорожного общества Ойя (Оуа), сделанный им на заседании под председательством генерал-губернатора Кореи. Согласно докладу, линия Сеул — Вонсан должна была быть открыта уже в 1914 г., а одновременно или раньше — линия Мокпхо-Теджон. Весной 1912 г. планировалось закончить сооружение железнодорожного моста между Синыджу и Аньдуном, над рекой Ялу. Таким образом, протяженность железнодорожной сети в Корее достигнет 985 миль. Ойя сделал особый акцент на том, что, осуществляя железнодорожное строительство, Япония исходит в первую очередь из интересов мировой торговли, а также из местных экономических интересов.[24]

Военно-стратегический аспект интенсивного железнодорожного строительства, осуществлявшегося Японией, не остался без внимания военной разведки Австро-Венгрии. Отталкиваясь от факта публикации статьи «Японская железнодорожная политика в Восточной Азии» в газете «Нойе фрайе прессе» («Neue Freie Presse») от 2 апреля 1910 г., Разведбюро (Evidenzburo) докладывало, что со времени войны России с Японией последняя настойчиво создает для себя благоприятые стратегические условия на восточно-азиатском континенте, решая задачу обеспечения концентрации крупных сил в Маньчжурии. С венной точки зрения особенно важное значение имеет замена узкоколейной линии Аньдун-Мукден на ширококолейную. В результате Япония приобретает стратегически очень ценную дорогу. В докладе подробно описывались уже существующая или находящаяся в процессе строительства железнодорожная сеть Кореи и Маньчжурии, пропускная способность железных дорог и другие технические данные. Разведбюро пришло к выводу, что Япония скоро сможет ежедневно перебрасывать по 6 тыс. человек из Дальнего, Аньдуна, Пусана, Пхеньяна, Вонсана в сторону Мукдена, то-есть за 2-3 недели сконцентрировать в Маньчжурии полумиллионную армию. «Своей железнодорожной стратегией Япония создает основы своего господства на Дальнем Востоке, которое в будущем никакая другая держава ни на суше, ни на море не сможет оспаривать» — заключало Разведбюро, прилагая к своему докладу две подробные схемы железнодорожной сети Кореи и Маньчжурии[25].

В ноябре 1911 г. посол в Токио фон Франкенштейн (von Franckenstein) писал о завершении реконструкции упоминавшейся выше узкоколейной железной дороги Аньдун-Мукден, начатой еще в 1908 г. и стоившей 24,5 млн. йен. Посол указывал: «Несомненно, что эта линия служит прежде всего стратегическим целям... С большой уверенностью можно сказать, что японская торговля будет использовать эту новую дорогу и что влияние островной империи на маньчжурской территории... будет все более расширяться»[26]. Посол обращал внимание на сокращение времени в пути от Мукдена до Токио на 30 часов, на значительный рост торговых связей между Кореей и Маньчжурией, благоприятные перспективы развития промышленных предприятий в таких угольных и железорудных районах на востоке и на севере от этой дороги, как Бэньсиху и Ушунь.

В общем, в австро-венгерских архивах можно найти немало разнообразной информации о КВЖД и о железнодорожном строительстве в Корее. Она свидетельствует, что строительство КВЖД и железных дорог в Корее в то время рассматривалось как единый комплекс, исходя из военно-стратегических, политических и экономических соображений. Вначале царская Россия старалась обеспечить себе выход к незамерзающим портам и на Корейский полуостров, а потом Япония пробивала себе дорогу на континент через тот же

Корейский полуостров. Этим целям и служило строительство дорожной сети в Маньчжурии и в Корее, которая в основном является костяком их инфраструктуры и в настоящее время.

II

Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке, включая КВЖД, вызвало большой интерес и в далекой Венгрии. Два молодых венгерских инженера Карой Губани и Антал Сентгали (Szentgáli Antal, 1868-1945) решили принять участие в этой грандиозной работе как начальники (субпорядчики) участков (А.Сентгали позже работал и на строительстве порта Владивостока). Написанная Губани книга «Пять лет в Маньчжурии. 1898-1903» интересна и в наши дни как важное свидетельство участника строительства КВЖД. Автор рассказал не только о ходе работ и о решении трудных технических задач. Он также подробно описал природу и жителей Маньчжурии и Уссурийского края, трудные условия, в которых работали строители КВЖД. Молодого инженера воодушевляло то, что он мог принимать «активное участие в создании одного из самых великолепных творений современного железнодорожного строительства», и сознание этого изгладило в его памяти все трудности и неприятности: «Если принять во внимание, что по соглашению с Китаем железная дорога должна была открыться для регулярного движению не позже середины 1903 г., смело можно сказать, что здесь решалась ни с чем не сравнимая задача в истории строительства железных дорог во всем мире»[27] .

С политическими проблемами, в частности, с противоречиями между державами в Китае Губани столкнулся уже при поступлении на работу в Общество Китайско-Восточной железной дороги. В начале книги он писал: «Еще перед переговорами о трудоустройстве мне дали понять, что если бы я был англичанином или немцем, со мною не стали бы и разговаривать», добавляя, что «первым условием работы было овладение русским языком».[28]. А когда он уже работал во Владивостоке в проектном бюро, представитель американской сталелитейной фирмы постоянно вертелся около него, чтобы выяснить, на какой заказ может рассчитывать его завод.

Стоит отметить, что для «технаря» Губани достаточно точно оценивал общую ситуацию на Дальнем Востоке и политику иностранных держав в отношении Китая, охарактеризовав ее следующими словами: «Хотя державы громко провозглашали, что полное сохранение целостности Поднебесной является горячим желанием всего культурного мира, но все-таки они уже молчаливо начали расчленение огромной территории Китая»[29].

Находясь на службе в акционерном Обществе Китайско-Восточной железной дороги, Губани хорошо представлял себе, что оно являлось «формальной организацией» и что все финансовые дела его находились в руках российского министра финансов[30]. Возможно, поэтому венгерский специалист проявлял большой интерес к политике России на Дальнем Востоке, связывая с ней и технические стороны строительства КВЖД. «В последние годы конечной целью экспансионистской политики России было приобретение нескольких незамерзающих портов на морском побережье. Осуществление этой цели окончательно втянуло Маньчжурию в сферу российских интересов и вызвало к жизни идею строительства железной дороги через маньчжурскую территорию... Эта новая железная дорога... была призвана одновременно открыть дорогу к портам двух морей».[31]. По мнению Губани, «российская дипломатия в Пекине очень много сделала для того, чтобы добиться согласия китайского правительства и особенно небезызвестного Ли Хунчжана на осуществление русских планов в Маньчжурии». Последнего Губани считал «искренним сторонником» России[32].

Рассказывая о русско-китайских переговорах относительно проведения линии КВЖД, Губани привел историю с усыпальницами императоров маньчжурской династии около Мукдена. На первом этапе переговоров китайских представителей сильно беспокоило, «не нарушит ли стук паровозов вековое спокойствие усопших императоров». Идя навстречу китайским требованиям, российские инженеры решили проложить линию на расстоянии 10 км. от Мукдена и от могил, но после восстания ихэтуаней «озабоченность китайских властей рассеялась»: линия была проведена между Мукденом и императорскими могилами, пересекая старое кладбище. Русские строители за каждую перенесенную могилу заплатили китайским властям, «и это хорошо проверенное средство обеспечило спокойствие живых и мертвых на все времена»[33].

Губани не обошел вниманием поездку на строительство КВЖД Витте в 1902 г. По словам венгерского инженера, российский министр финансов, уже затративший на стройку в Маньчжурии более 600 млн. рублей, «живо интересовался ходом работ и объездил все линии огромной железной дороги, чтобы на основе своих личных впечатлений доложить царю о положении на стройке»[34]. Значительное место уделил Губани и поездке на Дальний Восток военного министра Куропаткина. «В мае 1903 г. генерал Куропаткин, тогдашний военный министр, как представитель царя приехал в Маньчжурию, чтобы лично удостовериться в завершении строительства железнодорожной линии и произвести смотр русских военных сил в Восточной Азии. Другой не менее важной его задачей было выяснить действительные причины антироссийских настроений в Японии, нараставших уже несколько лет, и своей личной миссией смягчить или по возможности полностью рассеять их... Сдержанный и неприветливый формальный прием, оказанный военному министру России в Японии, убедил Куропаткина, что Япония готова на все для защиты своих интересов самыми серьезными средствами, что особенно относительно Кореи японцы имеют далеко идущие планы и не допустят никакого вмешательства с русской стороны»[35]. Куропаткин предложил целый ряд мер по укреплению позиций России на Дальнем Востоке и отражению возможного японского нападения, в том числе значительное увеличение русских войск и назначение наместника областей Дальнего Востока с большими полномочиями. Но поскольку, вопреки его ожиданиям, царь назначил на этот пост адмирала Алексеева, а не его, «генерал Куропаткин чудесным образом как-то сразу забыл все уроки своей японской поездки, — отмечал Губани, -- и уже не считал столь важным укрепление русских военных сил и флота в Маньчжурии, осуществление других важных военных мероприятий. Кажется даже, он прямо игнорировал подобные неоднократные настояния Алексеева»[36].

За пять лет работы на строительстве КВЖД Губани много ездил по Маньчжурии и Приморью, полюбил эти края и оставил о них и об их жителях интересные наблюдения. Приведем лишь некоторые из них.

«Узнав о начале строительных работ, корейцы и китайцы группами приходили из Уссурийского края во внутреннюю Маньчжурию, так что о рабочей силе нам нечего было беспокоиться... Землекопы, поденщики, кузнецы и плотники все были китайцы и корейцы» — писал он, иллюстрируя свой рассказ фотоснимками корейских рабочих[37]. «Вдоль по берегам реки Суйфэн летит тройка, ...одну за другой проезжаем приветливые русские и корейские деревни и села. По дороге своеобразные, запряженные быками, телеги возвращаются с полей к корейским селам. На них — длинностебельное сорго (гаолян), на быке боком сидит корейский парень, машет тонкой палкой, дергая повод — тонкую веревку, привязанную к деревянному кольцу в носу быка. Красивый большой бык медленно шагает, парень тихо поет... Доезжаем до корейской деревни, состоящей из бедных, жалких хижин, хотя ее жители зажиточные зем-

ледельцы.»[38]. «...Наши корейские рабочие по ночам корзиной или гарпуном ловили рыбу. Интересно было слушать их рассказы по утрам, когда они приходили на кухню со свежими красивыми большими рыбинами»[39].

Две главы книги Губани посвятил драматическим событиям восстания ихэтуаней и его последствиям, а завершил книгу очерком о положении в Маньчжурии непосредственно накануне русско-японской войны[40].

К моменту окончания своей работы на строительстве КВЖД Губани стал свидетелем тех огромных перемен, которые дорога внесла в жизнь населения Маньчжурии. После открытия 1 июля 1903 г. регулярного движения, «когда скорые поезда за 16 дней доставляли пассажиров из европейских столиц на берег Тихого океана..., из месяца в месяц чувствовалось заметное развитие в районах Маньчжурии вдоль железной дороги»[41].

Еще два момента делают книгу Губани ценной и в наши дни. Во-первых, меткие характеристики проживавших в Маньчжурии разных народностей, а также работавших на стройке рабочих и руководителей строительства. Во-вторых, яркие описания почти на каждой странице чудесной, полюбившейся молодому венгру природы Маньчжурии, не тронутых тогда еще человеком ее рек, гор и лесов, среди которых он прожил и проработал пять лет.

«То обстоятельство, — писал Губани в заключении, — что русская экспансионистская политика кончилась полной неудачей и в результате этого возникающие там новые условия жизни неожиданно подверглись далеко идущим изменениям, ничуть не умаляет, как мне кажется, исторического значения строительства железной дороги в Маньчжурии, а, напротив, даже оправдывает появление книги, в которой я постарался отразить некоторые эпизоды перемен в интересное время»[42].

По мнению автора данной статьи, будучи изданной на русском языке, книга Кароя Губани могла бы привлечь внимание российских читателей.

---

1. Lensen, A.G.: Balance of Intrigue — International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884-1899. Vol .I.- II. Tallahassee. 1982.
2. Тягай Г.Д. О планах железнодорожного строительства иностранных держав в Корее в конце XIX в. // Краткие сообщения Института Востоковедения. Вып.25. М., 1957.С.78-84; Пак Б.Б. Строительство Амурской железнодорожной магистрали (1891-1916). Санкт-Петербург — Иркутск. 1995. С.16-27, 113-116.
3. Wien, Haus-, Hof- und Staatsarchiv (HHStA), P.A.X. Russland Berichte.
4. Gubányi, Károly: Öt év Mandzsuországban. 1898-1903, [Пять лет в Маньчжурии. 1898-1903] Budapest, 1906. 328 p. 88 photo.
5. Kubassek, János. Gubányi Károly szerepe Kelet-Mandzsuria földrajzi megismerésében [Роль Кароя Губани в географическом открытии Восточной Маньчжурии] In:Földrajzi Muzeumi Tanulmányok [Ученые записки Географического музея], 1985. № 1. P. 45-50.
6. HHStA, P.A.X. Russland Berichte, 1890. № 64.
7. Там же. 1894. № 25Д.
8. Там же. 1894. № 45F.
9. Там же. 1895. № 44.
10. Там же. 1895. № 50D.
11. См. Кузнецов В.С. КВЖД и развитие Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 4. С.196.
12. HHStA, P.A.X., Russland Berichte. 1896. №37 B/H.P.
13. Там же. 1896. № 84 D.
14. Там же.
15. Там же. 1896. №83 B.
16. Там же. 1897. №63 A-D.

18. Там же. 1903. №37 E.
19. Там же. 1903. №38 D.
20. Там же. Japan Berichte. 1905. №5/H.P.
21. Там же.
22. Там же.Russland Berichte. 1908. №27 E.
23. Там же.
24. Там же. Japan Berichte. 1911. №21 C.
25. Там же. Evidenzburo. 1910. №23 A.
26. Там же. Japan Berichte. 1911. №4 C.
27. Губани К. Цит. соч. С. 8-9.
28. Там же. С. 11.
29. Там же. С. 19.
30. Там же. С. 7.
31. Там же. С. 6.
32. Там же.
33. Там же. С. 287.
34. Там же. С. 271.
35. Там же. С. 274-275.
36. Там же. С. 275-276.
37. Там же. С. 38-45.
38. Там же. С. 66-68.
39. Там же. С. 212.
40. Там же. Гл. IX, X, XIII.
41. Там же. С. 276-277.
42. Там же. С. 303.

Русские в Китае

Ван Чжичэн — исследователь истории русской эмиграции

© 2001

Л. Черникова, Бэй Вэньли (КНР)

У китайского исследователя Ван Чжичэна много ипостасей. Он — руководитель секции по изучению истории русских эмигрантов при «Русском клубе в Шанхае»[1], Почетный член Совета клуба, известный китайский ученый-русист, заведующий Отделом России и руководитель Центра славяноведения Института Европы и Азии Шанхайской академии общественных наук, член ученого совета ИЕА ШАОН, советник и почетный член Музея русской культуры в г. Сан-Франциско, США.

Наш разговор с этим неординарным человеком был продолжительным и интересным, возможно, еще и потому, что этот ученый с мировым именем держится очень просто и в нем нет ни капли самодовольства и надменности. Он прекрасно говорит по-русски, владеет английским языком и читает по-французски. Знания его обширны, и он щедро и ненавязчиво делится ими с собеседником. За его плечами — богатый жизненный опыт и долгие годы кропотливого труда по сбору и обработке архивов русской эмиграции в Шанхае, Сан-Франциско, Харбине.

Закончив Шанхайский институт иностранных языков, Ван Чжичэн начал работать в Институте исследований Советского Союза и стран Восточной Европы (ныне — Институт Европы и Азии) со дня его создания и трудится в нем до сих пор. Он занимается обширным кругом проблем, касающихся российской, еврейской, португальской и других эмиграций в Китае, Русской духовной миссии, славяноведения и международных отношений на Дальнем Востоке. Но, пожалуй, самый большой вклад сделан им в области истории русской эмиграции в Шанхае. По этой теме им опубликованы ряд серьезных статей и книга «История русской эмиграции в Шанхае»[2].

Свои исследования ученый проводил не только в Китае, но и в СССР (1990), России (1997) и США. В 1992-1993 гг. стажировался в Стэнфордском университете в США, в Калифорнии. Это, как известно, один из облюбованных русскими эмигрантами штатов, куда они переселялись сразу после отъезда из

Черникова Лариса, кандидат исторических наук, преподаватель Башгосуниверситета, г. Уфа, Россия (стажер Хуадунского Восточно-китайского педуниверситета, г. Шанхай).

Бэй Вэньли, кандидат филологических наук, старший преподаватель Хуадунского Восточно-китайского педуниверситета, г. Шанхай.

Китая. В 1998 г. Ван Чжичэн прошел также стажировку в американском университете штата Юта. В 1995 г. он был приглашен университетом Макао (бывшая португальская колония) для обрабатки материалов по истории португальской колонии в Шанхае (после чего вышла небольшая книга на английском языке).

Все это, как говорится, «этапы большого пути», официальные достижения и итоги исследовательской работы ученого. Но нам хочется знать и то, каков человек сам по себе, каковы его взгляды на жизнь и что он думает о своих исследованиях и тех людях, чью историю описал. По китайской традиции, чтобы понять мировоззрение человека, очень важно выяснить, кем были его предки, в какой среде он воспитывался, что сформировало его жизненные позиции. По словам Ван Чжичэна его семья — одна из древнейших в Китае — по письменным источникам восходит корнями ко временам Конфуция, к эпохе Восточного Чжоу (т.е. 2500 лет назад).

Родители Ван Чжичэна жили в Шанхае, где отец был профессором западной литературы шанхайского университета (он свободно владел английским языком). Позднее был редактором шанхайского издательства, в середине 1930-х гг. — заведующим отделом редакции китайской вечерней газеты Да Ваньбао (China Evening News), а впоследствии — вплоть до 1949 г. — главным редактором этой самой большой вечерней газеты в Китае.

В 1940 г. родился Ван Чжичэн. После образования КНР в 1949 г. газету отца закрыли с формулировкой «это не народная, а гоминьдановская газета». Ему предложили место в отделе культуры при муниципальном бюро. Он согласился, решив, что «лучше такая работа, чем тюрьма» . В его обязанности входило сохранение и реставрация исторических и культурных памятников Шанхая.

К этому времени Ван Чжичэн учился в средней шанхайской школе. Это была бывшая американская школа (former "Grace" School) во французской концессии, которая после в 1949 г. превратилась в обычную муниципальную школу.

По вечерам отец Ван Чжичэна занимался работой «для души» — переводил романы английских писателей на китайский язык. В частности, перевел «Современную комедию» Дж. Голсуорси и 3 его романа.

Ван Чжичэн, окончив школу, (отец к этому времени умер) решил поступать в Институт иностранных языков. «Тогда, — рассказывает он, — абитуриенту нужно было написать "15 желаний" — какие предметы он хочет изучать в институте. Все, как и сейчас, стремились на английское отделение. Кроме английского, я написал в качестве желательных для изучения также французский и русский языки. И меня определили изучать русский язык». Так он попал на факультет русского языка. И был единственным из однокурсников, кто ни слова не знал по-русски (все остальные прошли 6-летнюю подготовку по русскому языку в средней школе).

После окончания института в 1963 г. Ван Чжичэн преподавал русский язык в Институте усовершенствования учителей в Шанхае. Когда началась так называемая «культурная революция», факультет прекратил прием новых студентов и все преподаватели уехали в деревню «учиться у народных масс» и поднимать сельское хозяйство.

Ван Чжичэн не попал в деревню, его направили на работу в среднюю школу, где он преподавал русский и английский языки в течение года.

— После окончания "культурной революции", — продолжил Ван Чжичэн, — началась переорганизация институтов по всему Китаю. Меня экзаменовали, я сдал экзамен-допуск для работы в институте. В 1981 г. Шанхайская Академия общественных наук (ШАОН) и Хуадунский педуниверситет совместно создали Институт по изучению Советского Союза и стран Восточной Ев-

ропы. Я получил разрешение работать там: переводил экономические статьи и информацию о политическом положении в СССР.

В конце 1990 г. меня послали в СССР на стажировку, которую я проходил в Институте Востоковедения. Там я собирал материал для своей книги по истории русских эмигрантов, которой я начал заниматься в 1982 г. В Европе, Америке и России практически не было фундаментальных исследований по этой теме.

Случайно я узнал, что в Шанхайском книгохранилище — Цикавей Каньшулоу (Zikawei Canshulou) есть много материалов — английских, французских и русских газет 20-40-х гг. XX в. Они находились в хорошем состоянии, только не были обработаны — лежали газеты разных лет, иногда разрозненные экземпляры.

Я ходил в библиотеку как на работу, систематизировал газеты и ежедневно переводил с русского языка на китайский почти 5-8 тысяч иероглифов, читал английские газеты и журналы.

После окончания работы в 1990 г. я по приглашению посетил СССР. Моими исследованиями заинтересовались и в США. Я приехал в Америку и работал в библиотеке Стэнфордского университета. Я был поражен: представьте, гонимые со своих обжитых мест, русские эмигранты везли с собой из Китая не вещи, не драгоценности, а газеты и журналы на русском языке! Это действительно были настоящие интеллигенты, хранившие в Америке печатные издания, любимые журналы всю жизнь. Горько, что их дети совсем не интересовались этим. После смерти родителей некоторые выбрасывали чемоданы с «хламом» на улицу. Многое теперь уже безвозвратно утеряно.

Как только я начал работать в библиотеке, ко мне обратились сотрудники Музея русской культуры г. Сан-Франциско, с просьбой помочь им привести в порядок документы и архивные материалы. (Благодаря деятельности Музея, многие архивы и русская периодика 20-40-х гг. были подобраны, куплены, приняты в дар и сохранены для потомков). Я с удовольствием согласился это сделать.

В результате составил подробный каталог объемом в 300 страниц машинописного текста. После окончания этой работы правление музея присвоить мне звание Почетного члена музея и Советника этого музея (пожизненно).

За год работы в музее многому научился и многое узнал. Я тогда часто размышлял о том, насколько русские все-таки не похожи на другие народы. Для русских деньги и богатство, материальное — не самое главное в жизни, а важнее всего — духовное.

Прибыв в Сан-Франциско, поначалу русские эмигранты не имели своего центра — культурного и общественного. Когда же окончилась Вторая мировая война и в городе опустело здание бывшего Германского клуба, эмигрантские активисты обратились в Муниципалитет с просьбой разрешить разместить там Русский клуб. Вскоре согласие было получено и Русский клуб в Сан-Франциско, заняв большое четырехэтажное здание, начал свою работу: там были размещены библиотека, музей русской культуры, гимнастический зал и др. Недалеко от этого здания находится православная церковь Сан-Франциско.

Из США в Шанхай я привез по моей тематике много книг, которых не было ни в Китае, ни в России.

— Именно в то время Вы встречались с Бродским, Солженицыным и другими известными людьми русского Зарубежья? — задали мы вопрос китайскому ученому.

— Когда я стажировался в Гуверовском институте, туда для чтения лекции был приглашен Иосиф Бродский. Когда он узнал, что я изучаю русскую эмиграцию в Шанхае, был очень удивлен и обрадован, потому что никак

не думал, что ученый из КНР занимается этим вопросом. Он спросил, почему я взялся за такую сложную и противоречивую тему, что меня привлекло в ней. Я ответил, что с детства был знаком и восхищен русской культурой, изучал русскую литературу, труды русских классиков, интересовался русским художественным живописным творчеством и т.д. И считаю, что русская культура — это одно из величайших достижений не только русского народа, но и всего человечества. Существование русской колонии оказало большое влияние на развитие современной культуры в Китае. Например, современная музыка, современная театральная жизнь в Шанхае, балет, певческое искусство, шанхайский муниципальный оркестр — все это берет начало со времени проживания в Шанхае русских эмигрантов. Это — великий почин. Это очень важно для Китая. Мало кто занимается этой проблемой, я считаю своим долгом изучить все стороны жизни русских эмигрантов и сделать исторически справедливый вывод.

Услышав мои слова, Бродский очень обрадовался. Он обещал переслать мне свою фотографию и дал автограф. Жаль, что этот талантливый поэт рано ушел из жизни.

Другой известный русский писатель, и тоже лауреат Нобелевской премии А.И.Солженицын, узнав, что в Стэнфордском университете работает над эмигрантской темой китайский ученый, захотел встретиться со мной.

Однако вместо одного человека я увидел троих. Оказалось, что Солженицына неожиданно пригласил на аудиенцию в Ватикан Папа Римский и он вместо себя прислал своих родных: мать, супругу и сына. Они прибыли, чтобы принести извинения великого русского писателя. Я был очень тронут этим. Я сказал им: г-н Солженицын - настоящий джентльмен, а я — простой ученый. Тогда же я узнал, что его сын изучал китайский язык на Тайване.

Мы долго разговаривали о жизни русских эмигрантов в Китае, о тех известных людях, которые переехали в США и до сих пор живут там. Солженицын через своих родственников передал пожелание встретиться в будущем, но я вернулся на родину и так мы до сих пор и не увиделись.

Из других известных в эмигрантских кругах людей я несколько раз встречался с журналистом Виктором Петровым, который даже посвятил моей работе целую статью. Он когда-то жил в Харбине, потом в Шанхае. В начале 1930-х гг. работал в газете «Шанхайская Заря» под руководством Арнольдова и других.

Еще один весьма влиятельный среди эмигрантов и просто интересный человек — директор Музея Русской Культуры в Сан-Франциско Георгий Тарала. Его отец был царским генералом, начальником охранной бригады главы последнего Приморского белого правительства генерал-лейтенанта Дитерихса. Он умер в возрасте 105 лет, так и не увидев своей родины. Георгий Тарала в США работал главным инженером американской сигаретной компании «Мальборо». В свое время окончил известный в Харбине Политехнический институт. Потом был инженером на китайском заводе и в середине 1950-х уехал в США.

Это бодрый, много знающий человек, большой знаток русской культуры, всю свою жизнь проведший в эмиграции. Все свои силы он отдает работе в Музее Русской Культуры — единственном эмигрантском музее в мире.

Еще один интересный человек — заведующий выставочным залом Музея Русской Культуры в Сан-Франциско — потомок известного русского писателя Н.М.Карамзина, его пра-правнук, отец которого был художником. Кстати, в музее много картин, целая галерея.

Сейчас я работаю над историей русских эмигрантов в Харбине. Харбинская академия наук очень поддерживает меня. Планирую выпустить 3 книги: одна должна содержать план Харбина с указанием старых зданий и их истории. Вторая будет состоять из фотографий старого Харбина и тех зданий, что сохранились до сегодняшнего дня. В третьей — история харбинских эмигрантов.

Сейчас приходится торопиться с поиском старых домов, потому что масштаб нового строительства очень велик. Я даже написал статью в местную харбинскую газету о бездумном уничтожении исторического и культурного наследия русских эмигрантов. Она вызвала большой общественный резонанс, но, к сожалению, мало что изменила.

Во время моих командировок в Харбин я обошел все прежние «русские» кварталы, делал фотографии, ходил в те районы, которые почти полвека были густо заселены русскими эмигрантами — на Пристань, в Старый город и т.д. Обошел более 100 улиц и переулков. Нашел множество бывших русских домов, отснял не одну фотопленку. Большинство русских памятников совершенно уникальны и их изображения сделаны впервые. Например, совершенно случайно нашел бывшую резиденцию генерала Хорвата.

Сегодня Ван Чжичэн полон энергии и энтузиазма. Среди его планов — идея создания в Шанхае Центра русской культуры с секциями русской литературы, музыки, художественного творчества. Предполагается, что там будут демонстрироваться российские кинофильмы и выступать небольшие театральные коллективы из России. Идея эта имеет много сторонников и сочувствующих, но, увы (!), мало спонсоров. Есть надежда, что дело сдвинется с мертвой точки.

---

1. Клуб создан в Шанхае в декабре 1998 г., в 2001 появилась электронная газета Клуба в сети Internet (http://www.rusclubchina.narod.ru).
2. См. рецензию на эту книгу в ПДВ. №4. 2000. Среди других научных публикаций Ван Чжичэна особый интерес представляют также Англо-китайский словарь для редакторов и издателей. Шанхай, 1990, 1995. 636 с.; Русские эмигранты и Великая Отечественная война. Шанхай, 1995; Португальцы в Шанхае (на англ.яз.). Аомынь (Макао), 1999. 155 с. и др.

По страницам харбинского журнала "Известия юридического факультета" (1925-1938)

© 2001

Г. Стародубцев

Исторически первыми центрами российской международно-правовой научной диаспоры в 20-е гг. XX века были Харбин, Константинополь, Берлин, София, Прага и Париж. Однако действительными "столицами" русского зарубежного высшего юридического образования и международно-правовой науки российской эмиграции являлись Прага[1] и Харбин, который был по существу русским городом[2]. В них были открыты юридические факультеты, в которых на русском языке и по программам российских дореволюционных университетов обучались выходцы из России. В связи с тем, что на этих факультетах в широком объеме преподавали международное право, возникла необходимость обеспечить учебный процесс учебниками, пособиями, монографиями и статьями по этой тематике.

Основным изданием восточной ветви российской эмиграции, в котором получили отражение взгляды ученых на международное право, были "Известия юридического факультета" в Харбине. За время их существования вышло двенадцать весьма объемных томов (248-384 сс.). Они выпускались не регулярно, так как зависели не от наличия научного материала, в котором у факультета не было недостатка, а от имеющихся средств. Первый том вышел в 1925 г., к 1928 г. было уже 8 томов, а в течение последующих десяти лет напечатано только четыре последних тома.

Постоянного редактора у "Известий..." не было. Советом профессоров избирался редактор того или иного тома. Большинство томов редактировал Г.К.Гинс (1, 3-6, 9, 11, 12), 7 том - Н.В.Устрялов, 10 том - В.В.Энгельфельд. Два тома (2 и 8) не имели редакторов, 2 том составила работа В.В.Энгельфельда "Очерки государственного права Китая", а весь 8 том занимал труд В.А.Рязановского "Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк", вышедший на русском и английском языках.

Обычно "Известия..." печатались на факультетские деньги. Но после перехода факультета в 1929 г. в ведение китайской администрации они стали издаваться за счет средств профессоров факультета, авторов, на доходы от коммерческих объявлений, пожертвования частных лиц и т.д. Например, 10 том был оплачен авторами помещенных в нем статей.

"Когда факультет приступил в 1925 г. к изданию первого тома "Известий...", ни одна типография в городе не имела опыта в отношении издания научных книг с примечаниями, ссылками на иностранные источники, раз-

---

Стародубцев Геннадий Серафимович, доктор юридических наук, эксперт Регионального общественного фонда "Информатика для демократии".

нообразием шрифтов в тексте. Печатание сопряжено было с большими механическими трудностями. Факультет проложил путь научной книге и теперь в городе Харбине можно напечатать любое исследование", - заключал Н.П.Автономов[3].

В каждом из вышедших томов публиковались работы юристов по различным проблемам международного права. Так, В.А.Овчинников поместил в 3 томе две статьи: "К трехсотлетию трактата Гуго Гроция" (с. 3-7) и "Из юридической литературы о международном положении Монголии" (с. 35-43), а в 5 - "О консульском уставе СССР" (с. 335-346).

Г.Г.Тельберг опубликовал в 4 томе актовую речь (с. 169-178), прочитанную им на торжественном акте юридического факультета 1 марта 1927 г. "Идея войны в новом международном праве". В этом же томе В.В.Энгельфельд поместил рецензию на магистерскую диссертацию М.А.Циммермана "Вмешательство и признание в международном праве", защищенную и опубликованную в Праге в 1926 г. (с. 332-338).

Излагая содержание статей, мы не обойдемся порой без пространных цитат. Во-первых, потому, что некоторые из них сохранились в единичных экземплярах, что делает невозможным их прочтение даже специалистами, не говоря уже о широком круге читателей. Во-вторых, по меткому замечанию Н.В.Устрялова: "Учение великих мыслителей лучше всего излагать их собственными словами"[4].

Предпосылкой написания первой статьи В.А.Овчинникова, опубликованной в 3 томе, как видно из названия "К трехсотлетию трактата Гуго Гроция", явилось празднование в 1925 г. юбилея выхода в свет книги выдающегося голландского юриста Гуго Гроция "О праве войны и мира". Однако статья скорее не о Гуго Гроции, а о В.Э.Грабаре. Именно на основе его работы "Роль Гуго Гроция в развитии науки международного права", опубликованной во французском издании "Revue de Droit international et de Legislation comparee" (1925, № 4-5), которая, по мнению В.А.Овчинникова, "освещает юбиляра так, как он, пожалуй, и не был никем до сих пор освещен"[5], и написана эта статья.

Оценки В.А.Овчинниковым Г.Гроция противоречивы и запутаны. Считая Г.Гроция более моралистом, чем юристом, он писал, что "склонность Гроция к теологии и базирующейся на ней морали... задержало поступательный ход науки. Основной грех трактата — смотреть на международное право, как на совокупность простых правил морали и естественного права, призванных регулировать поведение людей и затем всецело перенесенных на отношения между государствами" (с. 6).

С такими выводами В.А.Овчинникова вряд ли можно согласиться. Он высказал правильную мысль о том, что Г.Гроций творил, опираясь на интеллектуальный фундамент, выработанный другими учеными, однако не недооценил, а то и прямо принизил роль Г.Гроция, который "заложил прочное основание для дальнейшего развития молодой науки"[6].

Впрочем, далее В.А.Овчинников был более осторожен, выразив надежду на то, что "Гроций вольно или невольно скрывший и затенивший собою имена и труды деятелей предыдущей литературы, будет детально разъяснен и, конечно, так, как того поистине "заслуживает обессмертивший его имя его трактат" (с. 7).

Значительно меньше "повезло" другому российскому ученому Б.Э.Нольде. Анализ его сочинения "Международное положение Монголии", напечатанного в еженедельной юридической газете "Право" за 1915 г. (№ 34, с. 2153-2168; № 35, с. 2217-2231), дал В.А.Овчинников в статье "Из юридической литературы о международном положении Монголии" (1926 г.). И, хотя он относил Б.Э.Нольде к "одним из выдающихся юристов", а саму его работу считал

как "не потерявшую своего значения и поныне, поскольку... она касается ведь одного из самых жизненных вопросов современного международного права" (о разделении государства), статья В.А.Овчинникова носит критический характер.

Прежде всего, он обратил внимание на то, что статья Б.Э.Нольде имеет не совсем точное название и скорее должна быть названа "Международно-правовое положение Монголии".

В.А.Овчинников констатировал, что "автор анализированной работы не достиг своей цели и, дав, в частности, логически блестящее истолкование ст.ст., регулировавших отношение Китая к Монголии, не выполнил второй (главной) задачи, где речь шла о систематике истолкованных норм. Он оставался до конца юристом; положение обязывало, и, даже видя полную возможность всецело связать право с политикой, он оставался верен чисто догматическому методу, исчерпал его до конца и — не разрешил поставленной задачи" (с. 43). Справедливости ради заметим, что и сам В.А.Овчинников, кроме переложения статьи Б.Э.Нольде и критики ее содержания, своих выводов о сюзеренитете и протекторате, а также их определений не дал.

Монгольскую тему в 3 томе "Известий..." продолжал В.В.Энгельфельд. Его работа "Политическая организация современной Монголии" (с. 169-190) помимо вопросов внутренних освещала и международно-правовые аспекты существования центрально-азиатского государства Монголии. В частности, автор особенно отметил статьи монгольской конституции 1925 г., относящиеся к международному праву. В.В.Энгельфельд изложил историю и международно-правовую сторону восстановления монгольского государства, его взаимоотношений с Советской Россией.

К числу обзорных аналитических статей В.А.Овчинникова в "Известиях..." относится и его работа "О консульском уставе СССР" (1928 г.), пожалуй, лучшая из его харбинского периода. В ней автор основное внимание уделил этому важному дипломатическому документу, интересному, между прочим, как раз тем, что его составители ввели в консульское право такие черты, которые, вообще говоря, "не наблюдаются повсюду в уставах других стран" (с. 336).

Прежде всего, он подчеркнул чрезвычайно широкий объем задач, налагаемых на консула СССР согласно ст. 1 устава: "Консульские учреждения СССР имеют целью охрану и защиту экономических и правовых интересов СССР и союзных республик, а также юридических лиц и граждан СССР". "...Советский консул, — читаем дальше, — по задачам своего ведения, по целям, осуществляемым им на советской службе за границей, фигура, бесспорно очень крупного размаха, и объясняется это именно тем, что согласно цитируемого закона, его уделом являются такие всеохватывающие области, как экономика и право" (с. 339). Крайне ответственной задаче "следить и заботиться, чтобы все... граждане СССР имели возможность пользоваться в полном объеме всеми правами", соответствует и характер методов исполнения: "консул обязан принять все вызываемые обстоятельствами дела меры для восстановления нарушенных прав" (с. 341).

И далее автор отмечает присущую СССР роль экспортера мировой революции. Эта мысль "мягко завернута" в ткань общеполитических и юридических размышлений, но она присутствует. "Нельзя не приветствовать решения, принятого в данном вопросе Советской властью, — пишет В.А.Овчинников, — оно так, в конце концов, соответствует духу времени, предвосхищает событие, которое все равно в скором времени наступит, благодаря стихийно пробудившемуся самосознанию восточных народов, оно лишний раз констатирует мудрую "применчивость" Советской власти к обстоятельствам... имеет в глазах Советской власти исключительно прекрасный характер, подлежа автоматическо-

му исчезновению *по мере установления Советских режима и законов в том или ином* государстве". (*с. 344*). (Курсив мой. — Г.С.).

Проблеме вечной, актуальной во все времена, у всех народов и государств посвящена статья Г.Г.Тельберга "Идея войны в новом международном праве" (1927), являвшаяся перепечаткой его речи на торжественном акте юридического факультета. Она воспроизведена по стенографической записи, сделанной окончившей юридический факультет в 1926 г. Е.Н.Рачинской и слушательницей И.Г.Подставиной. Написанная в изящной литературной манере, достаточно лаконично и емко речь давала представление об изменившемся взгляде на войну у государств и народов.

В ней проанализированы статьи договора Лиги Наций и сделан вывод, что "шансы... бедного человечества на мир, после Великой войны и договора Лиги, увеличились и укрепились, стали надежнее и прочнее" (с. 177). Автор особо обратил внимание на те статьи договора Лиги Наций, согласно которым державы — члены Лиги приняли на себя обязательство при возникновении между ними спорного вопроса передавать его или на разрешение третейского суда или на рассмотрение Совета Лиги.

Г.Г.Тельберг подчеркнул значение статьи 11, согласно которой всякая война, направленная против одного члена Лиги рассматривается как опасность и угроза для всех членов, и всем принадлежит право вмешаться в политическую обстановку, угрожающую войной (с. 171). Он особо выделил те положения договора (ст. 12), которые обязывают спорящие стороны не начинать военных действий ни в течение того срока, когда конфликт рассматривается судом либо Советом Лиги, ни еще три месяца после того, как состоялось решение суда или доклад Совета.

"Десятки посредников, официальных и неофициальных работают над обтачиванием острых углов конфликта, — писал он. — В заседание суда представляется надлежащий рассмотрению материал, и в этом медлительном процессе не только улетучивается боевое настроение, но обрисовывается и вырабатывается как раз то, что всего нужнее — взаимное понимание, пункты уступок и, стало быть, основы мирного соглашения. А все это еще покрывается одним мощным фактором — временем, которое само по себе есть великий миротворец и укротитель страстей (с. 175) ...лучше раскаты дипломатического грома в Женеве, чем пушечная канонада в Европе" (с. 173), — метко подмечал автор.

Нетрудно заметить слепое верование автора в возможности Лиги Наций предотвратить войну. Он нигде даже не просматривал ее вероятность. Не допускал возможности и заключения государствами договора, запрещающего войны и т.д.

Но не будем судить автора так строго. Важнее другое. Шел 1927 г. В дипломатических кабинетах зрела идея юридического запрещения войны. До подписания известного пакта Бриана-Келлога 1928 г. оставались считанные месяцы. В далеком, отстоящем от дипломатической Женевы на тысячи километров Харбине, подмечалась важность этой проблемы.

И как не поразиться заключительным словам автора на торжественном заседании 1 марта: "...какая благодарная задача лежит сечас перед педагогами, профессорами, учителями, перед социологами, историками, экономистами; задача — укрепить и в правосознании и в умах подрастающего поколения то самое чувство, которое у всех нас — и у людей власти и у людей мысли — зародилось под впечатлением великой войны — чувство боязни войны, страха перед войной, независимо от ее исхода. Эта великая воспитательная работа, упорно и методично осуществляемая, разве не могла бы создать устойчивую подготовку *для всяких человеческих трактатов о мире* (курсив мой. — Г.С.).

Ибо давно, давно замечено, давно сказано, что сильнее всего те скрижали закона, которые высечены в умах и в сердцах людей" (с. 177-178).

Исследование Г.Г.Тельберга — первое и единственное, помещенное им на страницах "Известий юридического факультета". Написанная изящным языком с лаконичными юридическими формулировками и логически четко выверенная речь может служить образцом составления речей для научных заседаний.

В 4 томе журнала В.В.Энгельфельд изложил "сложную и трудную тему" — "Юридическое положение иностранных концессий в Китае" в своей одноименной статье (1927, с. 81-113). "Аксиомой современного международного права, — начал свою работу автор, — является право каждого государства властвовать свободно и безгранично над принадлежащей ему территорией и не допускать на ней осуществление державных функций иностранной государственной власти. Это положение стоит в связи с учением о так называемой "непроницаемости" государственной территории и в то же время является логическим следствием и выводом из принципа государственного суверенитета".

Далее В.В.Энгельфельд отмечал, что практика международного общения лишь в немногих случаях допускает отступления или ограничения территориального суверенитета государства.

Это касается концессии или факторий, как они именовались в средние века. "В наше время наличность подобных... концессий, — пишет автор, — символизирует собою не что иное, как своеобразное ограничение территориального суверенитета туземного государства, носящего строго односторонний характер" (с. 82).

В своей статье В.В.Энгельфельд осветил историю иностранных поселений в Китае, их виды и юридический характер, особо остановился на Пекинском дипломатическом квартале, правовом статусе Харбина и русских городских поселений вдоль КВЖД. При этом обращал особое внимание на то, что "как китайские, так и иностранные поселения должны были пользоваться одинаковыми правами и нести одинаковые повинности без всякого различия между ними. Таким образом, было провозглашено равноправие китайцев и иностранцев, которое не нашло себе места... в конституциях иностранных концессий" (с. 108).

В заключении автор становился на защиту национальных интересов Китая и ратовал за полную ликвидацию на его территории концессий. "Таможенная автономия и экстерриториальность, — прозорливо предсказывая будущее, констатировал он, — станут, вероятно, теми позициями, которые державам придется в ближайшем будущем сдать Китаю. И в этом процессе восстановления китайского суверенитета объективный ученый и государственный деятель не может не усмотреть реализации великого начала... справедливости, которая должна являться краеугольным камнем международных отношений и в которой в течение столь долгого времени было отказано громадной Китайской республике" (с. 113).

Рецензия В.В.Энгельфельда, помещенная в "Известиях..." на монографию М.А.Циммермана "Вмешательство в международном праве" завершила цикл работ ученых Харбина по международному праву. Следует заметить, что диссертация М.А.Циммермана — явление далеко неординарное в научной жизни российской эмиграции. Ни до, ни после него защит диссертаций по международному праву в зарубежной России не было. Особо стоит отметить, что за несколько тысяч миль от Праги в Харбине рецензию на диссертацию дал ученый, только что сам защитивший диссертацию по государственному праву в Париже.

В своей рецензии В.В.Энгельфельд констатировал, что появление книги под таким названием, "принадлежащей перу молодого, но уже зарекомендовавшего се-

бя ученого, разумеется, можно только приветствовать... быть только благодарными г. Циммерману за такой выбор темы для его диссертации" (с. 332).

Таковы некоторые из международно-правовых работ блистательных русских ученых, живших в "русском" Харбине, писавших и думавших по-русски. Их труды и идеи, незаслуженно забытые на Родине, только сейчас малыми ручейками возвращаются, чтобы влиться в общее русло отечественной реки знаний.

---

1. "Если Париж в настоящее время является общественно-политическим центром, то Прага представляет просветительный центр Зарубежной России", — писала парижская газета "Возрождение" за 1 декабря 1925 г.
2. Выпускница юридического факультета в Харбине 1929 г. Н.Резникова писала: "Можно сказать с уверенностью, что на всем земном шаре не было другой страны, в которой русская эмиграция могла чувствовать себя в такой степени дома, как в Харбине... Русский язык был официально признан". Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал. 1988. № 172-173. С. 385.
3. Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине (исторический очерк) // Известия юридического факультета. 1938. Т. 12. С. 72.
4. Устрялов Н.П. Этика Шопенгауэра // Известия юридического факультета. 1927. Т. 4. С. 236.
5. Овчинников В.А. К трехсотлетию трактата Гуго Гроция // Известия юридического факультета. 1926. Т. 3. С. 3.
6. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Пер. В.Э.Грабаря. Юрьев, 1909. С. 20.

Культура

К истории составления в Китае русско-китайских словарей

© 2001

У Ликунь (КНР)

Культурные связи между Китаем и Россией имеют длительную историю.

Первое учебное заведение с регулярным изучением русского языка в нашей стране — Пекинский русский культурный центр (Бэйцзин элосы вэньгуань) — был создан в 1757 г. (занятия в нем вели русские преподаватели). Это на 74 года раньше аналогичного учебного заведения в России. "Первые специалисты по русскому языку в Китае вкладывали в свое дело душу, однако результаты их усилий были достаточно скромными в сравнении с успехами в научных переводах, достигнутыми китаистами того же периода"[1]. До настоящего времени автору настоящей статьи не удалось найти материалов о составлении в нашей стране русско-китайских словарей до XX в. Что касается истории составления китайско-русских словарей в России, то ее можно проследить, начиная с XVIII в.[2].

Работу по составлению русско-китайских словарей в нашей стране можно датировать началом XX в.

В период господства Гоминьдана китайское правительство проводило в основном антисоветскую, антикоммунистическую политику, что не могло не оказать серьезного влияния на распространение русского языка в Китае. В то время появлялось мало русско-китайских словарей, количество слов в них было ограничено, кроме того в большинстве случаев давалось только одно значение слова, поэтому такие словари могли удовлетворять требованиям лишь начального курса русского языка. До освобождения на Северо-востоке Китая, особенно в Харбине, где была сосредоточена русская эмиграция, появилось несколько русско-китайских словарей, но, к сожалению, количество слов в них было тоже очень ограничено. Здесь можно назвать составленные Чэн Яочэнем "Русско-китайский словарь для учащихся" (Харбин: Шанъу иньшугуань) и "Большой русско-китайский коммерческий словарь" (Харбин: Гуанцзи иньшугуань, 1930). Появлялись и словари, составленные русскими, например, "Русско-китайский новый словарь" (автор А.П.Хиония. Харбин: Шанъу иньшугуань, 1927). Кроме того, в Пекине были изданы составленные С.А.Полевым "Новый русско-китайский словарь" и "Дополнение к новому русско-китайскому словарю": Бэйцзин голи дасюе чубаньшэ, 1934[3]. Уровень всех этих

У Ликунь, кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русского языка Хэйлунцзянского университета.

словарей был очень низким, поэтому они не могли удовлетворить потребностям изучения и применения русского языка. Для большинства китайцев, изучавших русский язык, самым драгоценным в этом отношении был "Лухэ цыдянь" (Русско-японский словарь), составленный японским автором. Однако из-за незнания японского языка возникало много несуразиц и ошибок. Все это диктовало необходимость создания хорошего русско-китайского словаря.

Только после появления нового Китая дело составления и издания русско-китайских словарей получило подлинное развитие. Этот процесс был подобен овладению речью ребенком, который постепенно взрослел по мере того, как учился говорить. Оглядываясь назад — на полувековую историю составления в нашей стране русско-китайских словарей, можно выделить в ней несколько периодов.

Период первого подъема (1949-1966)

После образования нового Китая наступил период глубокой китайско-советской дружбы, Советский Союз послал большое количество специалистов для помощи в строительстве нашей страны. В эти годы возникла первая волна изучения русского языка, что вызвало потребность в справочных пособиях.

Уже в 1950 г. увидел свет "Русско-китайский словарь", составленный Го Цзинтянем. Это был первый словарь подобного рода, появившийся после образования КНР. Однако в его составе было мало слов, особенно по научно-технической и военной тематике, при этом он копировал японские переводы из "Русско-японского словаря", составленного японским автором, в результате чего возникло много ошибок и несоответствий. К примеру, слово "кислород" (янци) было переведено как "кислота " (цусуань).

В 1955 г. увидело свет исправленное издание "Русско-китайского словаря" под ред. Чэнь Чанхао, А.Г.Дубровского, А.В.Котова (первое его издание появилось в 1951 г., этот словарь был предназначен для тех в Советском Союзе, кто изучал китайский язык и занимался переводами с китайского языка на русский). В этом словаре "был тонко подобран материал и даны абсолютно новые толкования слов" (См. предисловие к словарю). Однако в нем было приблизительно 26 тысяч слов русского языка, поэтому он не мог удовлетворять требованиям преподавательской и переводческой работы.

В 1956 г. издательство "Шидай чубаньшэ" выпустило "Большой русско-китайский словарь". Он отличался сравнительно богатой лексикой и многочисленными примерами. Однако сама работа по составлению и изданию была проделана неквалифицированно, в результате чего в нем оказалось много ошибок.

В 1956, 1958 гг. один за другим увидели свет два тома "Нового русско-китайского словаря" (глав. ред. Лю Цзэжун). Этот словарь — средний по объему — насчитывал 69 тысяч словарных статей. Но благодаря ему была заложена прочная основа для создания в последующем русско-китайских словарей большого объема.

В 1960 г. издательство "Шанъу иньшугуань" опубликовало "Большой русско-китайский словарь" (далее — "СЛ"; гл. ред. Лю Цзэжун), который явился первым в нашей стране русско-китайским словарем большого объема. Цзян Лу в своей книге "Заметки об истории русской культуры" пишет: "Благодаря ему получили свое осуществление искренние чаяния, испытывавшиеся в нашей стране в течение многих лет, начиная со времен поздней Цин — как преподавателями, так и переводчиками русского языка". В основе этого словаря Лю Цзэжуна лежали два тома его же словаря, изданные в 1956, 1958 гг. В него вошли все слова и фразеологизмы из "Словаря русского языка" С.И.Ожегова, "Толкового словаря русского языка" (под. ред. Д.Н.Ушакова), часть слов и фразеологизмов из первого и второго томов четырехтомного сло-

варя, изданного Академией наук Советского Союза, все слова "Словаря иностранных слов", словарные статьи "Советской энциклопедии", общеупотребительные слова и выражения из советских печатных изданий, а также сравнительно часто встречающаяся научно-техническая лексика из советских и китайских специальных словарей. "СЛ" был свободен от каких-либо предубеждений, был универсальным, его составители придерживались принципа "все для читателя, все для возможности использования". Он "продолжил путь составления в последующем русско-китайских словарей для китайских читателей"[4]. "СЛ" оказал огромную помощь преподавателям русского языка, переводчикам, а также научно-техническим работникам, использующим в своей деятельности русский язык, способствовал повышению уровня преподавания русского языка и перевода с него, помог воспитанию нескольких поколений русистов. После его появления работа по составлению русско-китайских словарей в нашей стране поднялась на совершенно новый уровень. Однако в силу того, что этот словарь был первым русско-китайским словарем большого объема, в нем еще оставались недоработки и несоответствия. К примеру, некоторые специальные термины были переведены неудачно, толкование ряда слов было излишне подробно либо неточно, перевод нередко не соответствовал нормам современного китайского языка. Однако эти недостатки не могли умалить достоинств словаря и его значения. В истории составления русско-китайских словарей в нашей стране это "монумент, вызывающий преклонение"[5]. В период 1949-1966 гг. для удовлетворения потребностей в изучении русского языка выпускались также словари небольшого объема, как например, "Русско-китайский словарь для учащихся", "Русско-китайский словарь фразеологизмов", "Краткий русско-китайский словарь" и др.

В 50-е гг. по мере углубления сотрудничества между Китаем и Советским Союзом и расширения контактов в различных областях, соответственно появляется более 60 специальных словарей и справочников, к некоторым специальным словарям печатаются дополнения, ряд словарей выходит исправленными изданиями. Можно назвать такие словари, как "Русско-китайский военно-технический словарь", подготовленный и выпущенный в 1963 г. издательством "Гофан гунъе чубаньшэ" и "Учебный русско-китайский словарь наиболее употребительных слов", составленный преподавателями общеуниверситетской кафедры русского языка Пекинского университета, опубликованный в 1966 г.

За период 1949-1966 гг. вышло более 100 различного рода русско-китайских словарей (включая исправленные издания). Это был период первого подъема в деле составления русско-китайских словарей в нашей стране.

Десятилетний период спада (1967-1977)

В эти годы жизнь китайского народа подверглась тяжелым испытаниям. Это затронуло и работу по составлению русско-китайских словарей. Ей был нанесен серьезный удар. Накопленный в предшествующий период с большим трудом опыт был попросту отброшен, растрачен зря. Словари среднего и небольшого объемов должны перерабатываться и переиздаваться каждые 5-10 лет. Однако в период "десятилетних потрясений" работа по переработке и переизданию многих словарей остановилась. Например, Северо-восточный сельскохозяйственный институт в 1963 г. начал готовить новое издание "Русско-китайского сельскохозяйственного словаря" (первое его издание увидело свет в 1954 г. в издательстве "Чжунхуа шуцзюй"). К весне 1966 г. оно было почти закончено. Однако началась "десятилетняя смута" и эта работа была прекращена, причем накануне ее завершения. Только в 1979 г. на основе подготовленной рукописи была проведена новая редакция, и словарь увидел свет.

В период "десятилетней смуты" появилось всего немногим более десятка русско-китайских словарей.

Период второго подъема (1978-1989)

В 1978 г. начинается "выправление всего ошибочного и восстановление всего правильного", в стране все возвращается в норму. С конца 70-х гг. увидело свет большое количество различных по характеру русско-китайских словарей. До 1989 г. их было издано больше ста.

В эти десять с лишним лет потребовалась переработка большого количества словарей и сборников по лексике, особенно специальных по отраслям знаний. Многие слова, вошедшие в словари, изданные в 50-60-е гг., уже устарели, поэтому заниматься преподаванием русского языка, переводом, чтением общественно-политической и научно-технической литературы стало весьма затруднительно. Кроме того, в целях удовлетворения требований времени, были составлены и изданы русско-китайские словари общего характера — для нужд преподавания и по различным областям знаний.

Важным событием стала переработка "Большого русско-китайского словаря" — "СЛ" (под ред. Лю Цзэжуна). Составление его началось в 50-е гг., издан он был в 1960 г., поэтому представленная в нем лексика относилась к периоду до начала 60-х годов. С того времени прошло уже более тридцати лет и "СЛ" стал устаревать. Переработка словаря Лю Цзэжуна издательством "Шанъу иньшугуань" была поручена Хэйлунцзянскому университету. Некоторые методологические принципы и методы, которыми руководствовались авторы, отличались от тех, что использовались стариной Лю[6]. К тому же были сделаны и значительные дополнения. Затем после консультаций со специалистами соответствующих организаций, провели новое редактирование словаря и он был издан под новым названием в 1985 г.[7]. "Большой русско-китайский словарь" (далее БРКС) включал приблизительно 157 тысяч словарных статей. При его составлении были широко использованы различные нормативные словари современного русского языка, изданные в Советском Союзе в 60-70-х гг. В него были включены новые значения слов, новые употребления слов, новые фразеологизмы, часто употребляемые сложносокращенные слова. В основном этот словарь отражал уровень развития современного русского языка в 70-80-е гг.

БКРС вобрал в себя достоинства двуязычных словарей, издаваемых как в Китае, так и за его пределами в 70-80-х . В то же время в нем содержалось много новых подходов и открытий. Помимо включения большого количества новых слов и их новых значений, осуществлялась серьезная переработка в тех случаях, когда в "Словаре" Лю Цзэжуна перевод либо содержал неточное толкование, либо не был общепринятым, либо не соответствовал нормам современного китайского языка. Одновременно использовался перевод по смыслу или звуковой кальке по отношению к транскрибированным в "Словаре" Лю Цзэжуна словам, которых нет в китайском языке, или к новым научно-техническим терминам. Все это делалось для того, чтобы читатель мог уяснить смысл русских слов и выражений. Благодаря "богатству слов, ясному толкованию, убедительным примерам, единству стиля письма и примеров, четкой полиграфии"[8] этот словарь приобрел популярность у широкого круга читателей и стал необходимым справочным пособием для работников науки и техники.

Однако в БРКС были и свои недоработки, например, некоторые словарные обозначения и сопровождавшие их иллюстрации не соответствовали друг другу; было много повторов, причем очень часто толкования слов не совпадали; нередко и перевод вызывал сомнения. В ряде случаев встречалась небрежность в корректуре.

Еще до издания БРКС один за другим появлялись словари новых слов и выражений русского языка. Количество их колебалось от 5 до 10 тысяч. В большинстве случаев это были новые слова или новые значения старых слов, возникших в Советском Союзе в 60-70-е гг., а также часть слов, не вошедших в "Словарь" Лю Цзэжуна.

Составление таких словарей было ответом на требование времени, ибо могло сравнительно быстро отражать изменения в словарном составе русского языка, восполнять пробел из-за отсутствия словарей большого объема и в то же время послужить материалом, подспорьем для составления их в будущем.

В 1978-1989 гг. было выпущено около сорока разного рода русско-китайских словарей: "Словарь для учащихся", "Словарь часто употребляемых слов", "Словарь часто употребляемых оборотов", "Словарь привычных выражений", "Словарь синонимов", "Словарь антонимов", "Словообразовательный словарь", "Словарь с управлением слов", "Словарь с двуязычным толкованием", "Словарь с рисунками" и т.д. Некоторые из них приобрели большую популярность, получили хорошую оценку преподавателей и студентов. Например, "Словарь общеупотребительных выражений русского языка", подготовленный факультетом русского языка Пекинского института иностранных языков (Шанъу иньшугуань, 1982), "Словарь 8 тысяч наиболее употребительных слов русского языка " (глав. ред. Пань Гоминь: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1985), "Русско-китайский словарь синонимов " (глав. ред. Ван Чаочэнь: Гаодэн цзяоюй чубаньшэ, 1986).

В эти же годы особое внимание уделялось составлению и изданию научно-технических словарей. Кроме переработки изданного в 1960 г. коллективом советских и китайских специалистов "Русско-китайского политехнического словаря", один за другим было составлено и выпущено около двадцати различных научно-технических словарей общего характера. Среди них можно назвать "Большой русско-китайский научно-технический словарь" (глав. ред. Ван Найвэнь: Ляонин кэсюе цзишу чубаньшэ, 1988). Он насчитывал 356 тысяч слов, их объяснения были четкими, приводимые примеры краткими, а обозначения научных терминов достаточно исчерпывающими, что давало возможность легко им пользоваться. Словарь получил признание у специалистов.

Однако среди научно-технических словарей были и недоброкачественные, например, "Вся русско-китайская научно-техническая лексика", под редакцией Ван Тунъи, включавший большое число общеупотребительных слов, таких, как например, *завтра, сегодня, сын, ужин*. Этот словарь представлял хаотичное собрание слов, множество переводов совершенно не соответствовало нормам современного китайского языка, грамматические и научно-технические обозначения были беспорядочными. Словарь вызвал справедливое осуждение лексикографов.

В 1978-1989 гг. увидели свет свыше тридцати научно-технических словарей специализированного характера. Одна часть из них являлась дополнительным либо переработанным изданием таких словарей, выходивших до "десятилетней смуты", а другая — восполняла существовавшие пробелы. Например, были изданы "Русско-китайский словарь по генетике", "Русско-китайский словарь по гидроакустике", "Русско-китайский геофизический словарь", "Русско-китайский словарь по нефтепереработке и нефтехимии", "Русско-китайский научно-технический словарь по судам".

Период третьего подъема (1990-2000)

В эти годы было составлено и издано свыше ста различных русско-китайских словарей, среди них — более тридцати предназначены для преподавания и изучения русского языка, около сорока — общего и специального научно-технического характера, свыше двадцати — лексические. Уровень со-

ставления словарей намного превосходил тот, который был характерен для прежних лет.

При составлении русско-китайских словарей в 90-е гг. следовали принципу: "пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто ученых". Очень тщательно записывали, изучали и с разных сторон раскрывали лексику русского языка.

В целях изучения и преподавания русского языка, кроме составления словарей общеупотребительных слов, общеупотребительных и устойчивых словосочетаний, а также сочетаемости слов, были изданы словари междометий, предлогов, служебных слов.

Научно-технические словари фиксировали новейшую специальную лексику научных дисциплин. Изданы был словари по вычислительной технике, морской навигации, геофизической и геохимической разведке полезных ископаемых, взрывным работам, океанологии. Если говорить о лингвистике, то появились словари диалектов, сленга, жаргона (просторечий), идеографический, где за основу было взято расположение по темам, а также иностранных слов в русском языке.

Наибольшее внимание привлек, увидевший свет в 1998 г. непревзойденный "Большой толковый русско-китайский словарь" (далее БТРКС). Он был составлен коллективом из пятидесяти знаменитых ученых-русистов Китая и выпущен издательством "Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ". На его подготовку ушло тринадцать лет напряженного труда. Это самый большой к настоящему времени двуязычный словарь в нашей стране. Во всем мире такие словари можно пересчитать по пальцам. Издание его знаменует собой тот факт, что составление двуязычных словарей в нашей стране достигло наивысшего уровня. Недавно ушедший из жизни знаменитый китаевед, член-корреспондент Российской академии наук, директор Института языкознания В.М.Солнцев в предисловии к этому словарю указывает: "Настоящий словарь — это не просто очередной двуязычный словарь. Этот словарь, самый большой в истории китайской русистики, — выдающееся событие в научной жизни КНР, крупное достижение китайских русистов. Настоящий словарь, очевидно, имеет как большое практическое значение, так и большое научное значение". В письме составителям словаря В.М.Солнцев называет его сестрой четырехтомного "Большого китайско-русского словаря" (под ред. И.М.Ошанина), подготовленного Академией наук Советского Союза, подчеркивая, что он "имеет вековое значение".

"Большой толковый русско-китайский словарь" имеет следующие важные особенности.

Во-первых, необычно большой и широкий объем.

Словарь состоит из четырех томов, 23 миллионов иероглифов, 246 тысяч словарных статей. По количеству слов он превосходит не только все прежние русско-китайские словари, имевшиеся в нашей стране, но и "Сводный словарь лексики современного русского языка" вобравший в себя материал 14 словарей русского языка, изданных в Советском Союзе[9], которые включали 170 тысяч словарных статей.

Главными источниками для БТРКС являются уже появившиеся ранее русско-китайские словари большого объема, такие как "Словарь" Лю Цзэжуна, "Большой русско-китайский словарь", словари, изданные в Советском Союзе, начиная с 80-х гг., — академический четырехтомный "Словарь русского языка (1981-1984 гг.), "Советский энциклопедический словарь", "Словарь новых слов русского языка", "Словарь русского языка" под редакцией М.И.Ожегова (1990), "Словарь сложносокращенных слов русского языка" и др. Все имеющиеся в них новые слова вошли в БТРКС.

В итоге в нем помещено почти 80 тысяч статей по научно-техническим темам, 7700 — по гуманитарной и энциклопедической проблематике, 20 тысяч — с географическими названиями.

В БТРКС использовались достижения советской, русской и англо-американской лексикографии, в результате чего были преодолены существовавшие в нашей стране традиции составления лексикографических и энциклопедических словарей, в которых следовали только опыту своей школы и не обращали внимания на другие школы[10].

Соответственно увеличилось энциклопедическое содержание словаря. Авторы полностью использовали около тысячи справочных пособий, из них главными были 210 (45 зарубежных, 165 китайских). Это гарантировало точность энциклопедического содержания словаря.

БТРКС включает сложносокращенные слова, персоналии, географические названия, благодаря чему его лексическая система стала более совершенной. Это позволило избежать недостатков, присущих тем словарям русского языка, в которых нет специальных терминов, а есть производные от них слова и значения (например, использовался термин "ооновец", но не было "ООН" или включался не "Платон", а лишь "платоническая любовь"[11].

Во-вторых, всесторонность и точность толкования слов.

В БТРКС сделана попытка всесторонне представить слово, поэтому при анализе его структуры применяются новые подходы.

Прежде всего надо отметить использование метода многоуровневого толкования (объяснения). Выделяются три уровня — *значение, оттенки значения* (т.е. мельчайшие различия в одном и том же значении) и *употребление*, применяются знаки // и / для различных *оттенков значения и употребления*. Сравнивая одинаковые словарные статьи БРКС и БРКТС, можно сразу обнаружить четкость уровней толкования, производные и переносные отношения между значениями одного слова, между значениями и оттенками значений одного слова. Например, в словарях БРКС и БРКТС дается 5 значений слова "сырой", но их местоположение в структуре значений слова неодинаково. Метод, избранный в БТРКС, подчеркивает органическую связь между значениями слов, в результате чего их структура приобретает научный, систематический вид. В БТРКС грамматические отметки более исчерпывающи и систематичны. Кроме того, в БТРКС большое количество объясняющего, разъясняющего содержания дается в скобках ( ). Это один из методов множества толкований, используемых в БТРКС.

Перевод и толкование являются самыми главными средствами для объяснения слов. Перевод легко запоминается и употребляется, экономен в написании, например, русское слово "ручка" прямо переводится как "ган би". Толкование есть метод объяснения слов в одноязычном словаре. Например, *ручка — письменная принадлежность-палочка, в которую вставляется перо, стержень.*

Обычно два языка (помимо терминов) имеют большое количество не совсем совпадающих лексических единиц. Поэтому при включении их необходимо прибегать к обобщающему методу, т.е. использовать и перевод, и толкование, либо только толкование. Сочетание перевода и толкования в состоянии точно воспроизвести содержание лексических единиц русского языка.

Новый принцип в составлении БТРКС состоит и в использовании большого количества примеров из книг.

В словарь включено 130 тысяч литературных иллюстраций (они составляют 20% всего материала). Это сделано впервые при составлении двуязычных словарей[12].

Иллюстрации и объяснения взаимно дополняют друг друга. Хорошая иллюстрация может подтвердить, разъяснить, дополнить объяснение, определить конкретное употребление слова, показать его стилистическую окраску. В БТРКС литературные иллюстрации тщательно подобраны, в то же время точность их перевода передает очарование оригинала. Например, к слову *сырой* даются следующие примеры из произведений литературы: *Весь урожай у нас исключительно зависит от влаги: сухой год — нет хлеба, сырой год — изобилие* (Гарин); Что с вами-то — время-то сырое — простудились, верно? (Писемский).

Особенностью БТРКС является также большое количество приложений и четкость в их использовании.

БТРКС имеет 17 приложений, из них 11 — лингвистического и литературного характера, а 6 — энциклопедического. Приложения посвящены фонетике, грамматике русского языка, другим сферам языка и литературы, а также истории, географии, мерам веса и длины, научно-техническим терминам и символам и т.д. Как по количеству приложений, так и по широте и глубине их содержания, БТРКС превосходит все существующие в настоящее время в Китае двуязычные словари.

Среди приложений филологического и литературоведческого характера такие, как "Таблица спряжения глаголов" и "Таблица переноса ударения на предлог", "Таблица ударений в некоторых словосочетаниях и словах", "Употребление предлогов В и НА в пространственном значении" были впервые подготовлены составителями словаря, явились результатом их упорного труда.

Из приложений энциклопедического характера прежде всего следует назвать "Хронологическую таблицу истории России", которая впервые включена в подобный словарь. Кратко представлены исторические события России от правления Рюриковичей (862-1598 гг.) до сегодняшних дней. Читатель может узнать годы царствования всех 59 князей — великих князей, императоров — от Рюрика до Николая II (последнего русского императора), а также их родственные отношения.

В общем, БРКТС "обобщает успехи в деле составления в нашей стране русско-китайских словарей за полвека"[13].

Крупные новации можно обнаружить и в количестве слов, и в их содержании и глубине значений. Теоретический и практический уровень этого словаря отразил и высокие достижения современной китайской лингвистики. БРКТС заслуженно считается шедевром в истории составления русско-китайских словарей в нашей стране.

Обозревая этапы их создания за последние полвека, можно отметить громадные успехи. Пройден путь от первого словаря, изданного в 1950 г., включавшего всего 20 тысяч статей, до БРКТС, состоящего уже из 246 тысяч; от всего лишь однозначного толкования слов до применения методов многоуровнего их объяснения; от едва ли не десятка с небольшим словарей, появившихся сразу после образования КНР, до изданных к настоящему времени свыше 300 словарей по различным отраслям знаний; от "Русско-китайского практического словаря для учащихся" до более чем ста разнообразных словарей — общеупотребительных слов, словосочетаний, правил применения служебных слов, синонимов, антонимов, омонимов, словообразования, двуязычных, с рисунками и т.д. За прошедшие полвека намного увеличились ряды лексикографов-русистов, повысился уровень лексикографической работы. Все это не может не радовать. В то же время перед всеми лексикографами стоит задача — использовать современное оборудование и методы компьютерной и

международной информационной сети, чтобы как можно быстрее и лучше составлять нужные словари.

© 2001

Перевод с китайского В. Бурова, доктора философских наук

---

1. Цзян Лу. Заметки об истории русской культуры: Дунфан чубаньшэ, 1997. С. 250-262.
2. Софронов М.В. История составления китайско-русских словарей // Цышу яньцзю. 1988. № 4 (перевод Се Цзайфу).
3. Ян Мучжи (гл. ред.) Большой словарь китайских справочных пособий (том по общественным наукам). Хэйлунцзян чубаньшэ, 1993.
4. Чжан Дасань. Преемствуя предыдущее, открывая последующее, продолжать идти вперед. Заметки с симпозиума, посвященного составлению двуязычных русско-китайских словарей; Чэн Чусян и др. Опыт и уроки составления "Большого русско-китайского словаря". Лу Хуань (ред.). Изучение составления русско-китайских словарей: Шанъу иншугуань, 1992.
5. Там же.
6. Старина — уважительное обращение к находящему в годах человеку (прим. переводчика).
7. Чжэн Шупу. От "Большого русско-китайского словаря" к "Большому толковому русско-китайскому словарю" // Цышу яньцзю. 2000. № 1.
8. Сю Гаоюй. О китайских переводах в "Большом русско-китайском словаре". Лу Хуань (ред.) Изучение составления русско-китайских словарей: Шанъу иншугуань, 1992.
9. Чэн Чусян. Относительно некоторых вопросов в теоретической разработке общих двуязычных словарей большого объема — оценка "Большого толкового русско-китайского словаря": Цышу яньцзю. 2000. № 1.
10. Ли Вэньфан. Непревзойденный словарь. Вековой шедевр. (Написано по случаю издания "Большого толкового русско-китайского словаря") // Каталог новых книг. 1988. № 1.
11. Пань Гоминь. Об организации работы по составлению двуязычных словарей большого объема // Цышу яньцзю. 2000. № 1.
12. Ли Сюмин. Обобщение богатого опыта, плод коллективного разума. Краткая оценка "Большого толкового русско-китайского словаря" // Вайюй сюекань. 1999. № 2.
13. Чжэн Шупу. Там же.

Город Ухань и его обитатели
(по произведениям современной китайской писательницы Чи Ли)

© 2001

Н. Демидо

Вот уже более десятилетия современная писательница Чи Ли играет заметную роль на китайской литературной сцене. В китайском литературоведении ее считают одной из ярких представительниц литературного течения «китайский неореализм» («синь сеши сяошо»). Известный литературовед, сотрудник Института китайской литературы АОН КНР профессор Чэнь Цзюньтао отмечает, что появление в 1987-88 гг. первых произведений таких писательниц, как Чи Ли и Фан Фан, придало новые, свежие силы реалистической литературе. В этот период «голос «литературы поиска корней» почти умолк, «авангардная проза» также была близка к упадку, поэтому возникла необходимость в обновлении, и тут как нельзя более вовремя появилось течение «синь сеши сяошо».[1] Все эти годы Чи Ли постоянно находилась в поле зрения китайской и зарубежной критики, чуть ли не каждое новое произведение писательницы становилось предметом оживленных литературных дискуссий.

Карьера Чи Ли как профессионального писателя началась в середине 80-х гг. XX в. с публикации повести «Рутина жизни», которую критика тут же назвала «типичным образцом китайского неореализма», в котором представлен новый взгляд на жизнь современного горожанина. По оценкам критики «...Чи Ли гораздо ближе подошла к изображению проблем современного города, нежели писатели предыдущего поколения. Только стремительно развивающийся, регенерирующийся, оторванный от корней город, с его фантазиями и тайнами был способен убаюкать одинокую душу «нового дитяти» китайского неореализма... Чи Ли смогла, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой осознать новую роль города в культуре Китая 90-х гг. ».[2]

Женское восприятие и художественное отображение современного города имеет свою специфику. Для «женской литературы» («нюйсин вэньсюэ») характерно восприятие урбанистического города как враждебного, управляемого мужчинами мира жестокой конкуренции, которому главная героиня либо бросает вызов, либо от которого бежит в мир грез и одиночества. Чи Ли присуще изображение города как фатального единства нарождающейся новой жизни и умирающего прошлого. В своих произведениях писательница пытается сохранить «золотую середину» между прошлым и настоящим, найти точку опоры добра и духовности в бездушной пустыне современной городской культуры, в «песках» которой могут погибнуть наиболее важные нравственные ценности. Процесс урбанизации, рост материального благополучия сопровождаются усилением разобщенности людей, безразличием друг другу, самоизоляцией, отсюда часто используемая писательницей аллегория-предупреждение: город — пустыня.

Демидо Нина Юрьевна, научный сотрудник ИДВ РАН.

По сути дела, с самого начала своего творческого пути Чи Ли все время возвращалась к истории о городе, сочетающем в себе черты как новой, урбанистической, так и традиционной, патриархальной культуры. В своих прозаических произведениях и литературных эссе Чи Ли анализирует сущность современного города на примере хорошо знакомого ей Уханя, где она прожила большую часть своей жизни и который по праву может считать родным. Критики неоднократно отмечали, что прозе Чи Ли присущ «ярко выраженный уханьский колорит», да и сама автор не отрицает того, что она пыталась воссоздать экстраординарный стиль жизни Уханя и его обитателей: «Ухань — очень интересный город, и я часто использую его в качестве моего воображаемого пространства. Своеобразие Уханя в том, что здесь протекают две реки — Янцзы и Ханьшуй, он расположен на Великой китайской равнине, аккумулирует культуры Восточного, Западного, Северного и Южного Китая, имеет долгую историю и богатое культурное наследие, в нем сохранились памятники архитектуры. Климат настолько суров, что для местных жителей жизнь превращается в борьбу, и в этом также есть некий символический смысл».[3] В своих произведениях писательница дает читателю возможность ощутить глубинную внутреннюю связь автора и объекта художественного изображения — Уханя. Вынужденная оставаться «невидимкой» в жанре художественной прозы, Чи Ли обращается к жанру эссе, что дает ей, по ее собственному признанию, уникальную возможность «говорить от себя лично, без каких-либо посредников», коими в прозе выступают художественные персонажи, а читателю, в свою очередь, предоставляет возможность проследить, каким образом ее авторское «я» и личное восприятие реальности художественно оформляется в прозаических произведениях.

Эссе «Ухань — тема для беседы» было написано в начале 90-х гг. XX в. и представляет собой художественный анализ истории, культуры, экономики, географических и климатических особенностей и социального устройства Уханя. Структуру эссе образуют 27 глав, выстроенных друг за другом в строгом соответствии важности поднимаемой проблемы и приоритетности обсуждаемой темы. В отличие от художественной прозы, где Чи Ли обычно воздерживается от собственных оценок и ремарок, в эссе она намеренно демонстрирует свою личную позицию, делает субъективные замечания и заключения. В художественной палитре Чи Ли превалируют яркие, сочные краски, она живописует реалистическую картину городской жизни, не оставляя без внимания ни единой детали. Обращаясь к прошлому и настоящему Уханя, Чи Ли не только ставит целью воссоздать образ конкретного города, но и стремится познать сущность современного города как такового.

По мнению Чи Ли, статус и репутация города зависят от таких факторов, как географическое положение и климат, культурные традиции и история формирования, развитие экономики и инфраструктуры, специфика местных обычаев и уклада жизни. Чи Ли неоднократно подчеркивает особую важность культурных традиций, считая что именно культура предопределяет характер города: «Любой город, каким бы большим и просторным он ни был, без культуры — ничто. Культура — духовный облик города, его нравы и сущность; чем богаче культурные традиции, тем самобытнее город, да и людям в таком городе жить интереснее и комфортнее. Такой город дает ощущение, что, несмотря на скоротечность людского века, ты как бы остаешься навечно связан с историей, поэзией, выдающимися личностями...»[4] Чи Ли, тем не менее вынуждена признать, что в современном обществе основным критерием развития города является степень урбанизации, выражающаяся в количестве и качестве современных зданий, а также передовая инфраструктура. В своем эссе Чи Ли с горечью пишет, что по всем этим показателям Ухань сегодня сильно отстает

от таких крупных городов как Пекин или Шанхай: «В последние годы репутация Уханя далека от идеала. В Пекине Ухань считают отсталым, в Шанхае — грязным, в Гуанчжоу — бедным, а жители Тяньцзиня ругают «отвратительную» работу транспорта... В гостях уханьцу ничего не остается, как терпеть горькую обиду»[5].

Для Чи Ли особенно досадно слышать подобные характеристики, поскольку в истории и культуре Китая Ухань играл очень важную роль. Первое поселение на территории современного Уханя возникло еще в III веке до н. э., а в период царства Чу Ухань уже являлся довольно развитым древним городом. В классической поэзии сохранилось немало строк, воспевающих красоты Уханя, величественную Янцзы, а знаменитой «Башне Желтого журавля» посвящал стихи сам Ли Бо! Неудивительно, что многие персонажи в прозаических произведениях Чи Ли часто цитируют строки стихов знаменитых китайских поэтов. Писательница использует этот прием, чтобы подчеркнуть эмоциональное состояние своего героя (например, в повести «Чарующая красота отмели» о пробуждении романтических чувств героев друг к другу свидетельствует декламация классических стихов). Кроме того, цитирование классиков китайской поэзии в произведениях Чи Ли часто указывает на социальный статус персонажа (к примеру, в повести «Закат цвета крови» цитирование классической поэзии используется для того, чтобы подчеркнуть принадлежность героя к интеллигенции).

По мнению Чи Ли, местная кухня и диалект являются весьма важными факторами, определяющими самобытность города. К сожалению, в соответствие с географическим расположением, Ухань находится в центре пересечения осей «юг-север» и «восток-запад». Таким образом, Ухань никак не может избавиться от дилеммы, относится ли он к Южному Китаю или к Северному. «Большинство в Китае не относит Ухань ни к Северу, ни к Югу, ни к Востоку, ни к Западу, потому-то и считается, что в Ухане нет ни самобытной местной кухни, как, к примеру, сычуаньская или гуандунская, ни собственного диалекта».[6] Для Китая, где традиционное деление страны по принципу «юг-север» играет весьма существенную роль, город с таким «размытым» статусом, естественно, сталкивается с большими проблемами, как экономическими, так и социально-психологическими. Социальный климат в городе Чи Ли характеризует как агрессивный, недружелюбный и гнетущий, замечая, что хотя «жители Уханя имеют все основания гордиться своим городом, однако в наши дни, напротив, они глубоко разочарованы»[7]. Уханьцы не желают тратить энергию и капитал на благо города, предпочитая уезжать в другие, экономически более развитые районы Китая. Традиции местного кулинарного искусства с легкостью предаются забвению, некогда знаменитые на весь Китай уханьские закуски практически исчезли. Старые лавки и частные магазинчики, которые более ста лет являлись «лицом» города, без боя уступают свои позиции современным супермаркетам и торговым центрам. Чи Ли находит такое положение дел чрезвычайно опасным для будущего города. Интересно, что в художественной прозе она выражает свою озабоченность данной проблемой весьма оригинальным образом, который можно назвать «доказательством от противного». В большинстве произведений главный герой/героиня является жителем Уханя, и он/она считают, что их жизнь в Ухане раз и навсегда предопределена судьбой. Конечно, в произведениях встречаются упоминания о том, что этот герой переехал в город N, а тот — открыл свое дело в городе M, но в большинстве случаев речь идет либо о второстепенных персонажах, либо данный персонаж изначально не является уроженцем Уханя.

Для произведений Чи Ли является типичным детальное, изысканное и даже аппетитное описание блюд «местной кухни». В частности, в эссе «Ухань

— тема для беседы» целых три главы посвящены рассказу о достоинствах кулинарного искусства уханьцев. Мастерски вплетенный в сюжетную канву рассказ о традициях уханьской кухни в художественной прозе превращается в конструктивную деталь повествования. Гастрономические привычки и наклонности персонажа говорят о его социальном статусе, уровне образования и семейного воспитания, кроме того, помогают более полно раскрыть характер героя. Чи Ли не просто вскользь упоминает название того или иного блюда, но почти всегда раскрывает тайну его создания, дает исчерпывающий список всех ингредиентов, необходимых для приготовления. В аналогичной манере она использует в тексте местный сленг и идиомы — еще один важный элемент ее повествования, подробно объясняя происхождение и значение используемого слова или выражения.

Рассказывая об Ухане, Чи Ли постоянно делает акцент на экстремальных, по меркам южанки, климатических условиях. Описание времен года присутствует как в эссеистике, так и в прозе, например, специфический климат Уханя лег в основу сюжета повести «Радуйся жизни» (досл. «Холод — хорошо, жара — хорошо, живешь — вот и хорошо»). Суровый резко-континентальный климат, по мнению Чи Ли, является негативным фактором, влияющим на характер и поведение горожан. В своих эссе и художественной прозе Чи Ли не раз замечает, что «именно из-за этого ужасного климата жители Уханя отличаются ужасным характером и даже агрессивностью», но тут же отдает должное и положительной черте уханьца — способности приспособиться и выжить в любых условиях. Да и суровый климат писательница не склонна драматизировать, считая, что даже из негативного можно извлечь нечто позитивное, к примеру, развивать индустрию моды, соответствующей причудам уханьской погоды.

В одной из последних повестей, озаглавленной «Посвящение вечности» писательница дает наиболее полное художественное описание четырех сезонов в Ухане. Повествование ведется от первого лица, что почти стирает грань между реальностью и вымыслом, делает невидимым различие между вымышленным рассказчиком и настоящим, реальным автором, придает большую эмоциональность речи и создает впечатление доверительной беседы: «Мне на самом деле пришлось немало пострадать от уханьского климата. Никакими словами не описать, как же холодно здесь зимой....». (К тому же в домах отсутствует отопление, так что порой «в доме еще холоднее, чем на улице»). Весна также не повод для радости горожан, ибо с приходом весны наступает сезон «сливовых дождей», который плавно переходит в сезон «дождей грозовых». «...Порой «пугающая небо и сотрясающая землю» гроза не прекращается в течение нескольких суток, пока вода не оккупирует все огромное пространство Уханя и не погребет под своими потоками души всех обитателей города...». Но самое мучительное время года в Ухане, безусловно, лето, «заставляющее жителей изнывать от сорокоградусной жары месяц, а то и два. Утомленные солнцем люди медленно передвигаются, словно сомнамбулы, тщетно ища спасения в чае из цветов хризантем или бесполезных веерах». Однако когда героине предоставляется возможность выбора, она, тем не менее, «предпочитает страдать от летнего зноя и зимней стужи в Ухане, нежели наслаждаться мягким климатом где-нибудь в другом месте»[8].

Географическое местоположение, климатические условия и история формирования города обусловили специфический характер Уханя. В эссе «Ухань — тема для беседы» Чи Ли называет четыре основные характерные черты, присущие городу: масштабность, разобщенность, хаотичность и безалаберность. Вместе они определяют противоречивый характер города и своеобразный уклад жизни его обитателей.

Теоретически большие размеры города нельзя считать негативным фактором, но в случае с Уханем, по мнению Чи Ли, бесконечные расстояния стали причиной разобщенности горожан, а также вызвали двойственное отношение к окружающему миру. С одной стороны, уханьцы испытывают комплекс ущербности перед жителями более развитых процветающих городов, таких как Пекин, Шанхай или Гуанчжоу. С другой — испытывают гипертрофированное чувство собственного превосходства перед более слабым «противником». Чи Ли пишет: «Огромные пространства Уханя дарованы Небом, однако неожиданно это сформировало некрасивую черту характера горожан — заносчивость. Уханьцы не считают жителей маленьких городков за горожан, относятся к ним с презрением, а к деревенским — и того хуже. В то же время — явно заискивают перед жителями столицы, причем эта черта присуща всем без исключения социальным слоям, что особенно стыдно».[9] Кроме того, существует некоторая социальная напряженность во взаимоотношениях между жителями разных районов города, что также обусловлено процессом исторического формирования Уханя. К примеру, по словам одного из персонажей Чи Ли, съездить в другой район через реку все равно, что «поехать за границу, даже подумать об этом страшно!»[10] Разобщенность людей, по мнению Чи Ли, является главной причиной отставания Уханя от других крупных городов, население которых отличается большей сплоченностью. Чи Ли с сожалением замечает, что «в отличие от уроженцев других городов, уханьцы за пределами города не стараются держаться вместе, сообща делить радости и невзгоды, часто не хотят возвращаться в родной город, ищут «местечка» получше»[11]. Для самой Чи Ли понятие «малая родина» — не просто слова, и она постоянно доказывает это своим творчеством.

Огромная территория и разобщенность горожан вызывают хаос. Это третья черта Уханя, на которую обращает внимание писательница. «Беспорядок проявляется во многом: мусор на улицах, давка в транспорте, грубость прохожих... Всё это создает в городе атмосферу хаоса, кажется, что внутри каждого человека бушует пламя, задень — и огонь сразу вырывается наружу...Ухань напоминает дом, в котором хаотично расставлена мебель, и хозяева то и дело натыкаются на разные предметы.»[12] В отсутствие порядка любое начинание носит временный характер, что сказывается на развитии города. Дурную привычку «не доводить до совершенства ни одного занятия, бросаться от одного дела к другому, или, как говорят в Ухане, — «сгребать мелкую воду»[13], — Чи Ли определяет как «безалаберность». Но, как справедливо подмечает писательница, «не всем уханьцам свойственно гнаться за модой и быстрой прибылью», и именно тем предпринимателям, кто с уважением относится к лучшим традициям прошлого, принадлежит будущее.

Хотя в эссе «Ухань — тема для беседы» Чи Ли перечисляет немало проблем и недостатков города и его обитателей, она не забывает и о достоинствах: глубокие исторические и культурные корни, поразительной красоты природа, уникальные архитектурные памятники, революционные традиции, о которых с гордостью упоминает писательница. Кроме того, по мнению Чи Ли, в истории формирования городов «нет ни одного, на чью долю выпало бы столько тягот, сколько досталось Уханю»[14]. Характеризуя горожан, Чи Ли отмечает не только особую жизнестойкость и жизнелюбие, но и совершенно неподражаемую предпринимательскую жилку, которую не смогли уничтожить никакие политические бури и идеологические кампании. В развитии городской инфраструктуры и реформировании системы администрирования происходят новые, позитивные изменения, которые Чи Ли небезосновательно связывает с поездкой Дэн Сяопина на Юг в 1991 г.: «Неожиданно в 1992 г. Ухань словно очнулся от сна... Облик города обновился. Пройдешь по улицам — совсем

другое ощущение. Ухань действительно меняется, и я верю в него»[15]. Именно эта вера позволила Чи Ли нарисовать в своем эссе «Ухань — тема для беседы» противоречивый, но привлекательный портрет города и его жителей.

В прозаических произведениях Чи Ли легко обнаружить вышеупомянутые четыре черты, обозначенные в эссе «Ухань — тема для беседы», однако уже в художественно переработанном виде. Эти характерные черты либо ложатся в основу сюжетной линии, композиции или конфликта произведения, либо придают большую выразительность образу персонажа. В известной повести «Рутина жизни» детальное описание ежедневного «путешествия» главного героя — рабочего Инь Цзяхоу — усиливает ощущение бесконечности городского пространства. Писательница с хронологической последовательностью перечисляет пункты неизменного маршрута героя, скрупулезно отмечая все события, происходящие с ним. Вот как выглядит его ежедневный маршрут: десять минут пешком от дома до автобусной остановки, затем 4 остановки на автобусе, еще десять минут пешком до пристани, чтобы ровно в шесть пятьдесят утра успеть на паром через Янцзы. Сойдя с парома — быстро позавтракать прямо на улице (не более трех минут), затем пересесть на другой автобус, служебный, который идет от пристани к заводу. По пути завести сына в детский сад, и, наконец, бегом мчаться к проходной, чтобы не опоздать к восьми на работу (вечером возвращается тем же маршрутом, но уже в обратном порядке). Монотонный ритм перечисления мест назначения и эмоционально бесцветный тон повествования контрастирует с ярким и поэтическим описанием пейзажа реки Янцзы, что еще больше усиливает ощущение безысходности и рутинности жизни героя: « Весной Янцзы — полноводная, широкая, волнующе бурная. Паром движется вниз по течению, рассекает волны, подгоняемый попутным ветерком навстречу медленно встающему солнцу. За кормой удивительно грациозно качались на вздымаемых паромом волнах белоснежные чайки. Как много людей мечтает вот о таком утре на Янцзы, а пассажиры парома, похоже, даже не замечают всей этой красоты...»[16] В огромном, бурлящем, насыщенном событиями городе жизненное пространство рядового рабочего сведено к одной прямой линии: дом — работа — дом. Герой не способен наслаждаться великолепием весеннего пейзажа на реке Янцзы, ибо именно река является препятствием, которое ему приходится преодолевать изо дня в день, источником его ежедневных мытарств. Да и сам Инь Цзяхоу словно паром, которым он пользуется вот уже 17 лет, монотонно движется по жизни с одного берега на другой и обратно, и каждый его новый день лишь повторение дня минувшего.

Для литературных героев Чи Ли типично ощущать реальность (естественно, вымышленную) как внутренний мир и внешний мир. Для многих персонажей пространство этого внутреннего мирка очень узкое, ограниченное границами его/ее родного города или даже района. Подобное мироощущение прекрасно демонстрирует архитектурный тип китайского жилища — замкнутый двор «сыхэюань», в котором в наивысшей степени воплотились традиции самоизоляции от внешнего мира. Специфическое географическое местоположение и историческое деление Уханя на три больших района (которые изначально являлись самостоятельными городами) — Учан, Ханьян и Ханькоу — в совокупности с традиционным стремлением к самоизоляции стали почвой, подпитывающей присущее горожанам чувство разобщенности.

В эссе «Беседы об Ухане» Чи Ли делает акцент на исторически сложившейся изолированности трех городов-районов друг от друга, как на одной из наиболее характерных черт современного Уханя. В некоторых прозаических произведениях писательница использует эту черту как конструктивную деталь. Основной конфликт повести «Не говори о любви» базируется на разли-

чии в социальном происхождении главных героев. Героиня повести, Цзи Лин, принадлежит к социальному слою мещан и олицетворяет образ жизни обывателей Ханькоу, в то время как ее супруг, Чжуан Цзяньфэй, был воспитан в совершенно иной социальной среде района Учан. В старом Китае Учан являлся политическим, административным и культурным центром, в Учане находились резиденции высокопоставленных городских чиновников и высокообразованной интеллигенции. Ханькоу же в те времена был более известен как важный транспортный узел и центр торговли. Типичный конфликт между представителями двух различных социальных слоев усугубляется ощущением полной зависимости его участников от места рождения и места жительства, которые предопределяют судьбу героя/героини. Заветная мечта героини, Цзи Лин, — вырваться из ненавистного мещанского мира, где ей было суждено родиться и вырасти. Самое большая иллюзия Цзи Лин — вера, что удачный брак с «правильным мужчиной» — нерезидентом Ханькоу — кардинально изменит ее жизнь. Наибольшее разочарование Цзи Лин — то, что брак с «мужчиной ее мечты» не избавил её от репутации «вульгарной, необразованной, примитивной и грубой девицы с улицы «Цветочного павильона»*. Вполне естественно, что семья Чжуан, принадлежащая к интеллектуальной элите интеллигенции, не пожелала признать героиню полноправным членом своей семьи. Различия в мировоззрении и жизненных ценностях двух семей очевидны, по сути, между ними лежит непреодолимая пропасть, и даже такой символический «мост», как брак, не способен приблизить их друг к другу. Финал повести на первый взгляд довольно оптимистический: чтобы развод не погубил карьеру сына, родители Чжуан Цзяньфэя все же соглашаются нанести визит «необразованным» родителям своей невестки Цзи Лин, как того требует традиция. Для семьи Чжуан подобный визит — не более чем пустая трата времени и сил, в то время как для семьи Цзи соблюдение ритуала знакомства двух породнившихся семей остается крайне важным. Их верность традициям настолько сильна, что они готовы сохранять их даже ценой развода своей дочери. Благополучный финал повести — лишь временное разрешение одного из многих противоречий, существующих между этими семьями. Не сложно предугадать, что в дальнейшем каждая семья будет продолжать следовать своей «жизненной философии» и отстаивать свои ценности. Банальный супружеский конфликт вскрывает серьезные противоречия между различными социальными слоями, существующими в сегодняшнем китайском обществе.

Героями многих прозаических произведений Чи Ли являются представители социального слоя мещан («сяо шиминь»), что объясняет ее особое пристрастие к изображению жизненного уклада, поведения, традиций и привычек обитателей Ханькоу. В течение длительного периода времени в китайской литературе практически отсутствовал так называемый «средний герой», «маленький человек», обыватель со всеми его мелкими проблемами и обыденными, даже примитивными желаниями. В равной степени было непозволительно добавлять мелкобуржуазной «мягкотелости» и к образу положительного героя, коим в большинстве случаев являлся представитель класса пролетариата. Чи Ли в своих произведениях, напротив, фокусирует внимание на заурядных, повседневных, личных проблемах индивида, независимо от его социального статуса. Мещанский подход к жизни, меркантильность, склонность к предрассудкам, потребительское отношение к традициям и ритуалам, преобладание материальных ценностей над духовными представлены Чи Ли как наиболее типичные черты рядовых обитателей района Ханькоу, но вместе с

* В старом Китае «Цветочными павильонами» называли дома терпимости, поэтому такое название улицы вызывает устойчивые ассоциации.

тем ни один из ее героев не вызывает чувства антипатии. Отказ писательницы наследовать литературной традиции помещать в центр повествования «положительного героя», лишенного каких-либо недостатков и человеческих слабостей, готового пожертвовать своей личной жизнью во имя высоких идей «четырех социалистических модернизаций», созвучен гуманистическому мировоззрению, согласно которому личная жизнь индивида ставится превыше всего. Стремление к радостям жизни и удовлетворение естественных потребностей человека изображаются писательницей как основополагающие права личности. Для Чи Ли этот маленький человек, с его ничтожными проблемами и желаниями, постоянными трудностями и примитивными потребностями, который изо дня в день ведет борьбу за выживание, отнюдь, не жертва или иллюстрация идеи ничтожности его бытия. Повесть «Не говори о любви» превосходно показывает, что все симпатии автора как раз на стороне семьи Цзи: конкретные жизненные ценности, которыми она руководствуется в борьбе за существование, оказываются куда более человечными и понятными, нежели абстрактные идеалы высокообразованной семьи Чжуан.

В повести «Радуйся жизни!» Чи Ли продолжает развивать тему жизни района Ханькоу, сосредотачивая основное внимание на специфике поведения его обитателей. Центральный персонаж — уроженец Ханькоу, юноша по прозвищу Мао-цзы — «Котенок». Хотя в его жизни, по сути, ничего не происходит, он получает истинное наслаждение от каждого прожитого дня. Ему нравится его повторяющаяся из дня в день обычная работа. Он искренне гордится своей невестой — водителем автобуса Яохуа — и прекрасно ладит со своим будущим тестем. Дружелюбный и открытый, он любит людей, и они платят ему тем же. Он довольствуется тем, что имеет, он по-настоящему счастлив, улыбается жизни, и жизнь улыбается ему в ответ. Даже нестерпимый летний зной — предмет всеобщих жалоб, когда от жары лопаются термометры, и людям приходится спать прямо на улице на раскладушках, он способен воспринимать как подарок судьбы. По мнению критика Дай Цзиньхуа, «в повести «Радуйся жизни!» изображается чувственно-буйный, беззаботный, перебрасывающийся шутками старый город. Еще один пробел заполнен Чи Ли: похоже, никто до неё так пристально не вглядывался в жизнь уханьского квартала в разгар летнего зноя и не смог его так мастерски описать... Никто не выбирал таких героев, как Мао-цзы или Яохуа, не описывал такую любовь — любовь без романа, без поэтической возвышенности. Но привлекательность этой повести как раз и состоит в безыскусном подходе к изображению жизни городского квартала, поиске красоты и приятии обычных будней».[17] Образ Мао-цзы можно экстраполировать на современного китайского горожанина, который субъективно еще продолжает мыслить себя частью патриархально-родового коллектива, в то время как объективные социально-экономические условия насильственным образом вычленяют индивида из коллектива, следовательно, ему предстоит понять смысл новой реальности и собственное место в ней. Равно, как и её вымышленные герои, Чи Ли ведет поиск приемлемой жизненной философии для самой себя. Нетрудно заметить, что во многих произведениях писательница проводит четкую грань между интеллигенцией и так называемым сословием «сяо шиминь», более того, она словно намеренно демонстрирует свои симпатии последним. Портрет героя-интеллигента зачастую рисуется в мрачных тонах (в повести «Не говори о любви»), или служит объектом иронии или даже сатиры (в повести «Кем ты себя возомнил?»), или делается упор на его политическую ортодоксальность (в повести «Кровавый закат»), или же он изображен приверженцем конфуцианского домостроя (к примеру, в повести «Если уходишь — уходи навсегда» главная героиня бойкотирует своих образованных родителей, поскольку, по ее мнению, они слишком консервативны, и их

поведение и принципы «неадекватны» современной реальности). В подобном изображении интеллигенции в произведениях Чи Ли проявляется склонность автора к саморефлексии, её подсознательная неуверенность в статусе творческой интеллигенции в целом и писателя в частности в этом новом, идеологически дезориентированном обществе, коим, несмотря на все усилия компартии, становится сегодня Китай. Новая реальность такова, что старые ценности уже отброшены, а новые ценности нарождающегося общества потребителей все еще остаются «вещью в себе». По признанию Чи Ли, она все еще не может с уверенностью ответить, «нравится ей современный город или нет», тем не менее признавая, что она «заинтригована им». Эта интрига заставляет её осваивать пространства современного города, но вместе с открытием нового приходят и разочарование и желание вновь вернуться в тихую гавань прошлого.

Мучительный поиск Чи Ли правильного баланса между прошлым и настоящим раскрывается в ее восприятии современного города. С одной стороны, она приветствует урбанизацию, приносящую разнообразные бытовые удобства и блага — например, отдельные квартиры. С другой стороны, она ощущает сильное чувство одиночества и незащищенности в этой городской «пустыне». В ее эссе «Городская пустыня» ощущается страх и неуверенность писательницы за свое будущее в этом новом, индивидуалистическом обществе, пришедшем на смену привычному, коллективистскому образу жизни: «Здесь всегда так тихо... Кто живет напротив, наверху, подо мной, в соседней квартире — ни малейшего представления. То же можно сказать и о других... Стою на балконе. Куда не кинь взор — лишь серые здания, и более ничего. Кажется, что ты в пустыне. А люди затерялись в ее песках. Да, в нашей старой коммуналке было слишком тесно, слишком шумно, слишком хаотично, конечно, ничего хорошего в том не было... Но это /новое/ серое здание слишком изолированное, слишком безжизненное, слишком эгоистичное, и это еще страшнее...»[18] Чи Ли окружает реальность, где нет места романтическим идеалам или идеалистическим романам, она словно совершает путешествие из одного мира в другой в поисках подходящего места для выживания. Отсюда — любовь без любовной истории, герой без героического ореола, жизнь как повседневная рутина. Ханькоу, с его «приземленной» жизненной философией, позволяющей сочетать верность патриархальным традициям и интересы индивида, стал хорошим компромиссом для Чи Ли.

Некогда Чи Ли написала: «Города похожи на людей». У каждого города своя история, характер и судьба. Для Чи Ли город не вымышленное пространство, куда она помещает вымышленных героев, но легко узнаваемая реальность. Её персонажи «живут» в городе, где каждый район, каждая улица, каждое здание воспроизведено с фотографической четкостью и правдивостью. Изображая своих героев, писательница особое внимание уделяет их внешнему облику, манере речи, поведению, привычкам. Требовательность к деталям позволяет ей более ярко высветить внутренний мир героя, проникнуть в его психологию.

Символизм пейзажных сцен является еще одной важной чертой городской прозы Чи Ли. Реалистическое изображение героев и городской жизни сочетается с эмоционально окрашенными и, порой, сентиментальными пейзажными зарисовками. Описание чарующих красот Янцзы встречается во многих, если не во всех, произведениях Чи Ли. Величественная, ни на миг не останавливающая бег своих вод Янцзы в прозе Чи Ли служит символом вечности, а Большой мост через реку часто символизирует связь между прошлым и настоящим, жизнью и смертью. В то же время, для Чи Ли характерна быстрая смена стилей повествования, обуславливающая стремительную перемену настроений — от поэтически-возвышенного к прозаически приземленному.

Анализ эссе и прозы Чи Ли показывает, что «уханьская тема» может служить ключом к пониманию мировосприятия писательницы. Авторские сомнения, двойственность восприятия нововведений, размышления относительно прошлого, настоящего и будущего Уханя отражают ее стремление отыскать собственную нишу в реальности урбанистического города как такового. Изображая все "минусы" и "плюсы" Уханя, постоянно задаваясь вопросом "за что я люблю этот гоород?", через напряженный диалог с читателем Чи Ли раскрывает свой способ познания жизни.

---

1. Чэнь Цзюньтао. Вэньтань ганьин лу [Рефлексы литературных кругов]. Пекин, 1996. С. 345.
2. Дай Цзиньхуа. Чи Ли: Шэньшэн дэ фаньнао жэньшэн [Чи Ли: Святая рутина жизни] // Вэньсюэ пинлунь, 1995. №6. С. 51.
3. Чи Ли. Шо ю дучжэ [Обращение к читателю] // Чи Ли вэнь цзи [Собрание сочинений Чи Ли]: Цзянсу чубаньшэ, 1995. Т. 2. С. 2.
4. Чи Ли. Ухань хуати [Ухань - тема для беседы] // Чи Ли вэнь цзи. Т. 4. С. 167.
5. Там же. С. 164.
6. Там же. С. 171.
7. Там же. С. 165.
8. Чи Ли. Чжи у цзинь дэ суйюэ [Посвящение вечности] // Цзинпинь вэньцзи: [Лучшие произведения] Нэй мэнгу жэньминь чубаньшэ, 1999. С. 387-390.
9. Чи Ли. Ухань хуати. С. 176.
10. Чи Ли. Фаньнао жэньшэн [Рутина жизни] // Чи Ли вэнь цзи. Т. 2. С. 42.
11. Чи Ли. Ухань хуати. С. 177.
12. Там же. С. 178.
13. Там же. С.180.
14. Там.же. С. 187.
15. Там же. С. 165.
16. Чи Ли. Фаньнао жэньшэн. Указ.изд. С. 11.
17. Дай Цзиньхуа. Указ. соч. М. 55.
18. Чи Ли. Чэнши ли дэ шамо [Городская пустыня] // Чи Ли вэнь цзи. Т. 2. С. 293.

Научная жизнь

XII Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы"

25-27 сентября 2001 г. в Институте Дальнего Востока Российской Академии наук состоялась XII Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы", организованная Научным Советом по проблемам комплексного изучения современного Китая Отделения международных отношений РАН совместно с Институтом Дальнего Востока РАН и Ассоциацией китаеведов РАН.

«Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI веке» — основная тема, которой была посвящена XII конференция.

Участники и гости конференции обсудили наиболее актуальные проблемы на заседаниях следующих секций: «Экономика Китая, России и стран АТР в условиях глобализации», «Международные отношения в АТР: регион и проблемы глобализации. Перспективы формирования стратегического треугольника Россия – Китай — Индия», «Особенности политических процессов в Китае и государствах Восточной Азии в современный период. История и историография», «Проблемы и перспективы межцивилизационных связей в XXI веке. Философия, культура и религия стран Восточной Азии».

В работе конференции, наряду с российскими китаеведами и востоковедами из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, других китаеведческих центров России и стран СНГ, приняли участие ученые из различных научных центров Китайской Народной Республики (Академии общественных наук Китая и др.), исследователи из Швейцарии, Республики Индия, Республики Корея.

Конференция и первое пленарное заседание были открыты членом-корреспондентом РАН, директором Института Дальнего Востока РАН, профессором М.Л. Титаренко. В своем выступлении он отметил актуальность темы конференции в свете трагических событий в США и изменения ситуации в мире, насущную необходимость налаживания межцивилизационного диалога.

С приветственным словом на прекрасном русском языке к участникам конференции обратился Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Чжан Дэгуан. Он сказал, что конференция – большое событие, еще один шаг на пути улучшения взаимопонимания между нашими народами. Совместное обсуждение специалистами актуальных проблем развития КНР, ее успехов и трудностей помогает китайским ученым понять, каким образом воспринимается Китай внешним миром, как оценивают зарубежные специалисты внешнюю политику и те глубокие внутренние процессы, которые происходят в совре-

менном Китае, какие тенденции вызывают их обеспокоенность. По мнению посла, именно научные контакты такого рода создают хорошие условия для сотрудничества наших стран в различных областях. Он пожелал участникам конференции успехов в работе и интересных дискуссий

Академик РАН С.Л. Тихвинский тепло поприветствовал участников и гостей конференции. Академик РАН В.С.Мясников от имени Отделения истории РАН и Российской ассоциации китаеведов пожелал конференции успешной работы.

М.Л. Титаренко проинформировал участников конференции о состоявшемся 15-16 сентября заседании Правления Европейской ассоциации китаеведов (ЕАК), сообщив, что Правление приняло решение о проведении конференции ЕАК в конце августа 2002 года в Москве и пригласив ученых принять участие в ней.

В докладе "О перспективах стратегического взаимодействия России и Китая в XXI веке» академик РАН В.С. Мясников (ИДВ РАН) проанализировал эти перспективы с учетом трех типов отношений (на глобальном и региональном уровнях и двусторонние отношения). Возможности стратегического партнерства зависят не только от стремлений двух государств, но во многом определяются состоянием той среды, которая именуется международными отношениями, а также развитием мирового исторического процесса в целом, считает В.С. Мясников. Международные отношения развиваются в сложных условиях. Успех в движении к миру и устойчивому развитию в первую очередь может обеспечить дальнейшая демократизация международных отношений. «Демократические принципы должны в первую очередь определить равную силу звучания голосов больших, средних и малых стран в общем, пламенном хорале во славу XXI веке».

Профессор Б.М. Тангха (Институт китаеведения, Республика Индия) в докладе «Восточная цивилизация и столкновения государств» сосредоточил внимание на особенностях мировоззрения представителей восточной цивилизации и возможностях использования общечеловеческих ценностей в предотвращении военных столкновений между государствами в XXI веке.

Профессор Гэ Жэмин (главный редактор журнала «Мир и развитие», Центр мира и развития международных связей, КНР) выступил с докладом «Перспективы дружбы и сотрудничества между Китаем, Россией и Индией в XXI веке», в котором он высоко оценил равноправные партнерские отношения складывающиеся между Китаем, Индией и Россией, особо подчеркнув позитивные сдвиги в решении пограничных проблем в духе добрососедства и взаимопонимания. Докладчик считает, что наши страны должны и в XXI веке выступать единым фронтом на международной арене в интересах мира, развития и безопасности на планете без военных блоков и конфронтации.

Д.э.н. Э.П. Пивоварова (ИДВ РАН) привлекла внимание участников конференции к основным тенденциям трансформации китайского общества. В докладе «Социальная трансформация китайского общества» она пришла к заключению, что в КНР вносимая в ходе рыночного реформирования экономики социальная плата (имущественная дифференциация, неполная занятость и др.) оказалась посильной для населения и сопоставимой с достижениями в повышении эффективности производства, служащего в конечном счете росту народного благосостояния. Сложившаяся социальная структура (социальные страты "ниже среднего" охватывают подавляющее большинство населения страны) является довольно подвижной и подвержена влиянию как внутренней, так и международной конъюнктуры. Принцип «кадры решают все», считает Э.П. Пивоварова, может стать отправным моментом не только качественного улучшения социальной структуры и сохранения социально-политической ста-

бильности китайского общества, но и дальнейшего социально-экономического прогресса страны.

Д.и.н. Б.Т. Кулик (ИДВ РАН) выступил с докладом «Российско-китайские отношения как фактор возрождения России и Китая». Он считает, что необходимо отрешиться от узкопрагматического понимания целей двустороннего экономического сотрудничества, рассматриваемого через призму сиюминутной взаимной выгоды, настойчиво и последовательно противодействовать акциям любого рода, подрывающим российско-китайские отношения, и воспитывать народы России и Китая в духе взаимоуважения, способствовать всемерному расширению российско-китайских культурных связей, взаимному духовному обогащению наших народов, рассматривая это как важнейший элемент государственной политики и эффективный инструмент противодействия культурной экспансии западных ценностей в процессе глобализации. Только при таких условиях может быть по-настоящему реализован потенциал развития, заложенный в российско-китайских отношениях.

Д.э.н. В.В. Михеев (ИДВ РАН) в докладе "Проблема создания Банка развития СВА и интересы России и Китая" рассмотрел тему российско-китайского межбанковского сотрудничества через призму развития интеграционных тенденций в Северо-Восточной Азии. Если признать правильной постановку вопроса о необходимости превращения России в полноправного члена экономического сообщества в СВА, то, по мнению докладчика, перед РФ и российской дипломатией встают новые сложные, но все же решаемые задачи. В.В. Михеев предложил конкретные меры по их решению (официально заявить о стремлении РФ стать членом Восточно-азиатского форума, начать переговоры о создании в СВА зоны свободной торговли, координировать экономическую и финансовую политику с руководителями Японии, Китая и Южной Кореи, адаптировать экономическую стратегию РФ к интеграции России в западноевропейское и восточноазиатское экономическое пространство, поддержать идею создания Банка СВА).

Второй день работы конференции был посвящен свободному обмену мнениями ее участников по проблеме — «Роль цивилизационного фактора в современных международных отношениях». Предложенная тема прозвучала особо актуально в связи с беспрецедентными террористическими актами 11 сентября в США, потрясшими весь мир. «Круглый стол» позволил в определенном смысле уточнить понятийный аппарат, используемый в дискуссиях об особенностях международных отношений в XXI веке, дал возможность обсудить роль «цивилизационного фактора» в современных международных отношениях, развивающихся в условиях глобализации, понять, какие факторы содействуют конфронтации и нарастанию агрессивности в отношениях между представителями различных цивилизаций, а какие — способствуют сближению, взаимопониманию и создают условия мирного сосуществования на основах взаимного уважения и терпимости к цивилизационной специфике, помогают устранить национальную разобщенность и предрассудки, наладить диалог, сотрудничество и взаимное развитие.

Участники дискуссии согласились, что следует различать понятие «цивилизация» в широком смысле в том случае, если оно относится к этапу развития всего человечества и включает материальную и духовную составляющие, и в узком смысле, что охватывает только сферу духовной культуры (религиозные воззрения, традиции, философские концепции и др.). Однако участникам «круглого стола» не удалось прийти к единому определению понятия "цивилизация" в узком смысле. Отмечалось, что существуют сотни определений этого понятия в зависимости от тех критериев, которые берутся за структурообразующую основу (религиозные, этнокультурные, географические и т.д.).

При отсутствии единства среди участников дискуссии при определении понятия «цивилизация» в узком смысле им не удалось создать общую картину цивилизационной структуры современного мира, без чего затруднительно оценить влияние цивилизационного фактора на международные отношения в новом столетии. Тем не менее в ходе дискуссии в основном было достигнуто согласие относительно неправомерности постановки вопроса о диалоге цивилизаций применительно к международным отношениям. Цивилизации не являются субъектом международных отношений в современном мире, и потому диалог между ними, понимаемый в свете развития международных отношений, невозможен. Однако существует опосредованное влияние цивилизационного фактора на международные отношения через мировоззренческие перцепции тех людей, которые формулируют национальные интересы, разрабатывают и осуществляют внешнюю политику своих стран. В этом контексте были приведены интересные примеры того, как цивилизационный фактор может приводить к обострению межгосударственных отношений там, где для этого нет явно обозначенных идеологических или экономических предпосылок. Речь, в частности, шла о проблеме прав человека и свободы вероисповедания в американо-китайских отношениях и вопросах расширения НАТО и создания НПРО в американо-российских отношениях.

Некоторые участники «круглого стола» отмечали, что глобализация, хотя она и ставит сегодня государства, корпорации и человека перед новыми вызовами, не мешает развитию национальных культур и не ведет к разрушению духовных ценностей различных цивилизаций. Глобализация — это объктивная тенденция развития современного мира, которая обязывает видеть национальные интересы в контексте региональном и глобальном. Главное ее влияние на развитие духовной культуры человечества проявляется в распространении в мире принципа компромисса как основы для взаимопонимания между людьми, государствами, народами. При этом в современном мире остаются группы людей, принадлежащие к различным этносам, с агрессивными стереотипами поведения, как например в случае с международным терроризмом. Международному сообществу предстоит разработать эффективную стратегию по ограничению влияния агрессивных стереотипов поведения и мышления на международные дела и обстановку в мире.

Будущее человечества невозможно без четкого осознания, что все культуры являются неотъемлемой частью цивилизации Земли — колыбели всех цивилизаций. Различия и самобытность культур и цивилизаций являются объективной реальностью и вместе с тем объективной закономерностью. Все народы мира, наряду с сохранением своеобразия собственной культуры, должны нести общую ответственность за общечеловеческие духовные ценности и принципы и проявлять общую заботу о судьбах планеты, исходить из потребностей развития человеческой цивилизации.

По мнению руководителя «круглого стола» д.э.н. В.В. Михеева дискуссию можно признать удавшейся, в ней приняли участие более 20 ученых, в том числе д.филос.н. А.Е. Лукьянов, к.филос.н. В.Ф. Феоктистов, д.филос.н. А.В. Ломанов, д.и.н. А.Г. Яковлев, к.и.н. А.Н. Корнеев, д.и.н. Я.М. Бергер и др. Во время обсуждения было поставлено больше вопросов, нежели получено ответов, что свидетельствует о необходимости продолжения дискуссии в будущем.

Пленарное заседание 27 сентября открылось докладом профессора Яо Гуанье (Пекинская административная Академия, КНР), посвященным инвестиционному климату в КНР. Он отметил, что современная инвестиционная система Китая далека от совершенства и требует постоянного совершенствования в интересах поступательного экономического развития.

Д.э.н. А.В.Островский выступил с докладом «Китайская модель перехода к рынку: возможности использования в России», в котором сделал следующий вывод. Самое важное для России в китайском опыте – это комплексный и целостный подход к реформе экономической системы, обеспечивающий постепенный, без «шоковой» терапии, переход от командно-административной системы к рыночной экономике под государственным контролем. Для России при реализации стратегии сравнительных преимуществ, (богатство природных ресурсов, наличие квалифицированных кадров, стратегически удобное положение страны), считает А.В.Островский, китайский опыт наиболее предпочтителен, ибо в нем главным является разумное сочетание государства и рынка.

В докладе проф. Г.П. Дешпанде (Институт китаеведения, Республика Индия) «Азиатские ценности: миф или реальность?» прозвучало весьма оригинальное мнение о том, что существуют две Азии. Одна Азия – изобретенная европейским романтизмом, другая – реальный, физический континент, к которому и относится название «Азия». "Разве можно какие-либо ценности ассоциировать с континентом?" — задал вопрос докладчик. Ценности, считает Дешпанде, связаны с семьей, с философским осмыслением мира, с религией, правами личности и т.д. Они являются или универсальными, или относятся к определенному обществу либо религиозной системе. Что же подразумевается под «азиатскими ценностями»? Имеем ли мы в виду восточные ценности? Или же мы подразумеваем ценности, выработанные культурами, преобладающими в Азии? И что же у них на самом деле общего для того, чтобы можно было оправданно говорить об азиатских ценностях? Азиатские ценности существуют постольку, утверждает Дешпанде, поскольку существуют ценности, типичные для арабов, или китайцев, или индийцев, но которые не разделяют жители Европы и Америки. Но эта особенность не может превращать и не превращает их в совокупность транснациональных азиатских ценностей. Мы говорим об азиатских ценностях по большей части для того , чтобы отличить их от европейских и американских ценностей.

Д.филос.н. А.Е. Лукьянов в своем докладе «Философско-теоретические истоки конфуцианской цивилизации» отнес конфуцианскую цивилизацию к разряду духовных и прогрессивных (направленных в будущее). Выстраивая теорию собственной цивилизации, конфуцианство параллельно с даосизмом выработало методологию онтологического и идейного обоснования генезиса любого типа цивилизации, утверждает А.Е. Лукьянов. Коммуникацию с конфуцианской цивилизацией можно установить через духовный архетип *у чан*, зная коды его спиральной социоприродной развертки. Однако при этом необходимо знать коды и своей духовной культуры и проводить согласование культур по определенному критерию. Таким путем можно достичь адекватного понимания транслируемых идей и обеспечить продуктивный диалог цивилизаций.

«Партийное строительство КПК и проблема адаптации партии к новым условиям» – тема доклада д.и.н. Н.Л. Мамаевой. Процесс адаптации правящей партии к новым реалиям четко просматривается, считает Н.Л.Мамаева, в попытках обновления теоретического багажа КПК, которое осуществляется параллельно с подготовкой к смене третьего поколения высших руководителей партии и страны четвертым их поколением. В официальных средствах массовой информации, начиная с марта 2000 г., идеи Цзян Цзэминя начали выдвигаться в качестве основы новой концепции. В среде партийных функционеров идет формирование нового менталитета, характеризующегося не только идеологическими и абстрактными ценностями, но в значительной степени – критериями образованности, профессионализма и практической целесообразности.

В заключение были заслушаны выступления руководителей секций конференции. Руководитель секции «Экономика Китая, России и стран АТР в

условиях глобализации» д.э.н. Э.П. Пивоварова подчеркнула актуальность и разнообразие обсуждавшихся в ходе работы секции вопросов: перспективы индустриализации Китая, изменение структуры сельскохозяйственного производства, тенденции динамики цен, проблемы и задачи развития финансово-банковского сотрудничества между Россией и Китаем, региональные особенности социально-экономического и демографического развития западных районов Китая, интеграция Китая в мировое хозяйство, перспективы развития АТЭС и др.

Руководитель секции «Международные отношения в АТР: регион и проблемы глобализации. Перспективы формирования стратегического треугольника Россия – Китай - Индия» д.и.н. А.Г. Яковлев сообщил, что работа секции привлекла внимание российских и иностранных участников конференции, особенно отметил активное участие в дискуссии индийских и китайских ученых. В центре обсуждения оказалась проблема становления стратегического треугольника Россия –Китай–Индия. Весьма плодотворными представляется высказанное в ходе дискуссии соображение, что трудности и проблемы в индийско-китайских отношениях будут успешней решаться, если высшим приоритетом для двух стран станут общие интересы их стратегической безопасности. Террористические акты 11 сентября и ситуация, сложившаяся в мире после них, обязывают по-новому посмотреть на проблемы стратегического треугольника.

Руководитель секции «Особенности политических процессов в Китае и государствах Восточной Азии в современный период. История и историография» д.и.н. Н.Л. Мамаева сообщила, что были заслушаны и обсуждены два блока докладов – политологический и исторический. Проблематика рассмотренных вопросов весьма обширна: история КПК, идейно-политические основы модернизации КНР, проблемы национально-кадрового строительства. и национальной политики, реформа органов самоуправления, оборонное строительство, перспективы демократизации Тайваня, внутриполитическая ситуация в Сянгане. Участники обсуждения отметили тенденцию усиления руководящей роли КПК и партийного контроля над государственными органами и общественными организациями в качестве основной особенности современных внутриполитических процессов в КНР.

Руководитель секции «Философия, культура и религия Китая» к.филос.н. В.Ф. Феоктистов отметил разнообразие тем — философских, культурологических и литературоведческих, поднятых и обсужденных в ходе работы секции: значение конфуцианства и ислама в диалоге цивилизаций, проблемы текстологии в «Лунь юе», проблемы экологии в раннем конфуцианстве, методологические проблемы теории «социализма с китайской спецификой», трансляция культуры в концепции Лян Шумина, традиционные ценности в свете изменения Закона КНР о браке, проблемы и перспективы буддийского образования, литературное наследие Ван Мэна, Гао Синцзяня, Ли Бо, Лао Шэ.

На закрытии конференции член-корреспондент РАН, профессор М.Л. Титаренко в своем заключительном слове подчеркнул, что XII Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир" стала генеральной репетицией и смотром научных сил перед XIY международной конференцией Европейской ассоциации китаеведов, которая пройдет в следующем году. "Традиционная китайская цивилизация и современный мир" – тема московской конференции ЕАК[1]. «Круглый стол» отличался актуальностью и способствовал пониманию особенностей межцивилизационного диалога в условиях глобализации.

Говоря о содержании докладов и сообщений на конференции, М.Л. Титаренко подчеркнул, что они отличаются широким охватом проблем, некото-

рые — неординарными подходами и нетрадиционными взглядами на поставленные проблемы, что не может не радовать организаторов конференции. Материалы XII международной научной конференции «Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI веке» изданы в этом году в трех выпусках, общим объемом 30 п.л[2]. Конференция явилась новым шагом в научном изучении Китая, о чем убедительно свидетельствуют более 120 опубликованных тезисов докладов, представленных в Оргкомитет конференции. М.Л. Титаренко поблагодарил Оргкомитет, зарубежных гостей и всех участников конференции за активную работу, особо отметив, что она характеризовалась духом академизма, атмосферой заинтересованного научного сотрудничества.

Следующая конференция «Китай, китайская цивилизация и мир» состоится в 2003 году, и Оргкомитет приглашает всех заинтересованных в указанной проблематике ученых, научные и практические коллективы принять в ней участие.

О. Почагина,
кандидат исторических наук

1. Информация о XIY конференции ЕАК 2002 г. в Москве размещена на сайте Института Дальнего Востока РАН – www.ifes-ras.ru и публикуется в этом номере ПДВ.
2. Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI веке. Тезисы докладов XII Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы" (Москва, 25-27 сентября 2001 г.). В 3-х частях. М., 2001.

Выступление китайских ученых Лю Гогуана и Ли Цзинцзе в Отделении международных отношений РАН

20 сентября 2001 г. состоялось заседание Бюро Отделения международных отношений РАН, на котором с докладами выступили ведущие китайские ученые, почетные доктора Российской академии наук бывший вице-президент Академии общественных наук (АОН) Китая проф. Лю Гогуан и директор Института Восточной Европы, России и Центральной Азии АОН Китая, проф. Ли Цзинцзе.

Полный текст доклада проф. Лю Гогуана "Проблемы урегулирования экономической структуры Китая" публикуется в разделе "Экономика" этого номера журнала.

Проф. Ли Цзинцзе выступил с докладом "Китайско-российские отношения стратегического партнерства и взаимодействия и американский фактор".

В своем докладе проф. Ли Цзинцзе, изложив предысторию китайско-российских отношений, которые достигли сегодня уровня стратегического партнерства и взаимодействия, подчеркивает, что на всем протяжении истории наших двусторонних отношений на них серьезное воздействие оказывал американский фактор.

В начале 50-х гг. заключение советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи во многом мотивировалось тем, что обе страны "рассматривали США как общую угрозу и общего врага".

Одна из причин разлада в отношениях между СССР и КНР, начавшегося в конце 50-х гг., также была связана с США, поскольку в Пекине были недовольны тогдашними попытками Москвы улучшить советско-американские отношения и требованиями, чтобы и Китай последовал по этому пути. Пекин же опасался, что объединение Советского Союза и США может осуществиться за счет китайских интересов, и поэтому развернул широкую идеологическую полемику, которая вылилась в серьезное осложнение отношений с СССР и привело даже к вооруженным столкновениям на границе. "В конечном итоге в Китае, отметил Ли Цзинцзе, сочли, что угроза со стороны Советского Союза серьезнее угрозы, исходящей от США", и на этой основе произошло китайско-американское сближение, нацеленное против СССР.

Выход отношений между КНР и СССР из состояния противоборства в 1982 г. , отмечается в докладе проф. Ли Цзинцзе, вновь был связан с воздействием американского фактора. Как известно, в 80-е гг. обострились трения между КНР и США, особенно по тайваньскому вопросу. СССР воспользовался этим и вышел с инициативой улучшения советско-китайских отношений, которая встретила позитивный отклик в Пекине, и отношения Китая и Советского Союза вернулись в фарватер нормализации.

В 90-х гг. происходил аналогичный процесс. Внешняя политика российских "демократов" (кавычки Ли Цзинцзе) была односторонне ориентирована на

торое будет опубликовано в «Информационном бюллетене ЕАК» (EACS Newsletter) и на сайте XIV Конференции ЕАК (www. moskva14eacs.ifes-ras.ru).

Рассылка информационных писем и регистрационных форм (за исключением официальных приглашений, необходимых для оформления въездной визы), а также прием тезисов и регистрационных форм будут осуществляться посредством электронной почты или по факсу. Подробная информация о предстоящей конференции и регистрационная форма будут своевременно помещаться на страницах Информационного бюллетеня ЕАК, на сайте ЕАК в Интернете http://www.soas.ac.uk/eacs и на сайте конференции.

В целях своевременного информирования участников об условиях и требованиях предстоящей конференции, Правление постановило опубликовать первое Информационное письмо в Информационном бюллетене ЕАК, в котором будут указаны сроки проведения конференции, ведущая тема, основные даты, информация об условиях проживания и научно-ознакомительной программе в Санкт-Петербурге для желающих. Кроме того, все текущая информация по подготовке конференции будет помещаться на сайтах ЕАК и конференции. Второе Информационное письмо планируется разослать после завершения работы руководителей секций с тезисами докладов, окончания приема регистрационных форм и утверждения окончательной программы работы секций и расписания работы конференции.

Правление ЕАК утвердило следующие основные даты:

А) 1 февраля 2002 г. — последний срок подачи тезисов и внесения предложений по организации секций. Тезисы будут приниматься в электронном варианте, либо их можно отправлять факсом. Объем — не более 500 слов, 30 строк;

Б) 10 марта 2002 г. — последний срок подтверждения принятых тезисов докладов участников;

В) 20 марта 2002 г. — окончательный срок приема регистрационных форм участников конференции.

Работа конференции будет строиться по следующему плану: торжественная церемония открытия конференции и заседание Генеральной Ассамблеи ЕАК и выборы нового Правления ЕАК (в голосовании участвуют только члены ЕАК), секционная работа (утренние и вечерние заседания), работа междисциплинарных и специальных заседаний, закрытие конференции и подведение итогов. С основным докладом на церемонии открытия выступит профессор М. Бастид-Бругьер (Франция). Работа утренних заседаний будет начинаться в 9.00 и заканчиваться в 12.00 (с 10.30 до 11.00 — перерыв); время работы вечерних заседаний — с 14.00 до 17.00 (с 15.30 до 16.00 — перерыв). Время доклада — 20 минут. Во время конференции будут работать 11 секций, утвержденных Правлением ЕАК: 1) Драма и пьеса (вместо секции «Традиционная литература»); 2) Проза и поэзия (вместо секции «Современная литература»); 3) Язык и лингвистика; 4) История в древние и средние века и новая история; 5) Новейшая история; 6) Современная политика и экономика; 7) Социальная антропология и социология; 8) Религия и философия; 9) История искусства и археология; 10) Информационные технологии; 11) Преподавание и педагогика. В ходе конференции также пройдут три междисциплинарных заседания по темам: 1) Женский вопрос; 2) Проблемы китайских городов; 3) Публикации в новейшее время. Специальное заседание будет посвящено проблеме формирования синологических библиотек.

При обсуждении кандидатур руководителей секций, сессий и заседаний Правление ЕАК поддержало предложение Оргкомитета предоставить более широкие возможности руководства секционной работой российским китаеведам. В частности, были утверждены следующие кандидатуры сопредседателей

из России: Спешнев Н. А. (секция 3), Бокщанин А. А. (секция 4), Мясников В. С. (секция 5), Островский А. В. (секция 6), Ломанов А.В. (секция 8). Вместе с тем, в ходе заседания члены Правления ЕАК так и не пришли к единому мнению относительно всех кандидатур руководителей секций, поэтому об окончательном решении этого вопроса будет объявлено позднее ответственным секретарем ЕАК К. Энриотом.

Правление ЕАК в целом одобрило предложенное Оргкомитетом первоначальное расписание работы конференции, включающее в себя помимо напряженной научной работы экскурсионную программу и торжественный ужин в честь участников конференции. После доработки и уточнения окончательное расписание программы конференции будет доведено до сведения участников конференции.

В целом Правление ЕАК одобрило проделанную Оргкомитетом работу по подготовке конференции и выразило надежду, что в конференции примет участие широкий круг ученых Европы, ведущих центров китаеведения России и других стран СНГ. По мнению членов Правления ЕАК, выбор Москвы местом проведения очередной конференции не только дает уникальную возможность европейским ученым лучше познакомиться с результатами научных исследований их российских коллег, но и будет способствовать дальнейшему продуктивному диалогу китаеведов — представителей разных стран и научных школ.

© 2001

Н. Демидо,
ответственный секретарь АКИТ РАН

Рецензии

Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001. 200 с.

Проблемы, анализируемые и прогнозируемые в работе, по существу своему, являются планетарными. Из 6 млрд. 100 млн. человек, проживающих на планете Земля, более 20% составляют жители материкового Китая. Каковы перспективы развития этой страны, добившейся значительного укрепления своего экономического потенциала и улучшения жизни населения в последней четверти XX столетия? Это актуальный вопрос для всего мира и, естественно, для России, имеющей с Китаем самую протяженную сухопутную границу.

Стратегический переход традиционной экстенсивной экономики Китая к экономике интенсивного типа, основанной на передовых научно-технических достижениях, посвящена работа видного российского исследователя Китая И.Н. Наумова.

Анализируя развитие экономики КНР с 1949г., автор отмечает два типа накопления и инвестирования. В 50–70-е гг. ушедшего века этот процесс имел административно-распределительный характер. Благодаря ему были созданы основы современной промышленности, транспорта, современного образования и науки, а также развита ирригационная система. Однако этот тип накопления и инвестирования "по многим известным причинам изжил себя и был отторгнут обществом" (с. 54). Второй тип накопления и инвестирования получил развитие в 80–90-е гг. Он также вводился сверху, но с учетом материального интереса. И.Н. Наумов подчеркивает, что нормальное функционирование этого типа возможно лишь в условиях поддержания устойчивого денежного обращения, стабильности внутренней денежной валюты, жестко зарегулированной на низком уровне инфляции.

Государство и рынок в Китае в период реформ не воспринимаются как антиподы. На протяжении двух с лишним десятилетий при непосредственном участии государства активно и целенаправленно формировалась благоприятная для рынка среда. Монетизация экономики проводилась в основном системно, а денежная эмиссия использовалась для увеличения доходов государства. Сдвиг в пользу негосударственных укладов был достигнут постепенно, посредством их более быстрого развития, а не за счет разгосударствления и приватизации государственной собственности. Наличие стратегии развития, глубокая проработка опыта реформирования в других странах, учет собственной специфики обеспечили успешность развития многоукладной экономики и китайских реформ в конце XX века.

Впечатляющий рост китайской экономики по 1996 г. тем не менее не был ни устойчивым ни стабильным. С 1953 по 1966 г. экономика Китая, по мнению автора, прошла 9 циклов. При тщательном анализе, отмечает автор, с большим трудом можно отыскать два–три года, следующих один за другим, которые соответствовали бы устойчивой логике роста. Поэтому экономический рост в Китае И.Н. Наумов характеризует как циклический и "пульсирующий" (с. 57). С точки зрения логики развития, каждый год в Китае отмечен жесткой борьбой за повышение темпов экономического развития, приближением серьезных кризисных явлений, которые сопровождают очередной всплеск повышения темпов роста. На обеспечение динамики роста мобилизуются колоссальные людские, материальные и финансовые ресурсы, а также силы быстро растущего интеллектуального потенциала и управления.

Такое неординарное развитие экономики Китая обусловлено объективными и субъективными факторами. Главным объективным фактором является огромное население, быстрое накопление трудовых

ресурсов в условиях острейшего дефицита капитала. К сугубо субъективным факторам И.Н. Наумов относит стремление значительной части общества, особенно руководящего звена государства и КПК, как можно полнее использовать колоссальные трудовые ресурсы и скорее покончить с технико-экономической и научно-технической отсталостью страны. В этом, возможно, заключается один из секретов китайского феномена. В Китае есть также понимание того, что реализация всего многообразия человеческих интересов, "сохранение своего лица" осуществляются не только через куплю и продажу. Китайское общество, как это ни странно, оказалось подготовленным к более широкому пониманию экономической эффективности, не ограниченному рыночными интересами хозяйствующих субъектов.

Традиционный экстенсивный способ производства, базирующийся на примитивной дешевой технике, явился способом выживания в гипернаселенном Китае. Следствием его стали массовое расхищение водных, земельных, энергетических, минеральных, лесных ресурсов, эрозия почв, опустынивание, углубление всеохватывающего экологического кризиса.

Китайским руководством был сделан вывод о невозможности на базе ресурсозатратного производства в предстоящие 20–25 лет повторить подъем экономики, аналогичный тому подъему, который имел место в 1979–1995 гг. Единственным выходом из этого критического положения должен стать переход к ресурсосберегающему, науко- и капиталоемкому производству. Однако на пути к этому переходу в Китае существует много трудностей и препятствий. Главными проблемами И.Н. Наумов считает следующие: 1) обеспечение устойчивого роста и недопущение разрушительных подъемов, "перегревов", "охлаждений" и т.д.; 2) переход от экстенсивных, ресурсозатратных к интенсивным источникам роста, который потребует ограничения массового строительства и производства, внедрения в широких масштабах современной техники и технологии, повышения производительности труда, квалификации работников, уровня управления, концентрации капитала и эффективного функционирования трансрегиональных и транснациональных компаний; 3) наиболее болезненная задача — замена трудозатратного и трудоемкого типа роста капитало- и наукоемким, требующим концентрации материально-финансовых средств и замены живого труда в гипернаселенной стране; 4) обеспечение экономического роста естественными и финансовыми ресурсами (с. 69).

В разделе "Стратегия и прогнозы развития материального производства" рассматриваются проблемы самообеспечения продовольствием, проекты развития инфраструктуры и базовых отраслей экономики, а также перспективы развития пяти опорных отраслей — машиностроения, электроники и информатики, автомобилестроения, химии и нефтехимии, производства стройматериалов, — которым в прогнозах отводится роль главного рычага по переводу традиционно-инерционной экономики Китая на интенсивный путь. По мере наращивания научно-технического потенциала, объемов производства и расширения ассортимента продукции роль опорных отраслей как материальной основы инвестирования и реконструкции отечественного производства, считает И.Н. Наумов, будет возрастать.

Китай получил благоприятный шанс на овладение рынками отстающих в индустриальном развитии стран. Особые виды Китай имеет на использование энергетических и других природных ресурсов стран СНГ. Распад Советского Союза китайские руководящие и научные круги восприняли как редкостный шанс для Китая, которым необходимо непременно воспользоваться. Стратегия глобализации китайской экономики предполагает ее вхождение в мировое хозяйство, конкретная направленность этого процесса уже сейчас осуществляется посредством стратегии регионализации. На границах СНГ создаются два региональных интернациональных экономических района — один с центром в Харбине и другой с центром в Урумчи. По существу, образование интернациональных экономических районов означает интеграцию их ресурсов в быстро набирающую силу и испытывающую возрастающий дефицит энергии и сырья китайскую экономику.

Будущее развитие Китая полагается на использование в больших масштабах мирового интеллектуального, научного, технико-технологического, кадрового и природно-сырьевого потенциала как одного из самых главных источников достижения стратегической долгосрочной цели — преобразования традиционных производств в современные. Внедрение новых и новейших технологий в Китае сопряжено в основном с импортом, собственные раз-

работки развиты недостаточно. Темпы освоения как импортной, так и отечественной новой и высокой техники и технологии не всегда соответствуют поставленным целям. Тем не менее противоречивая, изменяющаяся, трудно предсказуемая, но в целом благоприятная для Китая глобализирующаяся мировая экономика и внешнеполитическая ситуация предоставили определенные гарантии для осуществления принятой стратегии экономического развития. Это положение акцентировано в разделе книги "Глобализация и регионализация экономики КНР как источник ее научно-технической реконструкции в XXI веке". Вместе с тем в ней подчеркнуто, что "хотя Китай и рассчитывает на иностранные займы и непосредственные вливания капитала в свою экономику, в конечном счете основой запланированных преобразований могут стать только собственное производство и собственные ресурсы" (с. 149).

Варианты прогнозных оценок, приведенных в книге, базируются как на расчетах самого автора, так и на материалах китайских источников. Фактура книги И.Н. Наумова, основанная на китайских первоисточниках, дает возможность воссоздать живую ткань китайской действительности, лучше понять и грандиозность, и сложность перспектив ее развития.

© 2001

З. Муромцева,
кандидат экономических наук

Китайский вариант "третьего пути"
О книге Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу "Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа". Пер. с кит. М.: ИДВ РАН, 2001. 367 стр.

Рецензируемая работа, как отмечается в авторском предисловии, представляет собой второе дополненное издание книги "Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа", опубликованной в КНР в 1994 г. Затем книга появилась в переводах на английском, японском, корейском, французском и вьетнамском языках, благодаря чему приобрела широкий круг читателей не только в Китае, но и за рубежом и получила многочисленные одобрительные отзывы от ученых из разных стран.

С выходом русского издания этого научного труда российские читатели, экономисты, политологи, идеологи получили возможность ознакомиться с книгой и обменяться мнениями по ее ключевым проблемам.

Публикация в ПДВ, 2001, № 5, рецензии д.э.н. Шабалина В.И. на эту книгу, весьма содержательной и адекватно отражающей ее высокую ценность, положила начало обсуждению этой работы на страницах журнала.

К вступлению в диалог с уважаемым автором этой рецензии, позволю себе привести из нее небольшую выдержку: "При рассмотрении экономической стратегии и реформ в КНР Линь Ифу, Цай Фан и Ли Чжоу последовательно придерживаются линии сугубо экономического анализа, оставляя в стороне политические и идеологические вопросы. Это придает книге определенную цельность" (ПДВ, 2001, № 5, с. 175).

С такого рода характеристикой, на мой взгляд, вряд ли можно согласиться. Одна из самых сильных сторон книги как раз и состоит в том, что, уходя от прямого анализа политических и идеологических вопросов, ее авторы косвенно придают экономическому анализу политическую содержательность и не слишком сильно маскируют свое отношение к тем или иным шагам правительства — положительное, отрицательное, сдержанное. Что касается идеологической стороны, то, несмотря на отсутствие в книге понятия "компаративизм" (учение, содержание которого заключается в сравнениях), истинная методология книги носит институционально-компаративистский характер: что и насколько лучше и что хуже. "Опыт 20 лет экономических реформ в Китае, — пишут авторы, — не только имеет познавательное значение для реформируемой экономики других стран, но и должен внести свой вклад в теорию институциональных изменений" (с. 311).

Сравнения носят в книге временной и региональный характер, с обращенностью прежде всего к новейшей истории и к положению дел в странах Восточной Азии — Японии и "четырех малых драконов" (Республика Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур). В намного меньшей степени авторы обращаются к сравнениям с СССР-Россией, хотя полезность таких сравнений очевидна. Как отмечает в предисловии ответственный редактор перевода д.э.н. А.В. Островский: "Всесторонний анализ китайского опыта в предлагаемой читателю книге, позволяет должным образом переосмыслить пройденный Россией тернистый путь реформ и понять основные ошибки в их проведении на основе разработанной китайскими учеными теоретической модели перехода от стратегии догоняющего развития к стратегии сравнительных преимуществ"(с. 15).

Мы еще вернемся к этим проблемам, а сейчас отметим, что при всей многоплановости в книге на первом месте "внутренний компаративизм", т.е. сравнение положения дел в самом Китае в историческом и в региональном планах. В том же предисловии его автор вполне обоснованно пишет следующее: "Значение книги "Китайское чудо" выражается не в том, что в ней анализируется опыт китайских реформ как таковой, а в том, что она показывает недостатки в экономической стратегии Китая 50-70-х гг. и пути их исправления. В ней не только изложена модель перехода от плановой экономики к рынку, но и показано как совершить этот переход с наименьшими издержками для общества" (с. 13).

Нечего и говорить о том, что обращение авторов книги к термину "чудо" носит символический характер. Этот термин используется лишь для того, чтобы показать, что, с одной стороны, никакого чуда не совершилось, а с другой — чтобы обратить внимание на крайнюю необычность, с которой в 80-90-х гг. XX века и, как прогнозируют авторы, также и в XXI веке проявлялись и будут проявляться экономические законы. Самое необычное здесь — исключительно высокие темпы экономического роста. В книге отмечается, что согласно данным, опубликованным в "Докладе о мировом развитии (1997)" Всемирного банка, за период 1980-1995 гг. среднегодовой рост ВНП Китая составил 11,1%, а рост ВНП Китая на душу населения — 8,2%, что не имело аналогов в мире. В этот же период рост ВНП Китая превысил мировой рост на 6,5% (с. 20).

Как пишут авторы, за период 1978-1997 гг. в I, II и III сферах (сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг) среднегодовой рост составил 5,03, 11,87 и 10,62%, что, соответственно, на 184, 10 и 139% выше, чем среднегодовой рост в тех же сферах в 1952-1977 гг. В 1978-1997 гг. еще быстрее росла внешняя торговля — общий объем импорта и экспорта за этот период увеличился с 20,64 млрд. ам. долл. США до 325 млрд. ам. долл. (При годовом росте 15,6% — с. 22). Нелишне отметить, что после многих лет большого отставания от индустриального мира по такому жизненно важному показателю, как калорийность питания, КНР вплотную подошла к уровню Японии (в 1995 г. общий объем ежедневного потребления в Китае 2741 калорию против 2887 в Японии) и по тому же показателю приблизилась к развитым странам, где в том же году калорийность составляла 3191 (с. 277).

Что же принесло с собой столь радикальный перелом в экономическом развитии величайшей по населению страны мира? Забегая вперед, отметим, что в книге ответ на данный вопрос пролегает через обращение к рынку, как душе экономики, как к первому и необходимому условию успешной реализации принципа предельной полезности, поднятия уровня предельности — условию необходимому, но недостаточному. "Рынок, — пишут авторы, — это не абстрактные кривые спроса и предложения, а определенная институциональная система" (с. 318). Но будучи абсолютно необходимым, рынок сам по себе является институтом неоднозначным и недостаточным. По самой своей природе рынок заключает в себе асинхронность — в одном плане необходимую, придающую рынку потенциал созидательности; в другом плане заключающую в себе возможность разрушительной анархии производства. Как показал весь исторический опыт, и в особенности опыт XX столетия, курс на полную ликвидацию первой черты (т.е. на безукоризненное действие абстрактных законов), на что претендовал коммунизм, чреват разрушением экономики. С другой же стороны, отказ от противостояния такого рода черте (анархической асинхронности) ввергает экономику в тяжелейшие кризисы. В афористическом виде самая разумная квалификация природы рынка и противостояния его отрицательным чертам содержится в следующем девизе, рожденном в германской социал-демократии: "Конкуренция — везде, где возможно, регулирование — везде, где необходимо". "В макроэкономических условиях, — пишут авторы, —характеризующихся ценовыми деформациями, у хозяйственных единиц на микроуровне отсутствовал объективный показатель их хозяйственной эффективности" (с. 343).

В самом общем виде в новое и новейшее время история взаимодействия природной рыночной анархии и государственно-общественного регулирования выглядит следующим образом.

— В странах Запада со времен первоначального накопления и вплоть до "управленческой" (или, как ее часто называют "рузвельтовской") революции 30-50-х годов прошлого века — относительно минимальное внерыночное регулирование рынка и как результат — циклический ход развития экономики, включая кризисы, рост безработицы, социальные потрясения.

— Там же со времени названных событий — конкурентно-корпоративная рыночная экономика, активно и результативно регулируемая государством (кейнсианство), функционирующим на традиционной, веками сложившейся политико-демократической основе.

— Переворот, начало которому было положено Октябрьской революцией, в период гражданской войны в России — на советской территории сочетание политической диктатуры с нерыночным (фактически безденежным) хозяйством.

— В 1921-1928 гг. НЭП в России — первое во всей истории крупномасштабное соединение жесткой политической диктатуры с рыночным хозяйством, с товар-

но-денежными отношениями и, соответственно, рост экономики, во-первых, резко ускорившийся, во-вторых, рациональный в смысле опережающего развития производства средств потребления.

В эти же годы в СССР началась борьба против "правого уклона", за "генеральную линию партии" (КПСС) — факты, на которых остановимся подробней, так как обращение к происходившему в тот период в нашей стране очень важно для понимания того, как складываются дела в сегодняшнем Китае. Исходную позицию здесь следует искать в марксистской концепции, согласно которой капиталистическая эксплуатация проистекает из частной собственности на средства производства с исторической необходимостью перехода к общенародной собственности как первого и главного условия ликвидации эксплуатации. На практике это означало подавление рынка не только как средства обмена, но и как средства измерения затрат и результатов — средства экономической информации жизненно необходимого для нормального функционирования экономики[1]. Иными словами антирыночная политика исключала возможность оценки по результатам труда, то есть носила объективно антисоциалистический характер.

Вот что говорят об этом авторы рецензируемой книги: "Бухарин (наиболее видный представитель "правого уклона" — Я.П.) настаивал на том, что плановая экономика не должна отрываться от рыночных механизмов, а что касается крестьянских хозяйств, то их следует выводить на путь социализма, устанавливая с ними рыночные отношения, и уже через развитие сельского хозяйства расширять спрос на продукцию легкой промышленности, тем самым стимулируя ее рост, увеличивая производство потребительских товаров, развитие же легкой промышленности в свою очередь увеличит спрос на продукцию тяжелой промышленности. Так развитие сельского хозяйства создает огромный рынок для индустриализации" (с. 51). Это и был курс, который впоследствии, уже после второй мировой войны, в его противостоянии и западному капитализму и тоталитарному социализму получил название "третий путь".

Продолжая анализ, авторы рецензируемой книги пишут следующее: "В противовес Бухарину "группа сверхиндустриализации", связанная с именем Преображенского, выступила за использование государством своего монопольного положения, за введение неэквивалентного обмена промышленной и сельскохозяйственной продукции, за установление высоких налогов на несоциалистический сектор экономики и проведение инфляционной политики в целях получения принудительных накоплений для индустриализации" (с. 51-52).

К сказанному необходимо добавить следующее: во-первых, обращение в данном случае к имени Преображенского не вполне обоснованно, так как последний был не лидером, но лишь одним из видных деятелей группировки, возглавлявшейся Троцким и потерпевшей в ходе фракционной борьбы полное поражение. Победила же и вывела страну на путь "генеральной линии" фракция Сталина, пошедшая по троцкистскому пути с крайне тяжелыми последствиями. Стоит лишь напомнить о проведенных сталинистами "раскулачивании", насильственной коллективизации и создании государственных МТС (машинно-тракторных станций) — акциях и институциях, сопровождавшихся изгнанием из деревни, массовыми арестами, расстрелами и ссылками лучшей, наиболее продуктивно работавшей части крестьян и воссозданием существовавшей в годы гражданской войны системы продразверсток и приказного управления всей экономикой (с открыто провозглашенным принципом "план-приказ").

Вышесказанное означало, что благотворный опыт НЭП'а продолжался всего 7-8 лет и уже в конце 20-х годов был отброшен.

Сравнение такого положения дел с Китаем после Мао Цзэдуна приводит к следующему заключению: если в СССР авторитарный вариант социализма (сочетание однопартийности с рыночным хозяйством) просуществовал небольшой срок, в течение которого не мог в полной мере обнаружить свои сильные стороны и преимущества, то в КНР положение сложилось совершенно по-иному. Действовавшая после смерти Мао печально знаменитая "банда четырех" представляла собой не что иное, как китайский вариант троцкизма, а ее полное поражение и победа Дэн Сяопина означала счастливую не только для китайского народа, но и для всего мира победу той социалистической линии, которая в России была заклеймена как "правый уклон". При этом, как вполне очевидно, коренная историческая разница заключалась в сроках. Если российский НЭП продолжался в течение 7-8

лет, после чего с конца 20-х гг. тоталитарный режим однопартийной диктатуры в политике и в экономике существовал более 6 десятилетий, то китайский "макси НЭП" существует уже около четверти века с перспективой его дальнейшей большой продолжительности. В докладе на XV съезде Компартии Китая (сентябрь 1997 г.) председатель КНР Цзян Цзэминь заявил, что построение социализма с китайской спецификой, включая формирование системы социалистической рыночной экономики, потребует, по меньшей мере, сто лет, а для укрепления и совершенствования социалистического строя "потребуется еще более длительное время, потребуются неустанные усилия нескольких, даже десятков поколений"[2].

Содержательность и убедительность такого рода прогнозов может предстать перед читателем только при ознакомлении с самой книгой. Не выходя за рамки задачи помочь такому пониманию, мы привлекаем внимание к тому, что, часто обращаясь в китайско-конфуцианской манере — к символам и афоризмам, авторы более всего оперируют такими понятиями китайской публицистики, как "двухколейная система", под которой имеется в виду постоянное и широкое взаимодействие частного, и государственного секторов, как "переходить реку, нащупывая камни" — афоризм, под которым подразумевается широкая обращенность к уже отмеченному выше соединению институционально-странового и абстрактно-теоретического подходов — со вполне определенным преобладанием первого. Ликвидация в Китае "народных коммун", а в России и во всех странах бывшего "Социалистического содружества" колхозов сталинского типа — одно из самых ярких проявлений той большой роли, которая принадлежит в методологии современной общественной науки институционализму.

С точки зрения основной линии анализа , проделанного авторами книги, самое важное значение имеет формулирование "перехода от "стратегии догоняющего развития" к "стратегии сравнительных преимуществ" (гл. 2), а также критика "шоковой терапии" со вполне обоснованной апологией постепенности развития.

Для лучшего понимания данных концепций снова напрашивается сравнение с опытом Советского Союза. Напомним о том, что в период "борьбы за генеральную линию партии" основной экономический девиз "догнать и перегнать передовые капиталистические страны по уровню экономического развития" отождествлялся с девизом индустриализации, что в свою очередь предполагало трактовку опережающего роста производства средств производства (I подразделение) по отношению к средствам потребления (II подразделение) в качестве всеобщего и неотступного закона экономического прогресса. С победой в 1949 г. народной революции руководство КПК — КНР встало на тот же путь.

Чем больше проходит времени, тем ясней становится тот факт, что выдвижение такого рода девизов не означало ничего иного, кроме того, что политические факторы, связанные с устремленностью к расширению зоны господства коммунизма ("мировая революция") или с опасностью противокоммунистической агрессии — находились впереди теоретического анализа. Это означает, что внушительные средние цифры роста в дореформенный период в Китае (так же, как и средние цифры роста экономики в СССР в годы пятилеток) сами по себе не отражают темпов экономического прогресса: за ними скрывается тот факт, что сравнительные преимущества оставались на стороне средств производства, тогда как производство средств потребления топталось на месте, а иногда и понижалось (с. 92-93).

Что касается теории, то мировая экономическая наука давно (по крайней мере со времени Дж. Шумпетера (1883-1950) доказала, что основной путь экономического развития пролегает не через повышение доли I подразделения, а через новаторство, через такие новые способы производства, которые, при всех сложностях и противоречиях, в конечном счете вместе с ростом среднего уровня производительности влекут за собой повышение доли производства и реализации средств потребления, то есть опережающий рост II подразделения. В данном аспекте весьма важно то, что авторы книги фиксируют чрезмерность роста в Китае тяжелой промышленности и низкий уровень легкой промышленности в дореформенные годы и считают закономерным начавшийся в последующий период поворот в сторону повышения удельного веса сельского хозяйства и других сфер, занимающихся производством средств потребления (с. 314). И особенно примечательно то, что такого рода прогрессивный поворот совершается не путем усиления государственного вмешательства, а, напротив, путем

его ослабления. "Оживление (в смысле ускорения общего роста и опережающего роста производства средств потребления. — Я.П.) вслед за освобождением" (с. 283) — таков один из важнейших аспектов перехода от "стратегии догоняющего развития" к "стратегии сравнительных преимуществ".

Нельзя не обратить внимание и на то, что, согласно позиции авторов, отражающей положение дел в современном Китае, прогресс рыночных отношений не совпадает с усилением приватизации, а сопровождается поддержкой плюрализма собственности (с. 329). Помимо всего иного, это означает, что необходимость существования государственных предприятий не только сохраняется, но в некоторых направлениях усиливается. "В ходе преобразований, — пишут авторы, — защита госпредприятий необходима по двум причинам. Во-первых, в связи с целым рядом социальных обстоятельств, оставшихся со времени проведения стратегии приоритетного развития тяжелой промышленности. Во-вторых, некоторые крупные предприятия по-прежнему выполняют стратегические задачи правительства... и не могут упорядочить ассортимент продукции в соответствии со сравнительными преимуществами Китая" (с. 284). Это означает также, что, оставаясь ведущей силой "нащупывания камней", государство производит такое "нащупывание" прежде всего при помощи рынка; что оно поощряет естественный конкурентный отбор лучших предприятий — при том, что большая часть худших не разоряется, не ликвидируется, а поднимается до жизнеспособного уровня (в теории предельной полезности это означает повышение предельного уровня). "Ослабление системы управления, — пишут авторы, — создало условия для развития негосударственного сектора, включая городские и поселковые коллективные предприятия, деревенские и волостные, городские и сельские частные (индивидуальные) предприятия. Хотя эти предприятия были вынуждены выживать и развиваться в условиях рыночной конкуренции и не получать никаких льгот от государства, но именно давление рыночной конкуренции заставило их оптимизировать размещение ресурсов. Рабочие и служащие предприятий негосударственного сектора не получали никаких государственных субсидий, но (вместо прежней системы оплаты по часам труда. — Я.П.) была введена система распределения, увязывающая зарплату с реальным вкладом в работу предприятия, что в огромной степени повысило производственную активность трудящихся. Именно эти механизмы стимулирования — естественный отбор предприятий в ходе рыночной конкуренции и распределения в зависимости от затраченного полезного труда обеспечили быстрый рост негосударственных секторов экономики" (с. 224-225).

Радикальный характер совершившихся перемен отчетливо проявляется в динамике соотношения государственного и негосударственного секторов. В то время, как в годы советских пятилеток монопольное положение государственного сектора выпячивалось как прогресс социализма, в КНР, как уже отмечалось, в качестве успеха социализма сегодня трактуется прямо противоположное — опережающий рост негосударственных предприятий.

"Развернутые в конце 70-х годов в Китае экономические реформы, — пишут авторы, — были прежде всего начаты в микроэкономическом звене. В госсекторе в результате преобразований по передаче прав предприятиям и разрешения им распоряжаться прибылью улучшился механизм стимулирования, повысилась производительность труда, предприятия получили право распределения части вновь образовавшихся ресурсов... В деревне внедрение семейного подряда аналогичным образом повысило активность крестьян, создало новые ресурсы. Путем быстрого развития волостных и поселковых предприятий эта часть вновь образовавшихся ресурсов также была размещена в секторах, ранее находившихся в подавленном состоянии" (с. 344).

Нелишне добавить, что за каждым из воспроизведенных здесь тезисов лежит содержательный анализ фактического положения дел с многократным обращением к статистике. Как показано в таблицах 6.2 и 6.3 (с. 226-227), доля негосударственных секторов в структуре промышленного производства и в объеме розничных продаж устойчиво растет. В частности, доля негосударственных секторов в промышленном производстве выросла с 22,4% в 1978 г. до 74,5% в 1992 г., то есть на 52,1 процентных пункта. За тот же период их доля в объеме розничных продаж выросла с 45,4 до 75,5% (с. 225). За период с 1990 г. по 1996 г. доля цен на сельскохозяйственную продукцию, определяемых и регулируемых правительством, снизилась с 48% до 21%, а рыночных цен выросла с 51,6% до 79,0% (с. 279). Число видов про-

Таблица 1

Изменения способов контроля над ценами (%%)

Общий объем	Вид цен	1990 г.	1996 г.
Общественных розничных продаж	Определяемые правительством	29,8	6,3
	Направляемые правительством	17,2	1,2
	Регулируемые рынком	53,0	92,5
Закупок сельскохозяйственной продукции	Определяемые правительством	25,0	16,9
	Направляемые правительством	23,4	4,1
	Регулируемые рынком	51,6	79,0
Реализации средств производства	Определяемые правительством	44,6	14,0
	Направляемые правительством	19,0	4,9
	Регулируемые рынком	36,4	81,8

(с. 209.)

дукции, подпадающих под действие директивного планирования, снизилось со 120 в 1979 г. до 58 в 1990 г. (с. 185). Об изменении способов контроля над ценами можно судить по цифрам таблицы 1.

Вместе с тем, несмотря на приверженность к рынку, складывающееся положение авторы отнюдь не идеализируют. Анализ противоречий и трудностей, с которыми сталкиваются реформы, а также мысли о путях их преодоления пронизывают всю книгу, но в наиболее концентрированном виде сосредоточены в гл. 7 ("Трудности и проблемы реформ и развития Китая", с. 243-281). Прежде всего здесь показано, что наряду с опережающим ростом так называемого коллективного сектора (под которым подразумеваются частные и кооперативные предприятия — в противоположность государственным) усиливалась "дурная асинхронность", которая характеризуется здесь как хаос, как такая цикличность, которая проявляется не только в ходе производства, но и в динамике самих реформ. "Все это, — пишут авторы, — можно свести к бесконечно текущим циклам, описываемым следующим образом: за оживлением следует хаос, за хаосом его пресечение (т.е. "лопанье мыльного пузыря" — Я.П.), за пресечением безжизненность, за безжизненностью оживление" (с. 245).

Сравнивая с прошлым, нельзя, однако, обойти вниманием следующее: во всем индустриальном мире в течение двух веков циклообразующим фактором был кризис, означавший падение производства ниже докризисного уровня. В современной же экономической науке вместо кризиса или депрессии используется понятие "рецессия", что означает не падение общего объема производства, а лишь сокращение темпов его роста. Последнее относится и к современному Китаю (с. 244). Иными словами, речь идет о том, что хаос, возникающий на микроуровне (прежде всего в сфере мелких и средних предприятий), смягчается, но отнюдь не ликвидируется государственным регулированием. При всей национальной специфике дело идет так же, как оно сложилось на Западе и в Японии, то есть в том направлении, по отношению к которому формула "организованный капитализм", клеймившаяся в марксизме как проявление зловредного оппортунизма, была и остается оправданной.

В этом же плане заслуживает особого внимания следующая концепция. Авторы исходят из того, что абсолютное равновесие спроса и предложения не только невозможно, но и пагубно в том смысле, что в случае временного затягивания оно подрывает стимулы к росту. Вместе с тем в книге выдвигается вопрос: что из двух вариантов неравновесия для экономики хуже — дефицит или избыток? Вот какой ответ дают авторы: "В Китае, —пишут они, — уже принято решение о создании рыночной экономики, для которой крайне важна конкуренция. Однако, если экономика находится в состоянии всеобщего дефицита, то конкуренция не может быть по-настоящему развернута. Только при относительном перепроизводстве можно обеспечить полноценную конкуренцию (подчеркнуто мной — Я.П.), могут быть защищены права потребителя и благосостояние общества, предприятия вынуждены быстро упорядочивать производство в соответствии с рыночными изменениями, снижается себестоимость производства и хозяйствования, увеличивается способность к получению прибыли. Относительный избыток практически является нормальным явлением рыночной экономики" (подчеркнуто мной — Я.П., с. 305).

Второй дефект, которому уделено большое внимание — "системная рента".

Речь идет о том, что "двухколейное" распределение ресурсов сопровождается очень широкой распространенностью "ренты", равной разнице между рыночной ценой и заниженной плановой ценой на продукцию и факторы производства. Любая незаконная деятельность, направленная на получение такого рода "ренты", приравнивалась к коррупции, наносящей серьезный урон государственным предприятиям (с. 253-257).

Касаясь этого вопроса, нельзя не отметить сомнительность обращения авторов к понятию "рента". Под рентой в экономической науке подразумевается порождаемая благоприятными природными или иными условиями разница между результатами труда данной интенсивности и качества по сравнению с результатами, получаемыми на условиях предельности или среднего уровня тех же условий. Поэтому в теоретическом плане рента сама по себе не носит преступного характера и ее отождествление в книге с коррупцией или спекуляцией нельзя считать обоснованным.

Среди других дефектов, сохраняющихся от дореформенного прошлого или даже обострившихся с начала реформ, авторы обращают внимание на усилившуюся несбалансированность регионального развития (с сильным отставанием западных районов страны от восточных, с. 270-271); совершившееся в результате замены прежней системы государственных ассигнований (т.е. фактического субсидирования) кредитованием, рост плохих и безнадежных долгов, доля которых в кредитах четырех ведущих государственных банков в настоящее время достигает 25% общей массы их кредитов (с. 264-269), что грозит всплеском инфляции и т.д.

В заключении к своей работе авторы пишут следующее: "Если правительство сможет понять и осознать необратимость реформ и насущность стратегии сравнительных преимуществ, то процесс преобразований будет идти более высокими темпами и с меньшим количеством зигзагов. *Если твердо отстаивать правильный курс реформ, то можно решить проблемы и преодолеть все препятствия, возникающие в процессе движения вперед. Постоянное достижение успехов в реформах окажет эффективную поддержку быстрому, здоровому и длительному экономическому росту.* Если получить такую гарантию, то в начале следующего века Китай обгонит США и Японию, будет обладать крупнейшей в мире экономикой, произойдет чудо перехода китайской нации от упадка к процветанию, и это вовсе не сказка" (с. 348).

Мы полагаем, что обращение в данном пассаже к условно-сослагательному наклонению отнюдь не является случайным. Все дело в том, как признают сами авторы, что рыночная реформа в КНР при сопоставлении с намеченными целями "еще очень и очень далека от победы" (с. 43). В конечном итоге исход реформы будет зависеть от того, сумеет ли государство (правительство) поддерживать и развивать необходимое взаимодействие с рынком.

В итоге напрашивается следующий вывод.

С обращением к институционально-компаративистскому подходу в сочетании с многосторонним межстрановым плюрализмом, авторы создали фундаментальную работу, которая по своему научному уровню может быть поставлена в один ряд с наиболее известными трудами, посвященными анализу новейших перемен в мировой экономике. Значение данного труда и его перевода особенно велико в связи с тем, что российский читатель недостаточно осведомлен о положении дел в экономике нашего великого соседа.

Остается лишь поблагодарить Институт Дальнего Востока РАН за проявленную инициативу в переводе и публикации данной книги и пожелать успеха в подготовке новых изданий такого высокого уровня.

Я. Певзнер
д.э.н., главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

1. Подробно см. об этом в книге Я.А.Певзнер "Введение в экономическую теорию социал-демократизма". М., Изд. УЗСС. 2001.
2. Подробно см.: там же. Гл. 5. С. 169-174.

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2001 год

А.Григорьев. На рубеже эпох ..... № 1

ДОКУМЕНТЫ

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР ..... № 5
Московское совместное заявление глав государств России и Китая ..... № 5
Московская декларация Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики ..... № 5
Российско-корейское совместное заявление ..... № 2
Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам ..... № 2
Улан-Баторская декларация ..... № 1

ПОЛИТИКА

Н.Анисимцев. Преступность в современной Японии ..... № 2
А.Асанова. Становление межгосударственных киргизско-китайских отношений ..... № 3
И.Бабак. Визит президента Беларуси в Китай: новый этап в развитии двусторонних связей ..... № 4
Г.Булычев. Ким Чен Ир отправляется в путь ..... № 5
А.Бэттлер. Биполярность: призрак или реальность? (К обсуждению статьи А.Яковлева) ..... № 1
П.Васильев. Россия, Китай, талибы ..... № 3
В.Воробьев. От Шанхая до Шанхая. К созданию Шанхайской организации сотрудничества ..... № 4
С.Гончаренко. Саммит АТЭС в Брунее ..... № 1
А.Григорьев, М.Титаренко. К 80-летию Компартии Китая ..... № 4
К.Ефремова. Китай и Индия в XXI веке: прогнозы индийских политологов ..... № 4
А.Ларин. Китайская политика России при Президенте В.В.Путине ..... № 3
С.Лузянин, Т.Шаумян. Россия-Китай-Индия: новые вызовы и угрозы XXI века (К итогам трехсторонней российско-китайско-индийской международной научной конференции) ..... № 6
Выступление М.Л.Титаренко на российско-китайско-индийской конференции ..... № 6
Л.Моисеев. Россия и Монголия становятся ближе друг к другу ..... № 1
А.Москалев. Дискуссии о национализме в КНР ..... № 3
В.Павлятенко. Япония и американский план создания ПРО ТВД в Северо-Восточной Азии ..... № 3

В.Петровский. Россия и безопасность в Евразии (Региональные режимы безопасности в Центральной Евразии на рубеже XXI в.) ..... № 2
А.Поляков, В.Климов. Россия-Вьетнам: от стратегического интереса к стратегическому партнерству ..... № 3
И.Рогачев. Историческая веха в наших отношениях с Китаем — Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве ..... № 5
Р.Савельев. Внешняя политика нового руководства России и российско-корейские отношения ..... № 2
А.Семин. Что мешает достижению согласия между Токио и Пекином ..... № 2
Г.Степанова. Народный Политический Консультативный Совет Китая на современном этапе ..... № 5
Мунэо Судзуки. Процесс углубления взаимопонимания создает базу для новых японо-российских отношений ..... № 1
Г.Толорая. Россия-Республика Корея: после саммита в Сеуле ..... № 2
В.Федотов. Формирование диалоговых механизмов в сфере безопасности в АТР: позиция США ..... № 1
Ф.Хамраев. К вопросу о китайско-афганских отношениях ..... № 3

НАШИ РЕФЕРАТЫ

В.Барышников. Китайские политологи об "эпохе Ельцина" ..... № 1
А.Болятко. "Белая книга" о национальной обороне Китая в 2000 году ..... № 1
Г.Богданов. Ли Цян. Некоторые сведения о частных хозяйствах Китая ..... № 5

ЭКОНОМИКА

Г.Белокурова, М.Мизгулина. Проблемы интернационализации японской йены в условиях глобальных изменений в мировой валютно-финансовой системе ..... № 4
Я.Бергер. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы ..... №№ 1,2
И.Богдан. Проблемы и перспективы расширения российско-южнокорейских экономических отношений (окончание) ..... № 1
Ван Лолинъ, Пэй Чжанхун, Лу Шэнлян. Иностранные инвестиции в Китае: структура, динамика и тенденции развития ..... № 1
В.Данилов. Торгово-экономическое сотрудничество России со странами АСЕАН ..... № 2
Десятый пятилетний план экономического и социального развития КНР:
И.Наумов. Десятая пятилетка в реализации экономической стратегии КНР ..... № 4
В.Михеев. О новой пятилетке Китая ..... № 4
В.Жигулева. Ценовая политика как инструмент перехода к рыночной экономике в Китае ..... №№ 4, 5
П.Каменнов. Космическая программа Китая ..... № 6
В.Карлусов. Смешанная экономика в Китае: от дискриминации к поддержке ..... № 4
Н.Коледенкова. Черная металлургия КНР: возможности и реальность
Ли Чжэ Ен. Изменения в характере экономических отношений между Северной Кореей и Россией и некоторые предложения для Южной Кореи ..... № 1

Лю Гогуан. Проблемы урегулирования экономической структуры Китая ... № 6
П.Мозиас. Проблемы развития азиатских НИС в зеркале зарубежной экономической науки ... №№ 1, 2
З.Муромцева. Развитие новых и высоких технологий в КНР в условиях глобализации ... № 6
Я.Певзнер. Куда движется японская экономика? ... № 4
М.Потапов. Внешнеэкономическая стратегия стран Восточной Азии после финансового кризиса ... № 6
Э.Пивоварова. Социальное измерение экономической реформы в КНР ... № 1
С.Суслина. Корейский полуостров в формате экономического сотрудничества с Россией ... № 5
С.Суслина. Южнокорейский опыт реформирования финансово-промышленных групп ... № 3
Л.Ходов. Проблемы и перспективы внешнеэкономических связей КНДР ... № 3
Хоу Вэньжо. Реформа системы социального обеспечения в Китае. Комментарий Е.Селивановой ... № 1
Хоу Цзиньгуан. Создание системы современных предприятий в Китае: теория и практика ... № 3
Д.Шаринов. Размещение акций китайских компаний на зарубежных фондовых рынках ... № 4
Г.Яскина. Малайзия: из опыта преодоления последствий экономического кризиса ... № 5

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Китайско-российское региональное сотрудничество (по материалам конференции в Харбине) ... № 6
Е.Мотрич. Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке ... № 6

ОБРАЗОВАНИЕ

Н.Боревская. Реструктуризация финансирования государственной системы образования в КНР ... № 2
О.Железняк. Образовательная система Японии ... № 5

ИСТОРИЯ

Л.Березный. Американская историография новой истории Китая: кризис парадигм? Заметки о дискуссиях синологов США ... № 3
В.Крюков. Сунь Ятсен и "Третья революция": шаньдунский вариант ... № 6
Д.Максимов. Политико-правовые взгляды Кан Ювэя ... № 5
Т.Симбирцева. Россия и Корея: отношения и оценки ... № 4
Чэнь Дунлинь Прошлое и современное состояние изучения истории КНР, ... № 5
А.Юркевич. Военные школы армии Сунь Ятсена и советские советники ... № 2

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

А.Волохова. К истории русско-китайского договора 1896 г. ... № 5

Еще раз о телеграмме Мао Цзэдуна И.В.Сталину от 30 ноября 1947 г. ... № 5
Не публиковавшаяся речь И.В.Сталина о Китае (Вступительная статья А.Григорьева, публикация и комментарии А.Картуновой) ... № 1
К.Фендлер. Австро-венгерские архивные источники и свидетельство современника о КВЖД и строительстве железных дорог в Корее ... № 6
К.Шевелев. К 80-летию образования Компартии Китая: новые документы ... № 4

РУССКИЕ В КИТАЕ

М.Дроздов, Л.Черникова. Русский клуб в Шанхае, его прошлое и настоящее ... № 5
О.Еропкина. Русские и китайские школы на КВЖД. 20-е годы ... № 3
Г.Стародубцев. По страницам харбинского журнала "Известия юридического факультета" (1925-1928) ... № 6
Е.Таскина. Русские врачи в Харбине ... № 5
А.Хисамутдинов. Иннокентий Серышев — востоковед и эсперантист ... № 2
А.Хисамутдинов. Профессор Г.К.Гинс — ученый, политик, публицист ... № 5
Л.Черникова, Бэй Вэньли. Ван Чжичэн — исследователь истории русской эмиграции ... № 6
С.Якимова. Русская дальневосточная эмиграция и ее вклад в сближение культур Запада и Востока ... № 1

ФИЛОСОВИЯ

Д.Главева. Распространение буддизма в Японии: синто-буддийский синкретизм (VI-XII вв.) ... № 3
В.Курносова. Место параллельного комментария в традиционной китайской культуре ... № 5
А.Лукьянов. "Совершенная мудрость" и ранняя философия древних китайцев ... № 4
А.Лукьянов. Ян Чжу как философ: между даосизмом и конфуцианством ... № 2

РЕЛИГИЯ

В.Кузнецов. Политика в отношении религии в КНР ... № 1

КУЛЬТУРА

Н.Демидо. Новое поколение "свободных художников" на литературной сцене КНР ... № 3
Н.Демидо. Город Ухань и его обитатели (по произведениям Чи Ли) ... № 6
А.Желоховцев. Новые темы в современной китайской литературе ... № 2
В.Кузнецов. Змея не только в названии года ... № 2
Ли Суйань. Чжан Симань и Общество китайско-советских культурных связей ... № 5
У Ликунь. К истории составления в Китае русско-китайских словарей ... № 6

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Торжественное заседание, посвященное 80-летию Компартии Китая ... № 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К.Асмолов. Двенадцатая международная конференция ... № 4
В.Барышников Выступление китайских профессоров Лю Гогуана и Ли Цзинцзе в Отделении международных отношений РАН ... № 6
Д.Главева. Научный семинар "Человек и духовная культура Востока" ... № 5
Н.Демидо. Заседание Правления Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК) ... № 6
Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2000 году ... № 2
В.Зимонин. Встреча ученых ИДВ РАН с американскими военными ... № 4
Н.Иванова. Научная конференция Центра исторических и политических исследований Китая ... № 1
Н.Кобозев. V научная конференция кореeведов "Перспективы межкорейского диалога, его внутренние и внешние аспекты" ... № 3
А.Москалев. Преобразования в Тибете и их перспективы. Круглый стол в ИДВ РАН ... № 5
Передача архивных документов, связанных с образованием Компартии Китая, научным учреждениям КНР ... № 3
О.Почагина. XII Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы" ... № 6
Пресс-релиз международной научной конференции "Россия-Китай-Индия и вызовы глобализации. Перспективы трехстороннего сотрудничества" ... № 5
Присуждение ученой степени доктора наук honoris causa видным ученым КНР ... № 1
А.Хисамутдинов. Париж и русская эмиграция на Дальнем Востоке. Научная конференция в Париже ... № 3
А.Юркевич. VII Всероссийская научная конференция. "Философия Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация" ... № 4

РЕЦЕНЗИИ

К.Адамова. Коварж И. Азия — динамичный континент: главные факторы и магистральные направления роста ... № 3
Е.Бирюлин. Ван Синлинь, Ван Кунсю, Ван Сижун. Обзорное исследование "Устойчивого развития" ... № 3
О.Борох. Двадцать экономистов современного Китая: идеи и судьбы №№ 4, 5
А.Волохова, О.Воропаева. "Китайский благовестник": обзор журнала за 1999-2000 гг. ... № 4
В.Дацышен. Ларин А.Г. Китайцы в России. Краткий исторический очерк ... № 4
В.Карлусов. Россия в АТЭС: новые возможности в новых условиях ... № 2
К.Кокарев. Перспективы Китая (Чжунго цзоусян) ... № 2
С.Лузянин. Ларин А.Г. Два президента, или Путь Тайваня к демократии ... № 2
В.Ф.Ли. Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России ... № 3

З.Муромцева. Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996-2020 гг. и проблемы ее реализации ..... № 6
В.Мясников. Попова И.Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая ..... № 1
А.Островский. Шэн Лицзюнь. Дилемма Китая. Тайваньский вопрос ..... № 5
Я.Певзнер. Китайский вариант "третьего пути" (Еще раз о книге Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа) ..... № 6
Л.Переломов. Мартынов А.С.Конфуций. Лунь-юй. Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций. Философия Дао ..... № 4
О.Рахманин, Ю.Песков. Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы ..... № 1
Е.Таскина. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в АТР и Южной Америке. Биобиблиографический словарь ..... № 3
В.Ткаченко. Ли Вл. Ф. Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX век) ..... № 1
П.Трощинский. Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР ..... № 3
Т.Троякова. Дэвид Волфф. На станцию Харбин: либеральная альтернатива в российской Маньчжурии, 1889-1914 ..... № 5
В.Шабалин. Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа ..... № 5
А.Юркевич. Лепехов С.Ю. Философия мадхъямиков и генезис буддийской цивилизации ..... № 4
А.Юркевич. Переломов Л.С. Конфуций. Луньюй. Исследования, перевод с китайского, комментарии ..... № 2
Г.Яскина. Лузянин С.Г. Россия-Монголия-Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. ..... № 3

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

М.Титаренко, А.Яковлев. Академику В.С. Мясникову — 70 лет ..... № 3
Вадиму Ивановичу Шабалину — 70 лет ..... № 4

Памяти Владимира Федоровича Гусарова

19 мая 2001 г. не стало Владимира Федоровича Гусарова, филолога-китаеведа, дипломата и педагога. Все, кто общался с ним на студенческой скамье, знал его по совместной работе в Ленинградском государственном университете или Посольстве СССР в КНР, с болью восприняли это известие. Последние годы он тяжело болел, но старался не подавать виду, не жаловался, продолжал преподавать, пока были силы. Человек исключительного жизнелюбия, он боролся до конца.

Владимир Федорович Гусаров родился 10 сентября 1929 г. на Тамбовщине, в крестьянской семье. Отец его пропал без вести на фронте, мать — рядовая колхозница — одна растила сына. В 1949 г. он был призван в ряды Советской Армии, определен на курсы по изучению китайского языка, служил в Дальневосточном военном округе. В 1952-1956 гг. В.Ф. Гусаров обучался в Военном институте иностранных языков в Москве, а с закрытием института был переведен для окончания учебы в Институт восточных языков при МГУ. В феврале 1957 г. в составе первой группы советских студентов и аспирантов он выехал в Китай, где изучал китайский язык и литературу. В 1961 г. с дипломом Пекинского университета Владимир Федорович вернулся в Советский Союз, поселился в Ленинграде и начал работать в Зоологическом институте АН СССР, занимаясь переводами с китайского и японского языков. В январе 1968 г. В.Ф. Гусаров перешел на работу на кафедру истории стран Дальнего Востока восточного факультета ЛГУ, которой в те годы руководил крупный специалист по истории Китая проф. Г.В. Ефимов.

Еще во время учебы в Пекинском университете В.Ф Гусаров, пытливо взглядываясь в бурную политическую жизнь КНР тех лет, изучая нравы и обычаи китайцев, пришел к убеждению, что познание духовного облика Китая невозможно без серьезного изучения памятников прошлого. Особый интерес у него вызвало наследие выдающегося мыслителя, историка и литератора Хань Юя. Серьезное внимание Хань Юю уделялось в Китае, в нашей стране более десяти работ ему посвятил академик Н.И. Конрад. Диссертация В.Ф. Гусарова "Прозаическое наследие Хань Юя (768-824 гг.)", защищенная им на восточном факультете ЛГУ в 1971 г., принесла ему ученую степень кандидата филологических наук. В этом исследовании были рассмотрены важнейшие сочинения Хань Юя, а в приложении он представил переводы 34 текстов, относящихся к разным жанрам изящной словесности, в сопровождении тщательно составленных историко-филологических комментариев. Владимир Федорович пришел к оригинальным выводам о содержании предложенной танским мыслителем концепции "пути" (*дао*), убедительно показав, что смыкание этико-морального и политического аспектов этой концепции особенно наглядно проявляется в трактовке Хань Юем конфуцианской категории "человеколюбия" (*жэнь*) как некой эманации небесного абсолюта в природе человека. В.Ф. Гусаров проследил развитие в идеологии имперского Китая идеи преемственности "пути" как истины, в цепь исторической передачи которой Хань Юй включил новое и весьма важное звено -- имя и учение Мэн-цзы (IV-III вв. до н.э.). В исследовании В.Ф. Гусарова доказывается, что Хань Юй положил начало систематической разработке конфуцианского учения о "пути", став тем самым предшественником сунского неоконфуцианства. Теории "пути" Хань Юя посвящены также несколько статей Владимира Федоровича, опубликованных в разное время. Они сработаны настолько добротно, что остаются востребованными и современной синологической наукой: ссылки на эти труды можно видеть в произведениях нынешнего поколения исследователей.

В философскую систему Хань Юя органично вписывались его воззрения на цели и задачи литературного творчества. В.Ф.Гусаров подчеркивал, что начатое Хань Юем движение "за возвращение к древности" ставило целью сделать литературу эффективным орудием морального возрождения общества. В то же время в высказываниях этого философа по вопросам литературы он справедливо усматривал стремление к преодолению утилитаризма и к утверждению эстетической значимости бессюжетной прозы.

В.Ф. Гусарова волновала проблема влияния религиозно-философских учений Китая на эстетические взгляды и литературную практику. Ему принадлежит важный теоретический вывод о том, что различные идейные влияния в традиционной китайской изящной словесности "прослеживаются не столько в области духа, настроения и даже общей идеи, сколько в материальной ткани произведения, а именно в слове. Речь в данном случае идет даже не о системе образов, а о способе употребления слова и способе моделирования образа». Для В.Ф. Гусарова традиционные мировоззренческие установки, нравственные ценности и эстетические идеи были ключами к пониманию самобытности истории и культуры Китая. Благодаря такого рода знанию он умел тонко подмечать, каким образом при проведении обновленной внешней и внутренней политики в современном Китае учитывается своеобразие этнопсихологии населения, используется духовное наследие прошлого.

На кафедре истории стран Дальнего Востока ЛГУ В.Ф. Гусаров вел большую научно-исследовательскую работу. Его научные доклады, которые он читал по плану кафедры, собирали не только факультетскую аудиторию — послушать выступления В.Ф. Гусарова приходили коллеги-синологи, работавшие в других научных учреждениях Ленинграда.

Много времени уделял В.Ф. Гусаров общественной работе. Его простота, скромность, честность, открытость, стремление помочь всем, кто к нему обращался, снискали ему высокий авторитет и искреннее уважение среди преподавателей и студентов..

Деятельность В.Ф. Гусарова в Ленинградском государственном университете прерывалась дважды, когда он откомандировывался в распоряжение Министерства иностранных дел СССР. С сентября 1972 г. по январь 1978 г. он работал в Посольстве СССР в КНР в должностях второго секретаря и первого секретаря, в период второй командировки в Китай (январь 1982 - октябрь 1989 г.) — первым секретарем и затем советником Посольства.

После возвращения в 1989 г. в ЛГУ В.Ф. Гусаров стал трудиться на кафедре китайской филологии (с 1998 г. - кафедра филологии Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии) в должности старшего преподавателя, а в октябре 1990 г. Ученый Совет восточного факультета единогласно избрал его доцентом. Увлекательно, с огромной пользой для студентов проходили занятия, на которых он обучал старшекурсников переводить китайские тексты по общественно-политической тематике. Тонкое и глубокое знание политической и экономической терминологии, политических реалий Китая позволяло В.Ф, Гусарову давать исчерпывающе полные и точные пояснения учащимся. Читая со студентами старинные сочинения на древнекитайском языке, В.Ф. Гусаров учил их делать анализ жанровой специфики и структуры текста, выявлять систему художественных средств, понимать особенности литературного стиля. В аудитории неизменно царила творческая атмосфера, все охотно принимали активное участие в обсуждении вариантов перевода. Студенты ценили широкую эрудицию, доброжелательность и чуткость В.Ф. Гусарова.

Память об этом светлом человеке, большом ученом и преподавателе навсегда сохранится в сердцах знавших его людей.

А. М. Решетов,
Е. А. Серебряков,
М. Л. Титаренко

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 15.10.2001 г. Подписано к печати 16.11.2001 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл.печ.л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,8 тыс. Уч.-изд.л. 14,7 Бум. л. 6,0
Тираж 933 экз. Зак. 2672

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2001 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 952000 — журналы